

Галина Краснопевцева

ПУТИ
и Судьбы
Очерки

Качканар, 2017

ЭК

P2
N78

Галина Краснопевцева

7/14

ПУТИ

и Судьбы

Очерки

Юношеская
библиотека

Качканар, 2017

60-летие Ларканара
посвящая

От автора

Дороги, дороги... Сколько их на земле: ровных и ухабистых, просторных и тернистых, спокойных и тревожных, мирных и военных – всяких! И мы выбираем эти дороги. А дороги выбирают нас, проверяя каждого на прочность.

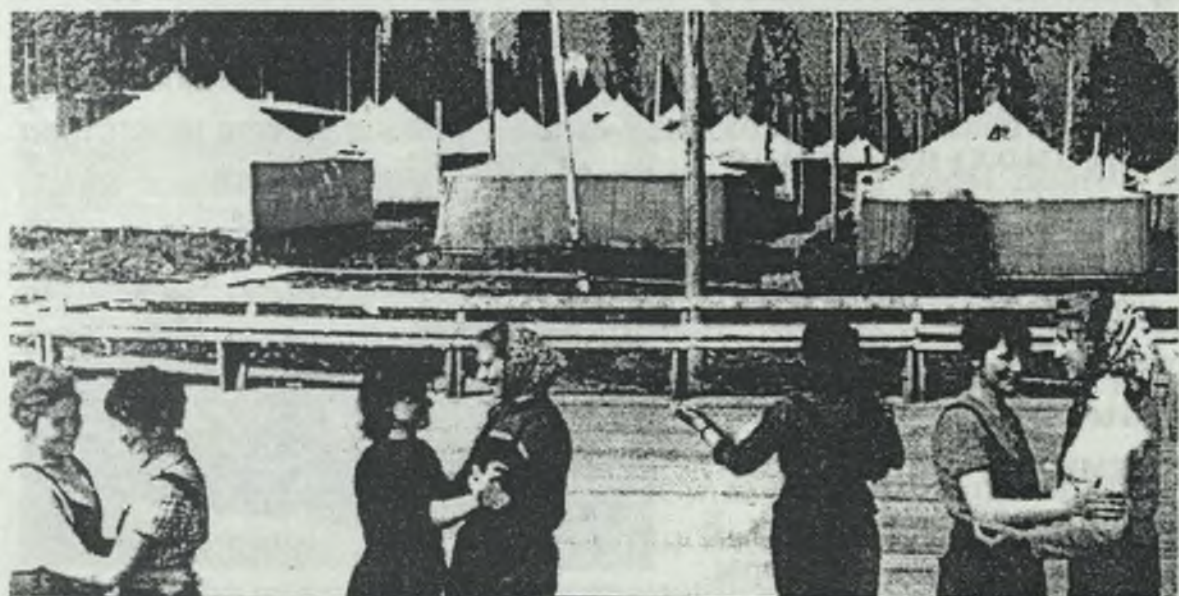
Разные пути и судьбы у моих героев, но все дороги привели их на качканарскую землю. Здесь эти люди покорили тайгу, построили светлый город, возвели гигант-комбинат и продолжали строить свои судьбы. Здесь они живут и работают. Иные уже встречают старость, радуются внукам и правнукам и желают им светлых путей и судеб.

А я благодарна своей судьбе, которая тоже привела меня на эту землю, познакомила с качканарцами и дала счастливую возможность рассказать о них читателям.

**Галина Краснопевцева,
член Союза журналистов России,
почетный гражданин Качканара**

В городке Нины Литвиненко

Наша машина легко катила по асфальту. Проехали Саввину горку, миновали Валериановск. Еще небольшой подъемчик – и вдруг мои спутники, старые студенческие друзья, ахнули: «Это что? Такой большой ключ?» Ахнули и притормозили бег.

Мы вышли из машины на площадку, где установлен этот впечатляющий символ – большой металлический Ключ со словом «Качканар» и цифрой 1957. Красиво! Слева, за деревьями, блестит водоем, справа – каменистая, поросшая лесом стена. А впереди – высокая стена-плотина.

– Но почему Ключ? – спрашивают мои друзья.

– Как «почему»?.. Берите его, открывайте ворота и въезжайте, входите в город! Качканар приветствует вас!.. К тому

же это ключ от кладовых горы, давшей имя нашему городу. Много столетий гора хранила-скрывала свои богатства. А в середине прошлого века она доверила сокровища советским людям и вручила им Ключ: открывайте кладовые, черпайте богатства!..

И пришли в тайгу комсомольцы-добровольцы, коммунисты-энтузиасты, беспартийные романтики-мечтатели – смелые люди, которых мы называем первостроителями. Уж они-то знают, как непрост был путь к кладовым Качканар-горы.

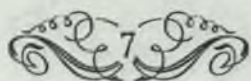
Чтобы их открыть, надо было сначала пробиться к горе Долгой.

Давайте же, дорогие мои первостроители, расскажем об этом моим друзьям. Давайте вернемся на шестьдесят лет назад, в нашу молодость, в тот самый 1957 год, который отлит в металле на Ключе.

Итак, был 1957-й. 27 мая в поселке Валериановске состоялся короткий митинг. Начальник первого строительного управления Семен Степанович Мальцев сказал:

– Ребята, вот там, на склоне горы Долгой, будет комбинат, будет город. Наша задача – прорубить туда дорогу. Будем лес валить...

И стали ребята лесорубами. Это была самая первая, самая востребованная тогда профессия. В руках «профессионалов» – топоры да пилы. Орудия – примитивные. Лес – густой. А цель – высокая. Она придавали силы и упорства. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валялись деревья. Трасса уходила все дальше от Валериановска, и возвращаться после работы в поселок становилось утомительно, нецелесообразно. И лесорубы сооружали шалаши, чтобы,

переночевав прямо на рабочем месте, дать короткий отдых натруженным рукам и ногам, а утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. С каждым днем все ближе подходили к горе Долгой.

Обосновались у реки Выи, на месте будущей плотины. Опять поставили легкие шалаши, опять жгли костры, спасаясь от гнуса. Жили в шалашах, а в мечтах видели город у горы Долгой и комбинат. «По сколько часов работали, – вспоминал **Илья Машкин**, – лесорубы не считали. Вставали в четыре утра, шли на делянку, в десять часов возвращались, отдыхали – и снова за работу, до десяти часов вечера... Четыре гектара леса под тело плотины вырубил, как говорится, одним махом».

И вот – большое событие, великая радость: привезли и установили три брезентовые палатки. И дождь теперь не страшен, и от комаров появилось хотя бы временное спасенье.

Жили в палатках – а в мечтах видели город и комбинат.

То героическое время хорошо помнит **Юрий Спиридонов**, который в свои шестнадцать мальчишеских лет прорубал дорогу на Долгую вместе с ребятами, что были немногим старше.

А **Тамара Лашко** (Хасанова), конечно, не забыла, как она, высокая хрупкая девушка, стояла перед Семеном Степановичем Мальцевым.

– Что можешь делать? – спрашивал он.

Молчание.

– Карниз у дома знаешь?

Молчание.

– Так что ты будешь тянуть: резину или карниз?

– Хоть то, хоть другое.

– Ну, иди в лес.

В лес, так в лес. Указали ей бригаду, и с первых июньских дней стала Тамара строителем Качканара.

А **Нина Федоровна Литвиненко** никогда не забудет 6 июня 1957 года – начало ее качканарской биографии. В этот день она

поехала в Нижнюю Туру, где тогда находился трест «Качканаррудстрой».

– В отделе кадров, – вспоминает она, – предложили мне должность коменданта палаточного городка. На другой день на самосвале добралась до поселка Валериановска, пришла в школу, где, как мне сказали, находится строительное управление №1. Там было много людей, все ждали начальника участка... Вдруг кто-то сказал:

– Мальцев идет.

Я увидела мужчину чуть выше среднего роста, в сапогах и зеленом рабочем плаще. Взгляд у него такой, что мне страшновато стало. Вот он начал прием рабочих.

– Что с собой принес? – спрашивает. – Топор или пилу?

– Топор.

– Молодец! Иди, работай.

– А я ничего не принес.

– Слушай, – говорит Мальцев, – у меня инструмента нет, дать тебе нечего. Найди сам и тогда приходи.

Стою и думаю: «Скоро до меня очередь дойдет. Что я стану говорить?»

Вот принял всех. Подхожу. Посмотрел направление, спрашивает:

– А ты работу эту знаешь?

– Нет, не приходилось быть комендантом, не знаю.

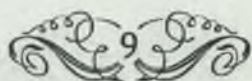
– Что же ты будешь делать?

– А все, что прикажете. Да ведь не боги горшки обжигают.

– В первую очередь скажи, чтобы сделали уборку в классах, где живут рабочие. Видела, что там творится? Техничка есть. Достань ведро, и пусть она моет.

«Ну, – думаю, – туча прошла мимо меня».

А потом все годы я обращалась к Семену Степановичу. Он только с виду был строгий, а на самом деле это очень добрый человек. Никогда в присутствии начальства не ругал своих

подчиненных, а если устраивал разнос, то один на один.

В том же классе, где Мальцев вел прием, была и бухгалтерия. Первый бухгалтер – Иван Алексеевич **Клещев**, нормировщик – Александр Васильевич **Погоняев**.

– Ты не бойся, – говорит Александр Васильевич, – не такой сердитый наш начальник, каким кажется. Нужно делать вырубку под ЛЭП, люди есть, а инструментов нет, вот он и переживает.

Эти внимательные люди помогли Нине решить проблему с жильем. Это и впрямь была проблема. Поселок в те дни был переполнен и гудел, словно улей. Валериановцы приютили первостроителей где только могли: в домах и на верандах, в сенях и коридорах, на чердаках и сеновалах, в чуланах и сараях..В тесноте, как говорится, да не в обиде. Тем более, что это временное жилье нужно было только для ночлега. Нина Федоровна устроилась у доброй женщины – тети Маруси. Ночевала в чулане, а днем, как и у всех, работа, работа, работа.

Удивительный это народ – первостроители. Пришли в тайгу, где ни дорог, ни жилья. Вынести жару и холод, бытовой неуют, грязь и распутицу, мусор, без которого не бывает ни одной стройки. Но большинство из них, вспоминая первые качканарские годы, говорит не о трудностях, а о том, как весной буйно цвела черемуха, а осенью рдели гроздья рябины.

– В лесу речка бежит, чистая, прозрачная. Много черемухи, рябины, смородины. А какой воздух! – восторгалась и Нина Литвиненко, рассказывая о том, как она, назначенная комендантом палаточного городка, «приехала на колесе груженого самосвала» из Валериановска к первым палаткам в районе будущей плотины. И добавила: – И такая в природе тишина, такая тишина...

Молодая женщина, чью юность опалила и оглушила война, наслаждалась целительной тишиной тайги. На «колесе груженого самосвала» она прибыла сюда тем же маршрутом, что и мои студенческие друзья на легковой машине, но ехала она не по

асфальту, а по ухабистой дороге, только что проложенной в тайге лесорубами. Приехала сюда, где стояли три брезентовые палатки – первое качканарское жилье. Здесь жили молодые рабочие. Отсюда начинался город юности. Здесь потом встанет наш символический металлический Ключ. А пока бежит чистая речка Выя, чье течение еще не остановлено плотиной; цветут черемуха, рябина. Пока еще июнь 1957 года – и наступление на тайгу продолжается.

Вот вышли на то место, где сейчас стоит управление комбината. Занялись расчисткой леса под палаточный городок и улицы города. Собрали бригаду, чтобы ставить палатки для будущих строителей. Бригадиром был **Леонид Редозубов**, рядом с которым работал и его семнадцатилетний брат Михаил. Затем начали строить лежневку и приступили к строительству первых домов. Но город пока в будущем, а городок из белых брезентовых палаток вырос и заселился быстро.

И комендантом этого городка была **Нина Литвиненко**. На первых порах она робела. Привыкшая общаться по-фронтовому официально, кратко, сухо, она опасалась, что не найдет нужного тона в общении с ребятами и девушками, такими разными и такими похожими. Но все у нее получилось. Требовательный и строгий комендант, она была и заботливой матерью, и добрым советчиком, и надежным другом. А ведь этой мудрой женщине было тогда только тридцать три года. И был у нее заветный журнал, этакая разлинованная амбарная книга, куда заносились

фамилии и имена новоселов и отмечалось, что выдано каждому для проживания в палатке (исторический, между прочим, документ!).

Новоселы радовались. Железные кровати, настоящие: с матрацами и подушками, с простынями и наволочками, одеялами – какое богатство! И не беда, что почти вся мебель палаточного городка уже была в употреблении на «семерке», в соседнем закрытом городе. Не беда. «Есть у тебя тумбочка и кровать – и ты уже богат», – искренне считали первостроители, совсем не думая о том, что богаты и сильны они были своим духом.

По утрам вставали с хорошим настроением. Умываться бежали к ручейкам да ключикам. Умывальник, конечно же, был, длинный, со многими рожками, но его не хватало, поскольку поднимались все в одно время. Водопровод? Он, конечно, будет, будет в городе. А палаточный городок обходился временной деревянной насосной, сооруженной на реке Вые. Воду доставляли на лошадях. Столовая? Она тоже будет. И столовые, и кафе, и рестораны... А пока под открытым небом столы из длинных досок, навесы от дождей. Кухня тоже дощатая, но какие вкусные обеды готовили повара!.. А еще, тоже под открытым небом, была печь – большая кухонная плита, на которой готовили пищу семейные. Заставленная множеством кастрюлек, чашек, сковородок, «семейная» печь топилась почти круглые сутки.

Расскажу об одной трудовой семье – «потехинских соловьях».

Эти девочки жили сначала в Валериановской школе, а через месяц-полтора перевели их в палатки на Долгую гору. Трелевали лес. Разгружали и сортировали детали для сборных домов, собирали бутовый камень – делали все, что требовал Качканар.

А в сентябре были созданы две бригады маляров во главе с **Михаилом Урядовым** и **Дмитрием Потехиным**. Рая Комарова,

Капа Бирюкова, Ира Хакимова и Ира Рябова, Нина Потехина и Нина Жуланова, Надя Таширова и Надя Безрукова, Гера Гаркачева и Вера Сидорова, Валя Проскурякова и Валя Полякова, Галя Юмина и Галя Бабилова, Роза Волкова, Люда Третьякова – вот они, первые маляры Качканара, первые качканарские соловьи.

Не потому ли пели девчонки, что слово «маляр» звучало для них лучше музыки? Ведь коль появилась нужда в малярах – значит, прощайте, палатки, здравствуйте, жилые дома! Да и как не петь, если с песней не замечаешь трудностей, если «песня строить и жить помогает». Они строили город юности, а жили в палатках. Двадцать шесть человек под одной брезентовой крышей. Днем нарабotaются, вечером натаицуются – ночью спят, как убитые. А утром приятный женский голос поет:

– Не спи, вставай, кудрявая!

В цехах звеня,

Страна встает со славою

Навстречу дня!

Так обычно будила девчонок Нина Федоровна Литвиненко – их старшая подруга и мать. Под звуки песни девчонки просыпались и вместе со всей страной вставали навстречу новому трудовому дню.

Население городка увеличивалось с каждым днем.

Вот после немалых приключений на неизведанном пути появилась здесь выпускница Челябинского строительного техникума **Лида Бебкова**, которая в дороге успела наслушаться разного о молодежной стройке в уральской тайге – и побаивалась, и робела... «Добро пожаловать!» – приветствовала ее небольшая арочка при въезде в городок строителей.

Такое поселение Лида увидела впервые. По одну сторону дороги располагалась столовая под навесом, похожая на покосный стан; длинные столы из досок; сиденья – такие же длинные сколоченные лавки. По другую сторону – палатки,

белые-белые, еще совсем новые. От каждой из них тянулись дощатые тротуары, тоже еще не утратившие своей свежести. Они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки, которая сверкала своей деревянной белизной на зеленом травянистом поле.

На душе у Лиды тоже стало светло и радостно. А самым неожиданным, почти невероятным показалось то, что здесь, в лесу, звучала музыка и на танцевальной площадке парами кружились девушки. «Ну, вот, а говорили, что девчонок тут нет», – Лида была почти счастлива.

– Найдите-ка Нину Федоровну, – говорил между тем Ерофеев, с которым Лида приехала сюда после оперативки в Валериановске.

– В девичьей палатке двадцать человек. Куда я тебе кровать поставлю? – сказала не очень приветливо подошедшая женщина, но глаза ее, как показалось Лиде, источали внимание и доброту.

Вскоре Лида поймет, что не ошиблась. Эта женщина средних лет, закаленная фронтовыми дорогами, была в палаточном городке комендантом. Но за сухим названием ее должности, за ее порой строгой внешностью скрывалось щедрое материнское сердце, готовое согреть всю эту зеленую молодежь, приехавшую построить новый город.

– Ну, пойдём, – сказала Нина Федоровна.

Ерофеев взял Лидин чемодан, и они пошли к одной из белых палаток... Солнце клонилось к закату, играя лучами в верхушках деревьев. Заканчивался еще один день. Первый Лидин день на качканарской земле.

Ее оформили мастером к старшему прорабу Ерофееву. Старший прораб **Ерофеев** – с виду неприметный, приземистый мужчина в сапогах и галифе. На его плечи легли все тяготы новостройки. Александр Алексеевич во все вникал, все знал, все умел, находил ответы не все вопросы – не прораб, а настоящий справочник, целая энциклопедия! Этот беспартийный человек

был кристально чистым, скромным и строгим, добрым и справедливым. Правда, его принципиальность не всегда устраивала начальство.

Прибыл еще один дипломированный специалист – мастер **Владимир Ильич Кусов**. Вот как вспоминает о нем Лидия Павловна Бебкова:

– Тогда еще просто Володя, он отличался необычайной серьезностью, увлеченностью своим делом. Чем-то он напоминал многоопытного старшего прораба Александра Алексеевича Ерофеева. Скорее всего, одержимостью в работе. Он без устали обходил строящиеся объекты, выявлял «узкие места», помогал решать возникающие проблемы. Будучи затем старшим прорабом, начальником управления, Владимир Ильич редко пользовался служебным транспортом – предпочитал пешком обходить строящиеся объекты. Если на минуту представить, что все следы сапог Кусова вдруг «проявились», то на стройке вряд ли нашлось бы место, где их не было. Он отлично знал каждый объект.

Сам Владимир Ильич, вспоминая палаточный быт, тоже очень тепло отзывается об Александре Алексеевиче. И как хорошо, что рядом с молодежью были тогда такие строгие и заботливые руководители, как старший прораб Ерофеев и главный инженер строительного управления **Евгений Иванович Вергелис**.

– Я не знаю, когда Вергелис спал, – говорит Владимир Ильич. – Каждую ночь заходил он в палатки, проверял, не спит ли дневальный, поддерживает ли огонь в печке-буржуйке, не случилось ли где загорание.

Вот еще один молодой специалист – Надежда Безрукова. Ее отец, Степан Иванович, много лет отдавший горнорудной промышленности, теперь, в немолодом уже возрасте, оказался на комсомольской стройке и охранял все хозяйство палаточного

городка. Сюда из поселка Баранчинского, где пока оставалась семья, и прибыла его дочка Надя. Прибыла на день-два, а осталась навсегда. Для нее, недавней выпускницы Нижнетагильской школы бухгалтеров, сразу нашлось много дел в СУ-1, куда ее приняли счетоводом.

А первый ее день на качканарской земле начинался так. В поисках отца Надя шла по лесу, прислушиваясь к птичьим голосам да к перезвону топоров невдалеке.

– **Степан Иванович Безруков?** Знаем, знаем... Склад у нас вон там, – сказали ей, и девушка заспешила к указанной палатке.

Степан Иванович и кладовщик **Александр Алексеевич Проскуряков** были заняты своим нехитрым хозяйством. Не успела девушка поздороваться, как к палатке подошли два взрослых парня. Они получили на складе гвозди и что-то очень долго возились с ящиком.

– Интересно получается, – сказала девушка. – Такие большие, а сорок килограммов унести не могут...

– Так, может, вы поможете?.. Отказываетесь?.. Ну и зря. Ведь вполне вероятно, что вот этот плотник Вася станет вашим мужем. А вы с ним так непочтительно.

Обидеться она не успела: парни удалились. А Надя обратилась к отцу: заботу у нее тоже немало.

Не успела как следует устроиться с жильем – над тайгой опустился вечер. Ожил палаточный городок, потом наступило недолгое затишье, и вдруг прямо из-за деревьев полилась музыка. То нежная и грустная, то веселая и задорная, приправленная чьим-то звонким смехом, она так и манила к себе. И девушка отправилась на зов тальянки.

На небольшой площадке были танцы. Молодежь в рабочих комбинезонах и сапогах кружилась в вальсе, пела, смеялась. А недалеко от площадки стояла большая печь. Прямо как в сказке: в лесу, под открытым небом – печь! Надя сначала удивилась, а потом подумала, что без такого вот очага в палаточном городке не обойтись.

– А вот и я. Разрешите? – прервал ее мысли чей-то голос.

В высоком парне, с густой волнистой шевелюрой, девушка узнала плотника Васю. Бросила на него колкий взгляд, с минуту подумала, потом доверчиво положила руку на его плечо. Парень бережно и уверенно повел ее по кругу. Неужели и впрямь это ее судьба? И откуда взялся этот плотник Вася?

А он из Косьи – поселка, что по другую сторону горы Качканар. Там и жила многодетная семья Большагиных. Василий, самый младший, вернувшись из армии, зимой 1956-го ушел с поисковой партией под Ивдель. А, услышав зов Качканара, вернулся домой.

С друзьями **Амиром Садыковым** да **Юрием Касьяновым** отправились в путь, пешком через гору, как и другие их земляки-добровольцы. В Валериановске нашли начальника строительного управления Мальцева.

– Будете валить лес. Когда понадобится, на стройку возьму, – сказал Семен Степанович.

27 мая 1957 года **Василий Большагин** в составе бригады **А.Шишкина** рубил лес под будущее водохранилище. Все у них тогда было в будущем, в которое они очень верили, потому что верили в себя. Будет – город. А пока есть палаточный городок и рождается таежный поселок. Народ все прибывает, и проблема жилья с каждым днем обостряется. А плотник Вася уже строит дома по улице Октябрьской.

Вот такой был Надин кавалер, который, как и она, всей душой принял Качканар, с его бытовым дискомфортом, строительным мусором, с верой в завтрашний день. Без Качканара они уже не мыслили своей жизни. Как и друг без друга. И до сих пор супруги Большагины рядом и вместе с Качканаром.

Но не все выдержали испытание Качканаром.

– Всё там есть, не волнуйся. Всё будет прекрасно, – говорил **Лизе Ивановой** ее муж Саша. – Ведь это не просто стройка, а ударная, комсомольская. Давай собираться – и едем! Ведь мы строители.

Лиза была беременна и побаивалась ехать в неизвестность: где этот Качканар и какой он? Но долго агитировать ее не пришлось. В словах Саши было столько убежденности, а в глазах столько юношеского задора, что Лиза поверила: он хочет быть там, куда сегодня устремилась молодежь всей страны. Ну, что ж? Ехать, так ехать. По чемодану в руки – и двинулись. Все вместе. Шесть семей, работавших ранее на строительстве Соколовско-Сарбаевского горно-обогатительного комбината.

И вот стучат вагонные колеса. Позади остались степи, начинались леса и горы. Поезд остановился на станции Нижняя Тура.

– Вот и в Качканар приехали, – сказала проводница Лизе и вопросительным взглядом скользнула по ее фигуре.

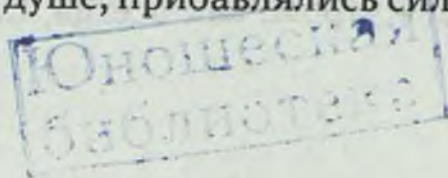
– Привет качканарцам! Здравствуйтесь, строители!

– Кому на Качканар? Поехали!

С шутками-прибаутками они разместились в грузовике, и машина покатила по дороге. Саша бережно поддерживал жену. Лиза чувствовала его сильные руки, слышала его спокойное дыхание – и верила: все будет хорошо. Навстречу бежал лес, тронутый первой зеленью, облитый солнечным светом. Начиналось лето 1957 года.

Их палатку называли семейной. Здесь уютно и чисто. Каждое утро все семьи уходили на работу, а Лиза занималась несложным домашним хозяйством. В свободное время бродила по лесу. Рядом с палаткой – молодая липка. Тянет к солнцу кудрявые ветки, шелестит на ветру листвой, приветливо кивает Лизе. Лиза нежно гладит темный ствол; тоненькая липка, но стойкая, гнется на ветру, гнется, да не ломится – крепко пустила корни в родную землю. Любит Лиза эту липку и молчаливо беседует с ней.

А еще она любит разговаривать с комендантом палаточного городка Ниной Федоровной Литвиненко, от бесед с которой всегда становилось светлее на душе, прибавлялись силы, уходила

тревога за предстоящие роды.

Когда у Лизы начались схватки, рядом оказалась Нина Федоровна. А иначе и быть не могло. «Будешь и медиком!» – сказал, принимая ее на работу, Семен Степанович Мальцев, когда узнал, что на фронте она была медсестрой. Обрадовался. Сколотили ящик, закупили бинты, йод, другие самые необходимые медикаменты. И медсестра-комендант действительно оказывала первую помощь – и по долгу службы, и потому, что так велело её большое материнское сердце. И Лизе Ивановой повезло, что в палаточном городке есть Нина Федоровна. Она быстро достала где-то машину, ободряюще улыбнулась Лизе и Саше: все будет хорошо! – и вместе с ними отправилась в путь.

В Нижней Туре машина остановилась. Медсестры и нянечки в белых халатах заботливо окружили Лизу.

... Семейная палатка ожила. Сюда то и дело заходили люди, чтобы поздравить Лизу и Сашу с сыном. Уже вся стройка знала, что 14 августа 1957 года родился **Валерка – качканарский первенец**. Лиза видела, что все гордятся Валеркой и его матерью, хотя ни она, ни ее сын ничего замечательного пока не совершили. Валерка совсем еще маленький, но уже окружен большой любовью строителей. Он не знает еще ни одного слова, а строители уже мечтают о том, кем он станет, когда вырастет, и даже спорят, какая профессия лучше... Так вот ты какой, Качканар: добрый, внимательный, дружный.

Лиза заботливо пеленала своего первенца, укладывала в деревянную кроватку, а когда в палатке стало холодно (приближалась зима), накрывала кроватку теплым шерстяным одеялом. В канун Октябрьских праздников молодая семья получила квартиру по Октябрьской улице. Это была первая улица Качканара. В тайге поднимался рабочий поселок, а вместе с ним рос и Валерка-качканарец. Лиза была счастлива.

Однажды утром, как всегда, Саша ушел на работу. Сказал,

что поедет в Нижнюю Туру, где тогда находилось управление треста «Качканаррудстрой». А вечером домой не вернулся. Ни вечером, ни на другой день, никогда. Разное потом говорили о нем: запутался, сделал растрату, струсил... А Лиза знала одно: это – предательство. Она не могла понять: как так можно? Ведь как красиво говорил! Жить хотел по-комсомольски, работать по-ударному, радовался сыну – и вдруг сбежал, скрылся позорно, трусливо, даже не предупредив, не поставив в известность...

Валерка лежал в кроватке и беспечно агукал, а Лиза плакала от обиды и унижения. За окном печально пели ветры, ветры первой качканарской зимы. Почему-то вспомнилась липка. Как живется ей там, на морозном ветру? Захотелось погладить ее, провести теплой рукой по холодной коре. Нет, не сломится липка, перезимует и снова будет встречать весну. Лиза вытерла слезы:

– Ничего, Валерка, перезимуем и мы...

Так вот ты какой, Качканар! Ты проверяешь людей на прочность и не любишь слез. Не нужны тебе красивые слова – ты любишь людей дела.

А что делать?.. Забыть, забыть этого человека, который испугался первых же трудностей. Вычеркнуть из памяти. Это – во-первых.

– А во-вторых, сынок, мама пойдет работать. Ты, конечно, невелик: четыре месяца – разве это возраст для мужчины? Отдать бы тебя в ясли, да их пока нет. Но ясли обязательно будут, ты только подожди немного. А пока подомовничаешь. Посидишь один.

И сын сидел лома, вернее, лежал в кроватке. А Лиза работала. Тут рядышком. По соседству. И в течение дня навещала его. Забегали к Валерке и другие: перепеленают, накормят, успокоят, если ребенок плачет. Ловкие женские и неумелые мужские руки заботливо лелеяли, качали первого качканарца.

Городок жил. В октябре в нем был уже 491 человек. Днем

палатки пустели. Гора Долгая слышала, как стучали топоры, визжали пилы «Дружба», трещали трелевщики, тарахтели тракторы. А геодезисты уже вели разметку первых улиц: Качканарской и Октябрьской. Возвращались в палатки усталые, но довольные. По вечерам в палаточном городке играла гармошка, звучали песни и частушки, на танцплощадке кружились пары. Или шли в «кинотеатр» под открытым небом. Ближе к осени появился «клуб» – две соединенные палатки. В этом сооружении с земляным фундаментом, дощатым полом да невысокой сценой демонстрировались фильмы, проходили концерты и праздники.

И через много лет геодезист **Нина Павловна Лукиных** будет рассказывать школьникам:

– Кто первый идет по стройке? Конечно, геодезист. В чем заключается его работа? Вот имеется план будущего города. На плане нанесены все здания и сооружения со всеми подземными коммуникациями. Каждому объекту отведено свое место. И вот геодезист должен все это с бумаги перенести с большой точностью на местность...

Мне очень запомнился мой первый рабочий день. В первую очередь я познакомилась с планом будущего поселка. Вот улицы Октябрьская, Качканарская, Мира с деревянными домами. На местности, в осях этих улиц, проектировщиками уже пробиты колышки, прорублены узенькие визирочки среди вековой тайги. И вот мы шли по этим условным улицам, не шли, а лезли через валежник, пробивались через лес, обозначая кольями места будущих домов. А мысленно представляли широкие улицы с асфальтированными дорогами и тротуарами. Мы знали, что люди живут в палатках, что уральское лето короткое, скоро зима и надо переселяться в дома. Нужны медпункт, магазин, а детям к первому сентября – школа. В погожие дни распорядок дня был такой: завтрак – работа, обед – работа, ужин – и опять работа, дотемна.

Осень и наступившая зима торопили строителей. Правда, к концу 1957 года население палаточного городка стало значительно меньше. Но не все еще могли получить жилье в деревянных домах. А в палатках было уже не безопасно. Печка-буржуйка потрескивала всю ночь, чтобы согреть ребятам душу и тело, чтобы в морозную ночь их спины не примерзали к брезентовым стенам жилища. Такое случалось. Случались в палатках и пожары.

– Пятого декабря, – рассказывал Владимир Ильич Кусов, – был день Сталинской Конституции. На праздник мы ушли домой, на Косью. А шестого декабря вернулись – палатки нашей нет: сгорела. Взяли мы с Ильей Машкиным у коменданта матрацы и пошли на «охотный ряд». И там, в бухгалтерии, спали на столах три или четыре ночи... Потом в доме по Октябрьской дали нам комнату на троих.

А вот что вспоминал **Михаил Редозубов**:

– В ночь на 11 января 1958-го меня разбудил шум: палатка

горела.. Половина ребят, живущих в палатке, получила тяжелые ожоги. Товарищи нас не забывали; когда мы лежали в больнице, привозили книги, подарки. Когда я приехал из Нижнетуринской больницы, то не узнал Качканара. Стал жить в общежитии. Было мне в то время семнадцать лет...

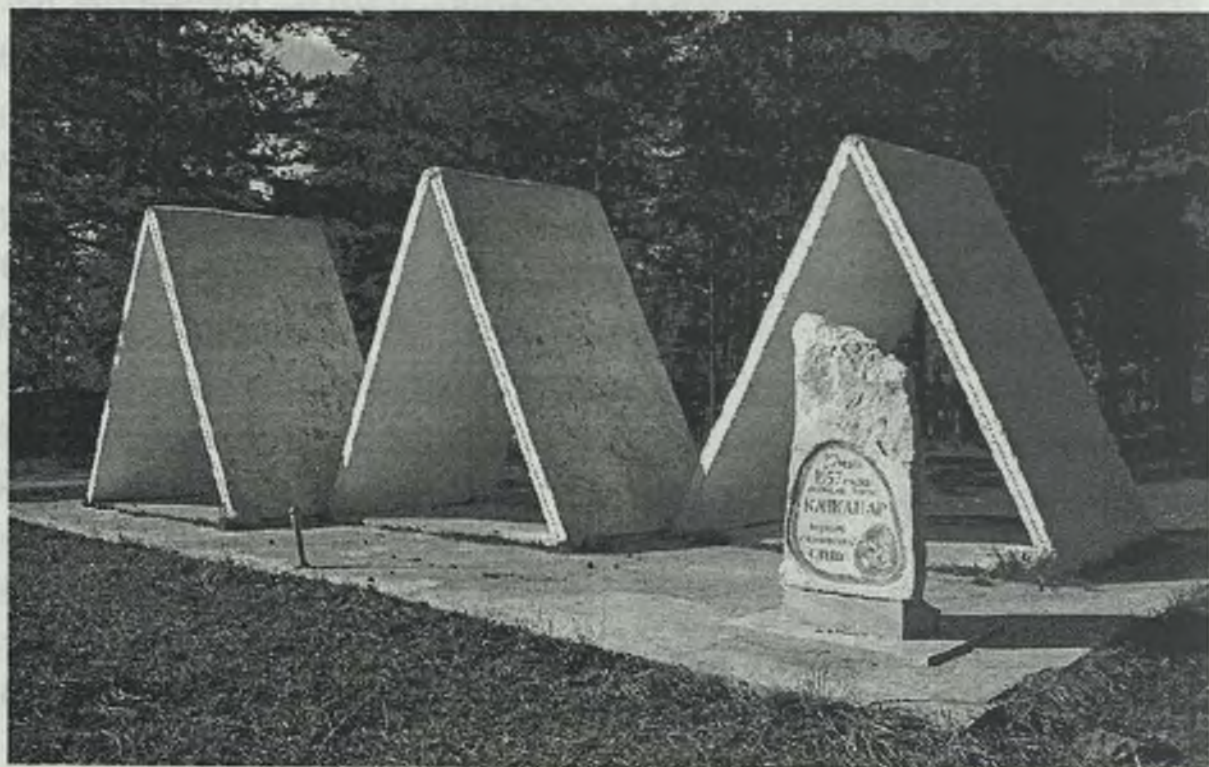
На смену палаткам вставали дома, у горы Долгой вырос рабочий поселок.

И стала Нина Федоровна Литвиненко секретарем поселкового Совета. Она с каким-то

материнским волнением вспоминает, как регистрировала первых младенцев, рожденных в Качканаре. Марина Ульданова, Саша Спиркин, Алеша Лукиных, две сестрички Ожеговы, Оля Потемкина – называет многих, помнит даже дни их рождения. А Нину Федоровну помнят все первостроители. Многие из тех, кто поменял местожительство, до сих пор поддерживают с нею связь.

Через несколько лет поехала она в Новополоцк, к Потемкиным (Михаил Потемкин на ударную стройку приехал вместе с первыми моряками, а Татьяна Степановна, ставшая потом его женой, была первой операционной сестрой в Качканаре). Белорусский Новополоцк понравился Нине Федоровне, и особенно тем, что в этом городе, который на год моложе Качканара, есть памятник палатке. Скромный и очень простой в исполнении памятник. Тронуло это её, и как-то обидно стало за наш город юности. Возвращалась она из Белоруссии с идеей построить в Качканаре памятник первостроителям. И он появился в 1982 году. Тоже скромный, простой. Три каменных палатки встали там, где 25 лет назад с палаточного городка начинался наш Качканар. Здравствуйтесь, палатки!

С тех пор прошло еще тридцать с лишним лет. Уходит славное поколение романтиков, энтузиастов, созидателей. А построенный ими светлый город уже шагнул в двадцать первый век.

... А наша машина катит по асфальту дальше. Позади остался удививший моих спутников Ключ, проехали плотину; еще немного в гору – и вот мы на улице Крылова.

– Почему именно Крылова? – спрашивают мои любознательные друзья.

И пришлось заняться их «политпросвещением». Я рассказала о наших улицах, названия которых совсем не случайны. Как могли назвать первые улицы строители города юности, патриоты Родины Октября? Конечно же, Качканарская и Октябрьская, потом Первомайская.

Дремучие ели да могучие кедры росли на склонах горы Долгой. Лес и лес без конца. Таким впервые увидели этот край строители. Они пришли сюда, словно Ермак в далекую Сибирь, – и тайга покорилась, посторонились кедры и ели, а на Долгой пролегли улицы Горная, Таежная, Ермака, переулки Лесной, Кедровый, Нагорный, Строителей.

Советская молодежь, комсомольцы строили в тайге новую жизнь – и вырастали улицы Советская, Комсомольская, Новая. Не появилось еще качканарское «море», были только его березовые берега, но уже имелась улица Набережная, имя которой звучало глубокой верой в завтрашний день.

Первостроители тянулись к знаниям, к книге, очень любили литературу. И не случайно многие улицы носят имена писателей и поэтов: Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Маяковского, Толстого и Чехова, Шевченко, Бажова, Крылова. А самая заветная мечта строителей отражена в названии улицы Мира.

А мы между тем по улице Крылова выехали на главную площадь города. Вышли из машины, осмотрелись. День был

солнечный, красивый. Подошли еще к одному памятному месту, которое, как и Ключ, удивило моих друзей. Это Капсула времени, это наше Послание потомкам. Друзья внимательно прочитали и даже сфотографировали надпись: *«Заложена 26.05.2012 года, в 55-летие города Качканара. Вскрыть 27.05.2057 года, в 100-летие города Качканара.»*

Мы вручаем вам свою веру в лучшее будущее, свои надежды и стремления. Мы любим вас, еще не зная, какими вы будете, но эта вера дает нам право думать: вы будете лучше: нас!»

А какими были мы? А наше поколение – это строители, творцы, созидатели. Не зря же на стеле, что рядом с Капсулой времени, возвышаются орден и слова о том, что *25 октября 1968 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за большой вклад комсомольцев и молодежи в строительство и развитие комбината и города Качканара, активную работу по воспитанию молодежи» Качканарская городская комсомольская организация награждается орденом Трудового Красного Знамени.*

И этот факт – предмет гордости качканарцев, потому что наша комсомольская организация была единственной орденоносной в Свердловской области.

Постояли мы у стелы, и, конечно же, пригласила я моих друзей в парк Строителей, к каменным палаткам. Пускай же «не зарастет народная тропа» к этому скромному памятнику. Пусть приходят сюда юные качканарцы, чтобы сказать: «Здравствуйте, палатки!» Чтобы поклониться тем, кто оставил им в дар Качканар.

Солнцу и ветру навстречу

Когда начинался Качканар, она была вдвое старше большинства его юных строителей. Но ни она, ни окружающие как-то не думали об ее возрасте. Энергичная и красивая, она не то, чтобы не замечала имеющихся трудностей – она словно радовалась, что эти трудности есть. Там, где другой непременно вспылит бы, взорвался, она оставалась выдержанной, спокойно-настойчивой. И обязательно добивалась того, что было нужно ей, молодежи, Качканару. Многие удивлялись: откуда у этой обаятельной деликатной женщины такой спокойный характер? И лишь самые близкие знали, что начинать новое, быть у его истоков для нее не впервой.

Девушка из Каховки

Среди документов и личных бумаг Миры Михайловны Мальцевой хранится журнальная вырезка:

«Летит ветер на Каховку. Всею степью – ветер. Ветер – словно испытывает тебя этим бешеным ветром... Из 1920 года с этим ветром вылетает в каховскую степь тачанка. Кони – дьяволы, колеса – диски из быстроты и грома, возница – обуздал ветер, схватился за ветер, и кони ли, ветер – несут над степью тачанку. Из далеких боев, из огня, из далекой памяти промчалась тачанка-бронза по сегодняшнему приднепровскому раздолью и взлетела на курган среди широких полей, словно остановив с собой те сражения, то время, ту память, откуда примчалась».

В.Ольшанский, «Баллада о Тачанке»

Начинался 1917 год, когда в семье театрального парикмахера Милиевского родился десятый ребенок. Девочку назвали Мирой. Ее колыбелью стали вихри революции и боевых сражений, а колыбельной песней – свист пуль, визжание сабель, топот конских копыт да лихой говорок пулеметных тачанок. Каховка взрастила Миру.

В родной семье и на уроках в школе, а потом в пионерском отряде, среди своих сверстников: украинцев, евреев и русских – училась девочка трудиться и дружить, познала прелесть настоящего братства. Еще не залечены раны гражданской войны, притаившийся враг еще стреляет из-за угла, а «молодые хозяева земли» верят в мировую революцию. Каждый год в сентябре как великий праздник встречают они Международный юношеский день. Короткое слово МЮД становится для них символом борьбы за мир, за счастье всех народов земли. Сколько выдумки и детской изобретательности проявляют пионеры и школьники Каховки, участвуя в сборе денег «в пользу угнетенных детей»! Они живут жизнью страны, ее заботами, тревогами и радостями, они

вступают в ОСОАВИАХИМ и готовятся стать защитниками Родины.

Метко стреляет Мира Милиевская, подвижная девочка с пышными волосами. Впрочем, она не только хорошо стреляет, она танцует и поет, читает стихи, с удовольствием занимается с младшими школьниками, являясь октябрятской вожатой.

21 января 1932 года – незабываемый день: Миру приняли в комсомол. И снова девушка с октябрятами и пионерами. Она всегда в окружении детей: в школе, на сцене, в стрелковом кружке, на многолюдных праздниках-маевках, которые проводились обычно в каховской степи, там, где еще недавно вихрем неслись боевые тачанки.

А вскоре Мира вместе с работником райкома комсомола Петром Повстяным открывает в Каховке Дом пионеров, под который было отдано здание синагоги. Верующие смотрят косо: «Великий грех на душу берешь!» А в бывшем молитвенном доме уже звучат детские голоса, и радуется Мира Милиевская – юная заведующая Домом пионеров.

В тридцати километрах от Каховки создавался тогда зерносовхоз «Красный Перекоп». Ей сказали: «Надо!» - и Мира поехала в распоряжение политотдела налаживать пионерскую работу в совхозе. Злоба классовых врагов, гибель от их рук друзей и близких, победная поступь социализма – все знакомо девушке из Каховки, комсомолке 30-х годов.

Среди литовских детей

Маленький зеленый прямоугольник. Это железнодорожный билет для проезда в жестком вагоне. 000057 – номер билета, 48-85 – его стоимость в рублях и копейках. Каунас – Москва. Это маршрут. А сверху и снизу пробито: 17.У1.41.

В Каунас, где служил ее муж, Мира приехала осенью 1940 года и сразу окунулась в жизнь молодой республики, недавно

принятой в состав Советского государства. Литовский народ начинал новую жизнь. В ЦК комсомола Литвы Мире предложили работу с пионерами. Дело знакомое и любимое. Но как работать с детьми, если не знаешь их языка, не знаешь обычаев и традиций этого народа? Она – заместитель директора Дома пионеров. Собственно, Дома пионеров еще нет, есть только здание бывшего итальянского посольства, которое нужно переоборудовать.

И девушка из Каховки берется за работу. Ее энергии и упорства хватает на все. Договорилась со строительными организациями – и скоро в Доме пионеров был сделан прекрасный зал, оборудованы комнаты для кружков. Побывала в театре оперы и балета – и вскоре в одной из комнат стал заниматься балетный кружок, которым руководила замечательная балерина. Хорошие руководители были и в других кружках. Мира изучала литовский язык, а постоянное общение с детьми и взрослыми помогало быстрому его усвоению. Она растила маленького сына. Везде успевала, все делала с душой, хорошо.

Молодая женщина с Украины стала большим другом литовских детей. Для них все было новым: и сама пионерская организация, и интересные концерты, с которыми они выступали в Доме пионеров и в школах города, и незабываемые встречи с литовским писателем Пятрасом Свиркой, поэтессой Соломеей Нерис, белорусским поэтом Максимом Танком.

А летом 1941 года пионеры советской Литвы поехали в Артек. Это тоже было новым, это было впервые. Солнечным утром 17 июня нарядные дети оживленно садились в вагон. Взволнованные родители напутствовали их, желали удачи Мире Михайловне, которая в качестве представителя ЦК комсомола Литовской республики сопровождала детей до Москвы.

Вот Минск – столица белорусская. В вагон вошли новые пассажиры. Двое из них: широкоплечий мужчина в очках и другой, высокий, худощавый, помоложе – сразу завладели

ребячьим вниманием. Это были поэты Самуил Маршак и Александр Безыменский, которые ехали в Москву. Они оживленно беседовали с ребятами, читали им свои стихи, и дети, не знающие русского языка, зачарованно слушали музыку поэтического слова. А Мира была переводчицей.

Приветливо встретила столица будущих артековцев. В ЦК ВЛКСМ Мира сказали:

– Вот вам путевка. Поезжайте в Крым. Отдохнете, а потом вместе с детьми вернетесь в Литву.

И она поехала. Сначала в Ростов, к родителям, чтобы оставить у них на время своего трехлетнего сынишку. В Ростов-на-Дону Мира приехала 22 июня.

Госпиталь

Пропуск №52. Разрешается хождение по городу Ростову после сигнала «воздушная тревога».

На улице Горького, где до войны была школа, разместился эвакогоспиталь.

– Я пришла к вам работать, – в голосе не просьба, а повеление.

Мужчина в военной форме внимательно посмотрел на невысокую женщину с пышными волосами, она спокойно встретила его взгляд.

– Здесь трудно, – начал было он.

– Я буду у вас работать! – глаза горят, губы упрямо сжаты.

Да, он знал: она будет работать в госпитале, такие здесь нужны – и все же сказал:

– Ведь вы были заместителем директора Дома пионеров... Нам нужны медики, нам нужны са-ни-тар-ки! Вы знаете, что это такое?

– Куда мне теперь идти? – вдруг мягко улыбнувшись, спросила Мира, показывая, что разговор окончен и она приступает к работе.

Для нее не существовало работы грязной; все делала легко и быстро, словно играючи, будто всю жизнь была санитаркой и не знала ничего нужнее этой работы. И быстрее заживали раны от ее светлой улыбки, от ее добрых глаз. Она совершенно забыла о себе. Да и до себя ли тут, когда кругом столько горя, когда людям нужны твоя забота и ласка. И она щедро несла им все тепло своей души, ухаживала за больными, перевязывала раны, была секретарем комсомольской организации госпиталя. Овладела специальностью медицинского статиста – пришлось считать ранения: пулевые, осколочные, сквозные и прочие. Цифры, цифры... А за ними – война, огромное горе и великий подвиг народа.

Война приближалась к Ростову, все чаще раздавался сигнал воздушной тревоги, когда выла сирена. Мира с противоголозом через плечо и санитарной сумкой бежала по улице Горького, она спешила домой – тут недалеко. А через несколько минут уже бежала обратно в госпиталь, прижимая к груди сына. Когда они рядом, мальчику ничего не угрожает. И молодая мать берет за носилки, бежит вместе с другими вверх по лестнице, в палаты, потом несет раненых вниз, по коридору на улицу. И снова вверх и вниз, вверх и вниз – не уставая. Сын в госпитале, здесь. Его присутствие удваивает силы.

Эвакуация

«Мира, пиши, как у тебя дела с ребятами. Ты молодец, ты умеешь прекрасно работать! Ведь это очень большое дело, которое ты так замечательно организовала в гарнизоне. Доведи его до конца. Желаю тебе успеха, верю, что концерт ваш пройдет блестяще!»

(Из письма подруги)

Волна войны быстро катилась на восток. События сменялись, как в калейдоскопе: эвакуация с ее суетой и беспорядком, паникой и строгой организацией; Нахичеванский

вокзал и страшный бой, кровь и смерть, детский плач.

Вот голос секретаря райкома: «Коммунисты и комсомольцы, ко мне!» Вот станция Курская, колхоз «Ротфронт», где она, девушка из Каховки, работает прицепщицей на тракторе, идет в чулках за плугом.

А потом был военкомат, куда ее вызвали, потом женотдел при Северо-Кавказском военном округе, организаторская работа среди эвакуированных жен военнослужащих. Более семисот женщин – ведь это большая сила. И они делали все, чтобы жизнь в эвакуации протекала нормально, и работы хватало на круглые сутки. Они рыли противотанковые рвы, оставляя своих малышей в детском комбинате, который они же организовали.

На правах хозяев встречали женщины эвакуированных ленинградцев – эшелоны истощенных блокадой людей. Мыли их в бане, стригли и брили, размещали по квартирам, лечили и кормили, строго следя за режимом питания этих обессиленных людей, ставили их на ноги.

А Мира Михайловна создала детский ансамбль песни и танца. В госпиталях звенели ребячьи голоса, звучали песни довоенного и военного времени. Дети пели о священной войне, о святой ненависти к врагам, о героизме советских людей. Чистые детские голоса утверждали непобедимость человеческого духа и веру в светлый завтрашний день.

На Урале

«В семи километрах от соцгорода, в живописном месте расположился пионерский лагерь Базстроя. Четыре больших спальных помещения полностью готовы и ждут своих юных обитателей. Заканчивается оборудование кухни и столовой, строится физкультурная площадка. На днях в лагерь въезжают 250 детей фронтовиков и лучших производственников строительства».

Так писала городская газета в 1943 году. Это было в глубоком

тылу, на Урале, где ковалась победа над врагом. Сюда по вызову сестры приехала Мира Михайловна с родителями и сыном Володей.

Строился завод, выросал новый город. Кипучей жизнью жили комсомольцы: проводили рейды, помогая руководству строительства выявлять недостатки в работе автотранспорта, проверяли выполнение соцобязательств, проводили военизированные сборы, литературные вечера, интересно и поделовому проводили комсомольские собрания, которые начинались и заканчивались песней.

И вместе со всеми – комсомольский секретарь Мира. Позднее друзья напишут ей: «Когда готовились к Новому году, забрели мы в бильярдную и вспомнили, как там делали серпантин, вязали гирлянды, а потом спали на бильярде. Тогда, в войну, все делалось как-то лучше, от всей души и с любовью. Все время вспоминаем тебя. Привет Вовочке!» И еще: «Пишем тебе как нашей комсомольской маме. Дуся у нас молодец. Её так же уважают все комсомольцы, как любили и уважали своего секретаря Миру Михайловну. А девушки из управления говорят своему секретарю Грише: «Ты без строгости и требовательности работу у нас не наладишь. Вот когда Мира была, так она и отругает, бывало, за дело, и работа у нас идет».

Зимой – с комсомольцами, на работе, в недавно построенном клубе, а летом, конечно, с детьми. 1943 год, идет война, а для детей фронтовиков открывается прекрасный лагерь. И радуется начальник лагеря Мира Михайловна.

В городе юности

«25 лет своей жизни вы посвятили развитию культуры на Урале, из них 15 лет – в Качканаре.

В 1957 году, приехав в числе первых на Всесоюзную стройку, вы проявили подлинную любовь к своей профессии. Вами был создан первый коллектив

художественной самодеятельности в Качканаре, вы зажигали молодые сердца горячим стремлением создавать прекрасное, прививали молодым вкус к культуре, следили за их творческим ростом. Первопроходцы Качканара помнят концерты, проходившие под открытым небом, на таежных вырубках, где позднее должны были подняться жилые дома. Это были часы праздников для людей, строящих город будущего в тайге, вдали от культурных центров.

Став директором кинотеатра «Юность», а позднее – директором Дворца культуры, вы умело вели коллективы на большие дела, зажигая в сердцах качканарцев огонь романтики, самоотверженности, трудового героизма. Ваше обаяние, щедрость души, целеустремленность рождают в окружающих хорошие чувства, стремление сделать что-то доброе, нужное людям.

Ваша многолетняя деятельность прошла через годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и мирного строительства. И всегда вы были на трудовом посту, щедро служа людям».

Так писали в приветственном адресе качканарские горняки и строители, когда Мире Михайловне Мальцевой исполнилось 55 лет.

Скромный клуб «Строитель» стал поистине очагом культуры для первых качканарцев, которые рассуждали: «Есть две формы жизни: горение и тление. Гореть – значит бороться. С кем? За что? Как организовать свою жизнь, чтобы ее можно было охарактеризовать словом «горение»?» Стремясь ответить на эти вопросы, молодые строители проводили диспуты и провозглашали: «Да здравствует горение!» На тематических вечерах «Если тебе комсомолец имя», «Счастье трудных дорог» они горячо спорили о смысле жизни.

Коллектив художественной самодеятельности Качканара

скоро стал одним из лучших в городских смотрах, проходивших в Нижней Туре, занимал первые места по массовости, идейному содержанию программы и качеству исполнения. На сцене клуба «Строитель» самодеятельные артисты ставили пьесы Шиллера и Арбузова. Мира Михайловна умела сделать содержательным быт и досуг молодежи и была неистощима на выдумку.

Интересную работу со зрителями проводит под ее руководством и кинотеатр «Юность». Особенно с юными зрителями. Члены созданного ею детского кинотеатра «Чайка» сначала вели работу в детской комнате кинотеатра, заботились о том, чтобы дошкольники и младшие школьники не скучали, пока их родители смотрят фильм. Потом «Чайка» стала готовить и проводить увлекательные киноутренники, снимала фильмы о жизни школы. За работу с детьми, пропаганду лучших кинофильмов и за другие полезные дела качканарская «Чайка» была награждена поездкой в Москву, где ребята посетили киностудии, присутствовали на съемках фильмов, встречались с известными киноартистами.

А в день торжественного открытия Дворца культуры качканарцы слушали оперу Верди «Травиата» в исполнении артистов Свердловского театра оперы и балета. В следующем году свердловчане снова побывали в Качканаре и во время гастролей познакомили его зрителей с операми «Русалка», «Демон», «Искатели жемчуга», балетами «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Пер Гюнт». И все это по инициативе Миры Михайловны, которая хотела приобщить жителей города юности к большому, настоящему искусству.

Она любила этот город. Она вдохновенно рассказывала о нем пионерам и школьникам, комсомольцам, молодым рабочим – тем, кто моложе Качканара и не знает его славной истории. Ее, коммунистку М.М.Мальцеву, депутата горсовета, почетного члена орденоносной городской комсомольской организации, председателя городского совета ветеранов комсомольского и пионерского движения, мать троих сыновей, простую женщину с доброй улыбкой, знали в Качканаре все. И новые поколения качканарцев любили Миру Михайловну так же, как первостроители города юности. Но по-прежнему ни она сама, ни молодежь как-то не задумывались о ее возрасте. Потому что каждому рядом с ней было хорошо и интересно.

Уверенно ходила она по улицам города, шла навстречу порывистому качканарскому ветру – словно испытывают тебя этим ветром... Много ветров и жизненных бурь испытывало девушку из Каховки, проверяя ее женскую верность, материнскую любовь, измеряя ее мужество и преданность Родине. Девушка выстояла, не сломилась; даже в самые мрачные дни сердцем чувствовала: впереди – солнце. Ведь рядом с нею было столько хороших людей. У них она черпала силу, а упорству училась у ветра.

Был октябрь 1977-го. Дул осенний, неласковый ветер. На землю медленно падали сухие листья. А над Дворцом культуры тихо лилась музыка, звучала «Лунная соната» Бетховена. Сюда, во

Дворец культуры, с утра до вечера шли и шли качканарцы. Шли, чтобы проститься с Мирой Михайловной Мальцевой. Она и умерла здесь, во Дворце культуры, куда пришла накануне вечером, чтобы послушать концерт симфонической музыки. А теперь в фойе большого зала стоял гроб с ее телом, стояли пионеры в почетном карауле, здесь были родные и друзья. Здесь был весь Качканар, печальный и скорбный, признательный.

Одни плакали – горько и безутешно. Другие, глубоко задумавшись, молчали. Третьи вполголоса беседовали – о ней, о Мире Михайловне.

- Не могу представить, что ее нет... Так неожиданно! – говорила женщина лет сорока, вытирая беззвучные слезы. – Даже не верится...

- А ты и не верь, - успокаивал ее муж. – Не верь. Понимаешь, смерти нет. Я сам это только сегодня понял. Понял впервые и очень отчетливо. Для меня Мира Михайловна всегда жива, как живы первые палатки, хотя их давно нет, как жива наша первая Ёлка в «Строителе». Помнишь?.. Ты посмотри, какой город отгрохали, какой Дворец!.. Живет Качканар, продолжается!

И жизнь продолжается. Каждый год в Качканар приходит новая весна. Каждый год в этот мир приходят новые качканарцы. Перед городом юности открываются новые горизонты. Горизонты двадцать первого века.

Видеть жизнь в новых красках и тонах

К 55-летию детской музыкальной школы

Решение исполнительного комитета Нижнетуринского городского Совета депутатов трудящихся «**Об открытии детской музыкальной школы в поселке Качканар**». Вот такой документ (№141) появился 22 мая 1959 года. Смотрю на эту дату и думаю: а не рано ли? Не на пустом ли месте собирались открывать в тайге музыкальное учебное заведение? И что предшествовало такому важному решению? Какова, говоря музыкальным языком, была его прелюдия?

Прелюдия

Да, еще два года назад здесь был сплошной лес – и лишь о чем-то пело «зеленое море тайги». Пели птицы, летом шумели грозы, зимой завывали холодные ветры – вот и вся музыка этого края, куда в мае 1957-го пришли молодые романтики. Пришли и принесли иные звуки: застучали топоры, зазвенели-завизжали пилы, зарычали трактора. Это были мелодии созидания. И лес расступился, освобождая место для первых домов, первых улиц.

Тайга услышала стихи и песни первостроителей. Это удивительные люди. Качканара еще не было на карте области, была просто «стройка на горе Долгой», а они уже звали ее городом Юности и верили: в нем будет всё как в настоящем городе. Они тянулись к знаниям, к культуре. Не случайно уже в 1958 году открылась библиотека, разместившаяся в небольшой комнатке деревянного двухэтажного дома по улице Октябрьской. А на Качканарской был главный культурный центр – клуб «Строитель». Созданный там коллектив художественной самодеятельности давал концерты и в клубе, и под открытым небом, на таежных вырубках, где позднее должны были подняться жилые дома. В «Строителе» выступали артисты Москвы, Свердловской филармонии, Уральского народного хора и другие творческие коллективы.

В апреле 1959-го Качканар получил статус рабочего поселка, а в мае уже появился этот важный документ, называемый решением. Вот первые его строки: «Учитывая **многочисленные просьбы трудящихся** строительства Качканарского горно-обогатительного комбината об открытии детской музыкальной школы, исполком городского Совета решил...» Было решено обратиться в областной Совет с просьбой открыть в Качканаре с 1 сентября 1959 года детскую музыкальную школу: классы фортепиано и баяна. Управляющего трестом «Качканаррудстрой» тов. Левитского обязали предоставить к 1 августа соответствующее помещение и необходимые музыкальные

инструменты. А заведующий Нижнетуринским городским отделом культуры тов. Богатырев обязан был подобрать кадры для детской музыкальной школы в поселке Качканар. Вот так. Читаю этот документ и думаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ан, нет, всё было сделано скоро и хорошо. В 1959 году в двухэтажном деревянном доме по улице Первомайской школа была открыта. И в тайге зазвучала прекрасная музыка, учившая видеть жизнь в новых красках и тонах.

Школа открылась, но долгое время там не было постоянного педагогического состава. Да, знать, неплохо работал тов. Богатырев, подбирающий музыкальные кадры, – и учебный процесс не прерывался. В первые годы в школе преподавали даже студенты Свердловского музыкального училища. Но не всех, даже дипломированных специалистов, вдохновила разбуженная романтиками тайга. Лишь единицы, переступив порог музыкальной школы, остались навсегда верными ей и Качканару.

Одна из них – Людмила Дмитриевна Кулешова, отдавшая школе 48 лет. Она очень тепло вспоминает то время. Не было еще асфальтированных улиц, но в любую погоду учащиеся и педагоги с желанием шли на Первомайскую улицу, расположенную у самого леса. А рядом – лежневка, главный рабочий проспект, ведущий через лес на промбазу. Людмила Дмитриевна вспоминает свой фортепианный класс, расположенный на втором этаже, рядом с библиотекой. Здесь же находились учительская, бухгалтерия, кабинет директора **Штучко Анатолия Васильевича**. Он же был преподавателем по классу баяна, а его жена Валентина Ильинична – по классу фортепиано и теории. А на первом этаже – раздевалка, большой зал и классы баянистов. В школе были дневное и вечернее отделения. В октябре 1961 года учились уже 70 человек.

– На вечернем отделении занимались подростки и взрослые, среди которых было немало дошкольных работников, –

говорит Людмила Дмитриевна.

- В 1964 году, – продолжает она, – приехали молодые педагоги из Нижнего Тагила: Вера Майстер, Светлана Садовничая и Виктория Кукарских. Жили они в общежитии, работали с большим желанием.

Забегая вперед, скажем, что Виктория Николаевна проработала в Качканарской музыкальной школе 44 года, несколько лет была завучем, воспитала и обучила игре на любимом инструменте (домре) более 50 учеников. Многие ее выпускники успешно продолжили музыкальную карьеру.

Качканар рос, строители сдавали новые жилые дома и другие объекты; вступил в строй действующих горно-обогатительный комбинат. Качканар трудился. Росла и крепла и музыкальная школа, выпускающая пианистов и баянистов. И каждый отчетный концерт, каждый выпускной экзамен были смотром ее достижений. И мелодии, уверенно извлекаемые детскими руками из инструментов, звучали как симфония труда, упорного и вдохновенного труда учащихся и педагогов.

Симфония труда

С годами она звучала все громче и ярче. В нее вплетались и уверенное дыхание города, и новые мелодии, новые имена.

В конце 60-х в школу пришли Валерий Нестерович (баян) и Эльвира Борисовна Морозовы (фортепиано). С большим интересом занимаются юные баянисты и у Галины Васильевны Оберюхтиной. Прекрасный музыкант, человек с большим чувством юмора, активно участвующий в концертной жизни школы, она воспитала немало любителей музыки и преемников своего дела. Тут уместно будет напомнить, что ее выпускница Татьяна Циганкова долгое время руководила известным в городе хором «Журавушка».

В начале 70-х запели струны: по инициативе Виктории

Кукарских был открыт класс домры, а с приходом Людмилы Ивановны Полковой – класс скрипки. Открывается отделение духовых инструментов, на котором работают Жаданова Людмила Стефановна (флейта) и Шалыгин Виктор Васильевич (кларнет, труба и тромбон).

Особый сказ – о хоровом отделении. Хор детской музыкальной школы нравился зрителям. Его вдохновитель Лидия Алексеевна Воложанина, обладая красивым, мягким голосом, часто выступала на школьных праздниках и концертах, была примером для своих учеников. А когда в школу пришла Любовь Васильевна Зыкина, окончившая дирижерско-хоровое отделение, при хоровом отделении школы появился детский музыкальный театр. В творческой атмосфере рождались спектакли «Кот в сапогах», «Муха-цокотуха», «Золушка» и другие. Родилась добрая традиция – ежегодные театрализованные представления «Посвящение в юные музыканты». Музыкальным театром увлеклась вся школа.

Традиционными стали и «Встречи с музыкой». Каждый месяц учащиеся встречались с артистами Свердловской филармонии и, затаив дыхание, слушали музыку Бетховена, Чайковского, Шопена, Скрябина, а также интересные подробности, связанные с сочинением того или иного произведения. Любили дети слушать и преподавателя музыкальной школы Антонину Новомировну Фольмер. Активно вела концертно-лекционную работу и Ирина Ивановна Пазухина, преподаватель фортепианного отделения. Она проводила «Музыкальные гостиные» для детей и музыкальные вечера для взрослых.

В 1974 году в Качканар приезжает Евтушенко Петр Васильевич (кларнет и флейта), в 1976-м – молодые специалисты Шамбурские: Владимир Анатольевич (по классу трубы) и Вера Николаевна (скрипка), а в 1978-м – Ольга Федоровна Божко, с появлением которой связано открытие класса виолончели.

Грамотные профессионалы и творческие люди, они внедряли новые формы преподавания и добивались хороших результатов. Да разве могли быть другие результаты, если упорный труд педагогов и учащихся – добрая традиция школы. И не удивительно, что и в 80-х и 90-х годах симфония труда, обогащаясь новыми красками и оттенками, продолжает звучать также уверенно и вдохновенно.

Появляется **камерный ансамбль преподавателей** (О.Божко, Л.Шамбурская, Л.Полкова, Э.Морозова), который стал постоянным участником концертных мероприятий школы и успешно выступал в смотрах-конкурсах. В.Н.Морозов создает **ансамбль педагогов ДМШ**. Необычный по звучанию и составу инструментов, где соседствовали скрипка и домра, баян и рояль, кларнет и бас-гитара, этот ансамбль многие годы концертировал в городе и достойно выступал в областных и кустовых конкурсах.

В школу приходит Чижикова Галина Антоновна - преподаватель по классу фортепиано и концертмейстер. Умеющая раскрыть индивидуальные особенности каждого ребенка, она успешно занимается с учащимися разных способностей, а также ведет культурно-просветительскую работу в городе, организует музыкально-познавательные мероприятия для детей и взрослых,

С 1982 года в городе гремит **духовой оркестр**, который уже через три года признается **образцовым**, а в 1998-м его руководителю Владимиру Шамбурскому присваивается звание заслуженного работника культуры Российской Федерации. Любимый и признанный в родном городе, духовой оркестр участвует в маршах-парадах и многочисленных фестивалях регионального и всероссийского уровней.

Новый, двадцать первый век школа встречает в новом здании, куда переехала с улицы Мира, где располагалась она после «Первомайки». Школа идет в ногу со временем. Открываются **класс гитары** (педагог О.Божко), где учащиеся

занимаются с большим интересом, и **вокальное отделение** под началом Тамары Васильевны Корнаковой. В школу приходит Ольга Арцер. Выпускница В.Морозова, она, подобно своему наставнику, работает творчески, увлеченно: преподает музыкальную литературу, ведет лекции-концерты, «Музыкальные гостиные» для учащихся и жителей города. По ее инициативе создается **Клуб любителей музыки**.

Идут годы, десятилетия. Достоинно встречает школа свое 50-летие и бодро, словно под звуки оркестра, шагает дальше от успеха к успеху. И каждая победа – это результат огромной работы всего коллектива, который любое начинание умеет доводить до победного конца. И каждое достижение учащихся, каждая награда – это слава труду педагогов, это их апофеоз

Апофеоз

Невозможно переоценить огромного влияния музыкальной школы на культурную и нравственную атмосферу в городе. Невозможно перечислить и все ее достижения. Давайте посмотрим лишь на последние пять лет, отделяющие школу от ее золотого юбилея.

За эти годы школа участвовала во многих творческих состязаниях. Вот лишь названия некоторых международных конкурсов-фестивалей: «Волга в сердце впадает мое» (Астрахань), «У самого черного моря» (Сочи), «Урал собирает друзей» (Екатеринбург), «Радуга над Витебском» (Витебск), «Музыкальный вернисаж» (Магнитогорск), «На крыльях таланта» (Казань). Результат – 51 диплом (лауреаты, дипломанты, Гран-При).

Семнадцать дипломов принесли школе всероссийские конкурсы: «Золотой петушок» и «Зимние наигрыши» (Нижний Тагил), «Каменный цветок» (Екатеринбург), «Музыкальная шкатулка» (Верхняя Салда), «Новоуральские фанфары» (Новоуральск), «Уральские самоцветы» (Нижняя Тура).

Про межрегиональные, областные и региональные творческие состязания говорить не будем. Скажем лишь, что только за 2014 год учащиеся школы побывали на 18 конкурсах различных уровней и получили 73 диплома, в том числе 22 диплома высшего достоинства (Гран-При и 1 степени), 40 дипломов 2 и 3 степеней. За этими цифрами – огромный, вдохновенный труд. Хвала – учащимся! Слава – преподавателям!

А преподавательский состав – это 17 человек, и большинство из них – выпускники данной школы. Вот они: Ставрова Алла Михайловна, Пазухина Ирина Ивановна, Соковец Ольга Евгеньевна (фортепиано), Пименова Лидия Ивановна (баян), Мельникова Алеся Андреевна (домра), Новгородова Татьяна Николаевна (вокал), Алиев Михаил Широнович (духовые инструменты), Арцер Ольга Валерьевна (музыкальная литература), Халиуллин Дамир Фанузович (звукооператор). Они были учениками в то славное время, когда в Качканаре и в их музыкальной школе громко звучала симфония труда. Они впитали дух того времени, энергию преподавателей, влюбленных в свою профессию, и чувство коллективизма. И все это принесли своим ученикам.

С гордостью о коллективе говорит директор музыкальной школы Инна Викторовна Хазова. Тоже выпускница ДМШ, она окончила Краснотурьинское музыкальное училище по специальности дирижер академического хора и вернулась в Качканар – преподавателем сольфеджио и хора. Окончила Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского, была заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Сейчас Инна Викторовна возглавляет родной коллектив, достойно продолжая добрые традиции своих предшественников: Штучко Анатолия Васильевича, Евтушенко Петра Васильевича, Шамбурской Веры Николаевны.

– Все наши преподаватели аттестованы на высшую и первую квалификационные категории, – говорит она. – И все –

великие труженики. Сегодня в школе пять отделений по специальностям: фортепиано, оркестровые струнные инструменты (скрипка, виолончель), духовые инструменты (труба, кларнет, саксофон), народные инструменты (баян, домра, гитара), хоровое пение, сольное пение (эстрадный и народный вокал).

И, конечно, я спросила о хоровом отделении. Ведь когда-то Инна Викторовна (выпускница Галины Чижиковой) успешно руководила общешкольным хором средних и старших классов. Сегодня, как сказала она, с этим хором вдохновенно работает Алиева Екатерина Владимировна. Под ее руководством – и общешкольный хор младших классов, а также хор и ансамбль хорового отделения.

– Хор хорового отделения поет в качканарском храме, участвует в литургиях и церковных праздниках. А наш сводный хор – постоянный участник городских и школьных мероприятий. Сейчас ребята готовятся к фестивалю «Поклонимся великим тем годам», который посвящен 70-летию Победы и будет проходить 5 апреля в Нижнетагильском колледже искусств.

С тех пор, когда на качканарской земле появилась музыкальная школа, прошло 55 лет. За это время ее окончили более 1200 человек; более 150 выпускников продолжили образование в музыкальных училищах, консерваториях, институтах и академиях искусств и культуры. Многие из них навсегда связали свою жизнь с музыкой.

Это прекрасно. Но не менее важно, что уже полвека музыка живет в Качканаре и благотворно влияет на нас. Мы уже не представляем себя без вокалистов Татьяны Новгородовой и хора Екатерины Алиевой, без баянистов Лидии Пименовой и скрипачей Оксаны Матис, без образцового духового оркестра Михаила Алиева и Клуба любителей музыки Ольги Арцер, без постоянных встреч с юными музыкантами на разных концертных площадках города. Музыка трогает и очищает наши

души, поднимает нас над повседневностью.

Нет, не случайно в далеком 1959-м, «учитывая многочисленные просьбы трудящихся», в Качканаре была открыта детская музыкальная школа. И не случайно воспринимаются как завещание слова Дмитрия Шостаковича: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдете в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых красках и тонах».

2014 год

Верность

Думаю, именно это слово должна я вынести в заголовок, если хочу рассказать о Раткевичах. Сначала о Германе Исааковиче.

В начале пути

Он мог бы родиться на Севере, за Полярным кругом. Там, в Кандалакше Мурманской области, жила эта мирная интеллигентная семья. Исаак Александрович Раткевич был начальником Северной железной дороги Мурманск - Ленинград. Анна Никандровна преподавала русский язык и литературу. И был у них сын Станислав, умный, воспитанный мальчик. Пошел в школу, учился отлично. Раткевичи ждали второго ребенка. Все

было хорошо. Но пришел 1937 год. Исаака Александровича объявили врагом народа и расстреляли. Анна Никандровна и девятилетний Станислав уехали к родственникам на Урал. Вместе с ними, в утробе матери, появился в этих краях и Герман. Рожденный в декабре 1937 года в Челябинской области, он стал коренным уральцем. Село Сыростан, веселая река с таким же именем, мраморный карьер и очень красивые горы – яркие впечатления его детства.

Любознательный кудрявый парнишка, который с интересом учился в школе, после девятого класса вдруг забастовал: «Хочу быть трактористом!» Уговоры не помогли. Общеобразовательную школу сменил на ФЗО (фабрично-заводское обучение). Приехал в Нижний Тагил. Там, на Вые, была горнорудная школа №56.

– Там нас обували, одевали и спать укладывали, – говорит Герман Исаакович. – Полное государственное обеспечение. Учебные классы, столовая и спальня – все в одном здании. В группе 27 человек, все уже после армии, взрослые. А «малолеток» только двое: я да еще один пацан.

Полгода учебы – и вот вам готовые специалисты, нет, не трактористы, а экскаваторщики. Государство выучило их – теперь надо отрабатывать. Германа и его друга-«малолетку» направили в Свердловск, в Управление железной дороги. Именно здесь был старт длинной дистанции, на финише которой окажется Качканар. Давайте и мы, дорогие читатели, пройдем эту дистанцию вместе с Германом.

Шел 1956 год. Строилась дорога Миасс – Учалы. И ребят отправили в Миасс. Но там сказали, что экскаваторщики уже есть, больше не надо. Пришлось вернуться в Свердловск. Вот такой фальстарт. В управлении дороги их внимательно выслушали – и послали подальше, в Магадан (куда уж дальше-то?). К новому месту назначения парни добирались полмесяца. С усталостью и неудобствами долгого пути мирились, не переставая удивляться:

какая все-таки большая наша страна! А вагонные колеса все выстукивали: Ма-га-дан, Ма-га-дан, Ма-га-дан... Стучали с тревогой и надеждой. А когда стучать перестали и перед молодыми механизаторами открылся этот северный город – тревога исчезла. Исчезла и надежда: ребят в Магадане тоже не ждали. Какое разочарование! Какая горькая, почти детская обида! С этими чувствами отправились в обратный путь по бескрайним просторам нашей Родины.

С этими чувствами, усталые и голодные, пришли в управление Свердловской железной дороги, чтобы снова «стартовать». Что им скажут теперь, куда пошлют? Об этом, видимо, думал и начальник...

– Да что вы людей мучаете? – сказал вдруг сидевший тут мужчина в форме железнодорожника. – У меня рабочих не хватает, а вы кадрами разбрасываетесь!

Оказалось, кадры были нужны на строительстве второй железнодорожной ветки Пермь – Свердловск. Друга (он был старше) сразу взяли на экскаватор. А Герману пришлось осваивать другие профессии. Сначала рядом с крепким дедом-кузнецом заменял он молотобойца, который находился в отпуске. Потом ремонтировал дизельные двигатели, был помощником слесаря. Жили ребята на станции Шаля – сначала в вагончике, где по ночам подушки примерзали к стенке; потом – на квартире у одной бабушки. Жили, работали, пока не закончилось строительство на этом объекте. Потом в трудовой биографии Германа Раткевича была еще Башкирия, город Белорецк. А дальше – армия.

Армия

Армейская служба началась с целины. И не удивительно. Тогда вся наша страна жила целиной. «Партия велела – комсомол ответил: есть!» Легкая на подъем советская молодежь отправилась осваивать новые земли. «Едем мы, друзья, в дальние

края; станем новоселами и ты, и я», - звучала песня на многолюдных вокзалах и в длинных железнодорожных составах, которые везли добровольцев в Казахстан.

В Казахстане трудились и солдаты, поселившиеся в палатках. Бескрайняя степь. Никогда еще не видел Герман таких просторов, такого слепящего и жгучего солнца и столько зерна. Потоки, реки, кучи зерна - сколько пришлось перелопатить этого сыпучего золота, политого солдатским потом!

- Работали мы до белых мух, а в декабре увезли нас по воинским частям, - рассказывает Герман Исаакович. - И просто удивительно: наша учебная часть оказалась в Нижнем Тагиле, на Вые, как раз напротив той горнорудной школы, где я учился.

Получалось, что замкнулся довольно-таки длинный жизненный круг. Герман, конечно, не удержался и побывал в школе. Там его помнили - встретили радушно, напоили чаем. В учебной воинской части служил он с удовольствием, выучился на командира плавающего танка.

Командиром танка служил и на Кавказе, куда был направлен после «учебки». На Кавказе в советские времена не стреляли, не взрывали - не воевали. Служба Германа Раткевича прошла спокойно и достойно. Закончилась она в ноябре 1959 года.

И вернулся он на Урал. Вышел из вагона на станции Ощепково, зашел в вокзал - и увидел своего старшего брата Станислава. Сидит, газетку читает. Обнялись, радуясь неожиданной встрече после долгой разлуки...

Теперь несколько слов о Станиславе. Ему, круглому отличнику, после окончания средней школы оказалось очень непросто пробиться в вуз: все еще тянулся за ним шлейф сына «врага народа». И все-таки поступил Станислав в Свердловский сельскохозяйственный институт, успешно его окончил и вместе с женой (они поженились на последнем курсе) по направлению приехал в село Южаково Свердловской области, работал главным агрономом. Сюда вскоре переехали и Герман с мамой. Здесь Гера

закончил восьмой и девятый классы, отсюда, как мы уже знаем, ушел «в свободное плавание». А завершив его в рядах Советской Армии, он возвращался в Пышму, где к тому времени уже жили Раткевичи. Вышел на станции Ощепково и встретился с братом, который отправлялся поступать в аспирантуру. Сразу скажу, что Станислав Исаакович станет кандидатом сельскохозяйственных наук, потом защитит докторскую диссертацию, будет преподавать в вузах Тюмени, работать в Уральском научно-исследовательском институте сельского хозяйства.

А Герман после службы на Кавказе радовался уральской зиме, белому снегу, наслаждался жизнью «на гражданке». И думал о том, что надо искать работу, основательно устраивать эту самую гражданскую жизнь. Уже не юнец, 23 года. Немало повидал, многому научился. Да и специальность рабочая имеется. Правда, пока получалось, что он со своей специальностью был не нужен. И вдруг из объявления узнал, что требуются экскаваторщики. На качканарской стройке. В приподнятом настроении проводил он 1959-й и встретил 1960 год. И сразу после Нового года отправился навстречу своей судьбе.

В Нижнюю Туру поезд пришел ночью. Куда теперь? Семейная пара, с которой Герман познакомился в дороге, пригласила его с собой, чтобы переночевать у знакомых. Те приняли радушно, даже пельменями накормили и спать уложили, а рано утром проводили до остановки. И на грузовой машине по ухабистой дороге приехал Герман на стройку. Вылез из машины, вдохнул морозный воздух, огляделся. Тайга. Она уже потеснилась, раздвинулась, уступая место первым улицам. Домов пока немного, но в запахах, звуках и людях - во всем чувствуется большой размах строительства. Так вот ты какой, Качканар! Принимай вчерашнего солдата!

Валериановск

Но оказалось, что отдел кадров строящегося горно-обогатительного комбината находится не здесь, а в Валериановске. Ну, что ж? Валериановск – не Магадан, совсем рядом. Добрался, нашел контору. Узнал, что прежде чем получить работу, надо прописаться. Бегал по поселку в поисках пристанища. Но все жилье переполнено, в каждой избе уже поселились добровольцы. Не сразу, но все же нашел одну сердобольную избу – устроился.

– И 14 января 1960 года вышел я на работу. Заявление писал на экскаваторщика, а мне сказали: «Будешь лесорубом!» Ну что поделаешь, если на качканарской земле все еще был большой спрос на лесорубов. Познакомился с парнем, он с Глубокой, тоже после армии. И вот с ним, Геннадием Вазовиковым, рубили мы лес на горе Гусевой, грузили на трелевочный трактор, вывозили – и разгружали. А трактористом был Василий Мезенцев, – вспоминает Герман Исаакович своих первых качканарских друзей.

С января до мая были они лесорубами. Потом им сказали, что они будут работать на буровых станках, помощниками машинистов.

– И тут же, без всякого предварительного обучения, меня отправили в ночную смену, а Геннадия – с 16 часов (смена тогда была восьмичасовая). А уж обучаться пришлось прямо на работе.

Начинал на станках канатно-ударного бурения, самых первых и малопроизводительных. Потом в стране появились БШ-1 – станки шарошечного бурения. Первая их партия была отправлена в Хибины. Следующие пять пришли в Качканар. Прибыли и наладчики. Устанавливали, опробовали, испытывали.

– Рядом с ними мы изучали новое оборудование, – говорит Герман Исаакович. – Установили четыре станка. Во время работы они часто ломались. Мы ремонтировали, изготавливая нужные детали. И пятый станок почти полностью ушел на запчасти. Более

совершенные, эти станки тоже имели свои недостатки. Бурили всухую, без воды - пыль поднималась столбами. Вместо баков с водой было пылеудерживающее устройство, да разве справится оно с облаками и тучами пыли?.. Говорю сейчас внукам: «Вы столько сахара не съели, сколько дед пыли проглотил»...

Потом, конечно, придут станки новых поколений, но именно эти, первые и несовершенные, пробурили первые скважины на пути к качканарской руде. Первые и несовершенные, где каждый винтик стал родным, эти станки так привязали к себе Германа Исааковича, что он всю жизнь проработал бурильщиком скважин.

Привязал его к себе и Валериановск. Он тоже навсегда вошел в его жизнь вместе с работой и одной миниатюрной, энергичной девушкой Тамарой Злобиной. Герман встретил ее однажды в клубе на танцах. Тогда он даже предположить не мог, что эта дюймовочка – одна из зачинателей Качканара. Что ее трудовая книжка открывается вот такой записью, сделанной в 1957 году: «Топо-изыскательская партия института «Уралгипроруда» – речечник». Что эта хрупкая, семнадцатилетняя девочка ходила в лес с тяжелой ношей, длинными рейками, вместе со специалистами намечая дорогу от Валериановска в сторону горы Долгой. А после них пришли лесорубы. Тамара, как и все первостроители, знала: дорога – будет! Но она не знала тогда, что в январе 1960 года по этой дороге приедет в поселок ее суженый, с которым она однажды встретится на танцах. Тамара в то время уже работала в поселковой библиотеке и училась заочно в Пермском библиотечном техникуме.

Познакомились. А через год пришли к Тамариной маме.

– Мама, – сказала дочь, – сейчас мы пойдем расписываться.

Что могла ответить Мария Тимофеевна? Конечно же, она благословила их.

– Пришли в поселковый Совет, – вспоминает Герман Исаакович, – расписались и отправились на работу: она – в

библиотеку, я – в карьер, моя смена была с 16 часов. И почти две недели не виделись: Тамара жила дома, я – в общежитии. Через некоторое время была скромная вечеринка – вот и вся свадьба...

Семья

Потом он рассказывает об их первом совместном жилье. Был тогда в поселке дом барачного типа, в котором размещались почта, парикмахерская, ветлечебница да еще две маленькие квартиры. Вот такой универсальный полусгнивший барак, где Раткевичи прожили почти три года.

– И это считалось квартирой? – искренне удивляется их дочь Марина, которая, между прочим, и родилась в том полусгнившем доме, но это не помешало ей стать хорошим человеком.

Иные из нынешних молодоженов на роскошном лимузине сразу въезжают в готовенькую шикарную квартиру – разве это плохо? Вот если бы эти родительские дары были еще и залогом прочного супружества! К сожалению, нередко семейная жизнь после пышной свадьбы оказывается короче, чем длина лимузина. А Тамара и Герман Раткевичи идут по жизни рядом уже полвека. Вместе радуются, вместе горюют. Родилась Мариночка, получили благоустроенную квартиру, родился Левушка – это ли не радость? Первая улыбка, первое слово, первые шаги, первый класс, первые огорчения, первая любовь... Первые достижения и первые, уже не детские, проблемы. Жизнь любит подкидывать нам разные проблемы. Но в любых ситуациях дочь и сын чувствовали поддержку и понимание родителей. Семья для Раткевичей – самое святое.

Валериановск – тоже их большая семья, и они немало сделали для поселка, где их хорошо знают и уважают. Библиотека сначала располагалась в небольшом деревянном доме, но дорога сюда была любимым маршрутом детей и взрослых. Тамара Ивановна сумела превратить библиотеку в настоящий просветительский центр, где практиковались беседы и лекции,

познавательные игры и викторины, различные конкурсы и чтения. Грамотная и энергичная, большая затейница, Тамара Ивановна проводила праздники улиц и Дни поселка, торжественные собрания и молодежные вечера, слеты солдатских матерей и митинги памяти, и просто посиделки и чаепития.

– Кто первый затянет песню? Кто переоденется в кимоно и удивит гостей «японским» наречием? Кто станет веселым Дедом Морозом или бравым офицером в галифе? Конечно же, наша бессменная артистка Тамара Ивановна, – вспоминают о ней сотрудники городской библиотеки.

Сорок пять лет отдала Тамара Раткевич читателям и книгам, любимой работе, ни разу не подумав сменить ее на более денежную. И самой высокой из всех своих наград считает знак «За отличную работу» Министерства культуры СССР, который ей вручили в 1986 году.

Тамара Ивановна как депутат Валериановского поселкового Совета и Герман Исаакович как депутат Качканарского городского Совета верно служили родному поселку. Теплоснабжение и канализация, строительство пруда и объездной дороги, сооружение памятника погибшим землякам – во всем частица их труда, их души.

С душой и полной самоотдачей трудился Герман Исаакович и на производстве. Не раз признавался лучшим по профессии, лучшим воспитателем комсомольско-молодежного коллектива, был победителем социалистического соревнования, ударником девятой пятилетки, награжден знаком «Шахтерская слава», орденом Трудовой славы и орденом Трудового Красного Знамени. Многочисленные благодарности и свидетельства, почетные грамоты и дипломы – словно вехи на славном трудовом пути, который длился сорок четыре года.

– Ровно сорок четыре года и один день, – с улыбкой уточняет Герман Исаакович.

Вот такие они, ветераны труда Раткевичи, верные, постоянные в работе и в любви, в преданности Валериановску. И счастливы дети, у которых есть такой удивительный пример – тут для воспитания не требуются ни громкие слова, ни утомительные наставления. И довольны родители, что Марина и Лева выросли достойными людьми. Отцу было приятно, что сын пошел по его стопам: в профтехучилище получил специальность бурильщика скважин и до армии работал на Северном карьере Качканарского ГОКа.

Марина и Лев, по примеру родителей, так же мудро и бережно воспитывают своих детей; любят дело, которому служат; любят свой поселок и свою страну. Говорить о любви к Родине сейчас не принято. А может, и не надо говорить: ведь патриотизм – чувство самое стыдливое. И все же надо растить патриотов – без громких слов, конкретными делами и примерами. Иначе что будет с нашей страной, если ее любить перестанут?

Лёва

Лев Раткевич никогда не стеснялся этого чувства, хотя и не кричал о нем. С желанием пошел в армию. Служил в Прибалтике. В 1986 году окончил сержантскую школу и мог спокойно продолжать службу, обучая молодых сержантов. Но прозвучало слово «Афганистан», а рядом с ним – «война» и «Советская Армия». Лев в числе первых написал рапорт, что хочет продолжать службу в Афганистане. И в апреле 1986 года он вместе с другими новобранцами прилетел в Кабул. На афганской земле не раз смотрел в глаза смерти, был контужен и тяжело ранен. Домой посылал спокойные, добрые письма. Но родители жили в постоянной тревоге: ведь там - война!

О том, как воевал наш земляк, говорят награды, с которыми он в конце 1987 года вернулся домой. Медали «За боевые заслуги», «За отличие в воинской службе», «За самоотверженный ратный труд в Туркестанском военном округе», наградной знак «Воину-

интернационалисту», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа». Вместе с наградами привез Левушка вторую группу инвалидности да осколок, который остался в его груди после ранения.

На работу не принимали. Страдал, слезно умолял, чтобы дали третью группу инвалидности. Добился и вернулся на Северный карьер бурильщиком. Поступил на заочное отделение Свердловского горного института. Женился. Его любимая девушка, видимо, той же высокой пробы, что и Раткевичи. Слевой они дружили со школы, и Лена преданно ждала его из армии. Как и вся семья, переживала из-за осколка в груди Левы. Эта «железка», конечно, мешала. Но терпел, десять лет терпел. И уж когда стало совсем невмоготу, поехал в госпиталь.

В настоящее время Лев Раткевич, выпускник горной академии, работает на Главном карьере начальником бурового участка, жена Елена – в управлении комбината. У них два сына. Старший, Всеволод, окончил пожарную академию при МЧС.. Богдан учится в пятом классе. Оба любят спорт: Всеволод – каратист, Богдан занимается самбо. Да и как им не любить спорт, если дедушка до сих пор в хорошей спортивной форме, если он всю зиму ежедневно ходит на лыжах. Герман Исаакович давно расстался с сигаретами и уже 35 лет не курит – это ли не пример для сына и внуков!

Марина, выпускница Уральского политехнического института, работает экономистом в рудоуправлении Качканарского ГОКа. Там же работает ее муж, Николай Суровцев, энергетик, окончивший горный институт. У Марины и Николая тоже двое детей. Сын Костя, выпускник горной академии, живет и работает в Екатеринбурге. Дочь Кристина учится в Уральском государственном университете.

Вот такая большая и дружная, преимущественно горняцкая семья. Вот такая «ячейка» общества. Ах, если бы все «ячейки» были такими: чистыми, излучающими добрый свет, такими

надежными и прочными - сколько света прибавилось бы в нашей жизни, насколько крепче и благороднее стало бы наше общество!

– Лето 2011 года было у нас особенным, – говорит Марина. – Сразу три свадьбы, и все юбилейные.

Начнем с первой, самой юной. 15 июля Костя женился на Тане, студентке медицинского института. Эта свадьба зовется Зеленой. 16 августа «пела и плясала» серебряная свадьба Марины и Николая, родителей Кости. А 31 августа – золотой юбилей Тамары Ивановны и Германа Исааковича. В поздравлении дети и внуки написали:

В день свадьбы золотой сердечно поздравляем

И дружно вам желаем здоровья и любви!

Пусть счастье и покой ваш дом не покидают.

Вот внуки подрастают – в потомках живы вы!

И прожитые годы окиньте добрым взглядом:

Ведь в радости и горе – всегда вы были рядом!

Так, смело вдаль шагая, за грань тысячелетья,

С надеждой и упорством живите до столетья!

А я всем Раткевичам желаю пронести свою любовь от свадьбы Зеленой до свадьбы Коронной, которую празднуют через 75 лет супружеской жизни.

2012 год

У истоков жизни

Был парад 9 Мая. Главная улица цвела, звучала, пела. Длинная праздничная колонна двигалась к центральной площади. Духовой оркестр, школьники, спортсмены, предприятия и организации города, а рядом с живыми – бессмертный полк. И вот на площади, нарядной и освещенной солнцем, стало еще светлей: шли медицинские работники в белых халатах. К этому славному отряду здоровья принадлежит и она, моя сегодняшняя героиня с чистым и светлым именем.

Светлана Федоровна Самочернова хорошо помнит победный май 1945 года: ведь тогда ей, школьнице Светлане Черноскутовой, шел десятый год. Помнит, как много было цветов и как цвели радостью лица людей, как ликовал украинский город Бердичев, в котором ей довелось родиться.

Военное детство

Ее папа, Федор Герасимович Черноскутов, был военным, и его жена врач Надежда Кирилловна вместе с мужем терпеливо, достойно и преданно переносила его кочевую гарнизонную жизнь. А к середине 30-х годов семья осела в Бердичеве. Светлана Федоровна вспоминает просторный и светлый дом, большой сад, за которым ухаживал дедушка; вспоминает добрую бабушку и ее нежную заботу о внуках. У Светланы были еще младшая сестренка Эмилия и совсем маленький братик Витя, родившийся незадолго до войны.

Война. Как воспринимала ее шестилетняя девчушка? Папа на фронте, мама где-то в партизанах. Дома с малышами только дедушка и бабушка. А еще в доме четыре немецких офицера. Лощеные, подтянутые, приятно пахнущие каким-то одеколоном, зачем они пришли сюда? Почему заняли большой зал и чувствуют себя хозяевами в доме? Почему одну из комнат превратили в склад оружия? Оккупация. Светлана еще не знала такого слова, как не знала и того, что во всем Бердичеве теперь хозяйничают немцы. Но жила в каком-то постоянном напряжении и не доверяла улыбчивым «хозяевам», угощающим детей шоколадками. С немцами в основном общалась бабушка. Видимо, у нее была какая-то своя «дипломатия». И однажды немцы предупредили бабушку, что через два-три дня Бердичев будут бомбить, и посоветовали спастись.

– Немцы ушли куда-то. А мы ночью уползли за восемнадцать километров от города, – рассказывает Светлана Федоровна.

Была уже осень. Прохладно. Как преодолела такое расстояние бабушка с тремя малышами, младшему из которых только год, – это даже представить трудно. Было тревожно и страшно. Но на обратном пути через трое суток было еще страшней: изуродованная бомбами земля, разрушенные и горящие здания, трупы, кровь... Одна отрада: дедушка был жив.

Он оставался тут, чтобы спасти свой дом, свой сад, свои цветы. Но на месте его любимого сада теперь зияли три огромных воронки, в каждой из которых можно бы похоронить дом. А дом, к счастью, уцелел. И жизнь продолжалась, в напряжении, в тревоге, в нужде – но продолжалась.

Что еще сохранила детская память Светланы? Это наши русские солдаты. Шинель, сапоги, котелок. Простые парни. От них не пахло ароматным одеколоном. Это был запах свободы!

Война уходила на запад. Искалеченный Бердичев залечивал раны и продолжал жить. Школа стала госпиталем, а ученики – работниками, которые трудились вместе с взрослыми.

– Один учебный год пропал, – вспоминает Светлана Федоровна.

Потом рассказывает о том, как она училась в украинской школе, где урок русского языка был только раз в неделю; о том, как все ждали окончания войны и как ликовал Бердичев в победном мае 1945-го. А еще она говорит о своем отце. Он, старший из шестерых братьев Черноскутовых (все они воевали), дошел до Берлина и в 1947 году демобилизовался.

– И мы переехали на Урал: ведь папа родом из Каменска-Уральского, – говорит моя собеседница.

Активная юность

Они поселились на станции Монетная, что в Березовском районе Свердловской области. Здесь Светлана пошла в пятый класс, здесь окончила среднюю школу. Училась с желанием, жила радостно, чувствуя, как с возрастом куда-то уходят страхи, напряженность и скованность ее военного детства. Она активно занималась спортом и достигла высоких результатов. Первенство города Березовского по легкой атлетике, городская спартакиада школьников, летняя спартакиада, эстафета на приз газеты «Березовский рабочий», областные соревнования – об этом и сейчас напоминают многочисленные грамоты, которыми

школьницу Светлану Черноскутову награждали Березовский комитет по делам физкультуры и спорта и областной совет добровольного спортивного общества «Энергия».

А после школы – в Свердловск, в техникум физкультуры и спорта. Потом Светлана была преподавателем физкультуры на кафедре медицинского института. А проработав год, поступила на лечебный факультет этого института. Училась увлеченно, познавая премудрости и тонкости великой науки врачевания.

Первая производственная практика была в Артемовске. Светлану направили в роддом, где работала удивительная женщина Эмма Вильгельмовна. И студентке просто повезло, что первые самостоятельные шаги в медицинской практике она делала рядом с таким врачом. Эмма Вильгельмовна брала Светлану на обходы, научила делать аборт, принимать роды и была для нее примером мудрости, терпения, трепетного отношения к женщине-матери и ребенку.

– Однажды были очень тяжелые роды. Ждали двойняшек, – вспоминает Светлана Федоровна. – У женщины осложнения. Долго боролись за ее жизнь, делали переливание крови. Очень переживали за нее и за младенцев. Я почувствовала знакомое с детства напряжение, какое-то тревожное ожидание. Все очень волновались. А Эмма Вильгельмовна была спокойна, сосредоточенна, ни на кого не повысила голос – работала с большой ответственностью перед новым человеком. А когда всё благополучно завершилось, она так красиво взяла двойняшек на руки и сказала: «Вот из этих малышей вырастут большие люди!» Она устала. Но была счастлива, – закончила Светлана Федоровна со вздохом облегчения, словно только что она приняла эти роды.

Может быть, именно тогда студентка-практикантка Черноскутова впервые почувствовала, какое это великое чудо – рождение человека и как это ответственно – быть у истоков новой жизни. И это чувство в ней – навсегда.

Ее судьба – Качканар

С этим чувством она, выпускница Свердловского медицинского института, приехала в рабочий поселок Качканар, куда после окончания Свердловского политехнического института был направлен ее муж металлург Самочернов Виталий Матвеевич.

Знаменательная дата – 2 сентября 1964 года. В этот день в районном городе Нижней Туре Светлану оформили в медсанчасть Качканарского ГОКа врачом акушером-гинекологом.

– Медсанчасть тогда располагалась в Клубном переулке. В небольшом одноэтажном здании размещались и детская поликлиника, и стоматология, и женская консультация. Здесь же принимали и экстренные роды (остальных возили в Туру).

А на работу меня принимала главный врач Татьяна Федоровна Молдованова – молодая, энергичная женщина с большими организаторскими способностями, – рассказывает Светлана Федоровна.

Она вообще предпочитает умалчивать о себе и с удовольствием говорит о качканарских медиках, с которыми начинался ее профессиональный путь. Вспоминает начмеда Ефремовцеву, интеллигентную, деликатную женщину; заведующую поликлиникой Ромашкову Марину Ивановну, старшую акушерку Нину Васильевну Драницину и других опытных врачей и средний медицинский персонал.

– Нас, молодых, они лепили так красиво, так мудро, готовили к профессии и вообще к жизни, – говорит Светлана Федоровна.

С благодарностью вспоминает хирурга Нину Николаевну Чулкову, стоматологов Маргариту Николаевну Косых и Тамару Исаевну Хмелеву, в контакте с которыми доводилось работать. Вспоминает, как рос рабочий поселок, как качканарская медицина меняла свое место жительства: улица Чехова,

четвертый микрорайон, другие адреса.

И вот 1966 год – построен и открылся больничный городок. Позднее, в 1978-м, откроется городская поликлиника. А пока Светлана Федоровна с восторгом говорит о больнице:

– В Качканаре, еще не ставшем городом, появился городок больничный. Это крупный цех здравоохранения, где в каждом отделении созданы все условия для больных и врачей. 520 больничных коек – это очень хорошо.

Она рассказывает о своем отделении и тепло вспоминает Эмму Олеговну Попову – главного акушера-гинеколога того времени. С радостью отмечает, что в те годы в качканарском здравоохранении появилось немало молодых специалистов.

– Приехал Васильев и вскоре стал заведующим хирургическим отделением. Валерий Всеволодович – хирург от Бога. Он владел всеми оперативными вмешательствами и мог помочь хоть маленькому ребенку, хоть глубокому старику. Васильев – это ходячая медицинская энциклопедия. К нему можно было обратиться с любым вопросом, и он никогда не отказывал в помощи. Он любил думающих, знающих и умеющих врачей, – говорит Светлана Федоровна. – Прекрасным специалистом был и акушер-гинеколог Чичиланов Петр Васильевич, который проработал в Качканаре девять лет.

Главный врач

Шли годы. Рос Качканар. Молодые специалисты становились опытными врачами. Росла и крепла медицина города юности.

Выросла и моя героиня. Мое первое знакомство с ней состоялось в то время, когда Светлана Самочернова уже возглавляла акушерско-гинекологическую службу города. Мне не раз приходилось быть пациенткой гинекологического отделения и видеть этот коллектив в работе.

Это был действительно настоящий коллектив, сплоченный

великой целью: оздоровить источник жизни – женщину. Эту важную задачу общества дружно и самоотверженно решали и врачи, и медицинские сестры. Вспоминая то время, Светлана Федоровна говорит не о себе, а в первую очередь о медсестрах. Вот старшая медицинская сестра – энергичная и отзывчивая Нина Баженова. Процедурная сестра Алевтина Хисматуллина с ловкими и умными руками. Вот постовые сестры: требовательная и добрая Валентина Шихова, простая и душевная Тамара Егоренко, ласковая и нежная Нина Путятинна, внимательная и строгая Галина Ложкина. Вот акушерки Нина Харитоновна, Тамара Малышева, Вера Клименко, Елена Блинова и совершенно удивительная старшая акушерка Моисеенко Надежда Михайловна. Всех не перечислить. Все они делали общее дело, которое считали самым главным в жизни.

И все боготворили врачей. Например, Галина Ложкина была убеждена, что Светлана Федоровна обладает каким-то особым секретом. Обаятельная женщина, добрая и мягкая по характеру, лишенная всякого начальственного и назидательного тона, она вместе с тем является прекрасным руководителем, к каждому слову которого прислушиваются, каждое распоряжение которого выполняют с готовностью. С ней очень легко работать. Как и с Нелли Петровной Милюц. Легко потому, что обе они – знающие врачи, которые самозабвенно любят свою профессию: в экстренных случаях могут и систему зарядить для больного, и «вколоться» в его вену, выполнить много других дел, не думая о том, входит это в их обязанности или нет. Зато они всегда помнят,

что их святая обязанность – спасти жизнь человека. Ради этого они не жалеют ни себя, ни своего времени.

Медсестры удивлялись, как Милюц и Самочерновой хватает 24 часов в сутки: ведь при огромной занятости на работе, при большой профессиональной ответственности они еще и жены, и матери, и просто женщины. В общем, люди они необыкновенные. Как и все, кто стоит на страже здоровья матери и ребенка.

Я смотрела тогда на медсестер и врачей, и мне казалось, что все они, такие разные по натуре, очень схожи меж собой. В каждой просматривались доброта и строгость Самочерновой. Это была единая семья, дружный, стабильный коллектив, в котором каждый понимает, что он стоит у истоков жизни. Они знают, какое это счастье и какая ответственность – быть матерью.

И эту главную мысль они внушают своим пациенткам, особенно молодым. Путем простых, искренних и доверительных разговоров, индивидуальных бесед, с помощью стенгазет и санитарных бюллетеней. Мне хорошо запомнился санитарный бюллетень того времени. Назывался он «Не лишайтесь счастья материнства!» И приведены там были стихи Ирины Быченковой, которые, мне кажется, убедительней всякой прозы.

Остановись!

Пусть он увидит солнце,

Услышит шум весеннего дождя

И будет в час счастливейшей бессонницы

Смотреть на звезды, глаз не отводя.

Тебе легко не дать ему родиться,

Тебя не станут за руки держать.

Ведь он не сможет даже защититься,

Не сможет крикнуть, встать и убежать.

А разве не смогла б ты поделиться

Сним миром, домом, лаской и теплом

И, если нужно, даже потесниться

И дать ему местечко за столом?

*И, может быть, никто другой, а этот,
 Чья жизнь уже на ниточке висит,
 Окажется ученым иль поэтом,
 И целый мир о нем заговорит.*

Появление на свет каждого младенца вся акушерско-гинекологическая служба воспринимала как личное счастье и большую радость. А счастья и радости было немало: ведь порою «население» палаты новорожденных доходило до 25 и 30 младенцев, а самая высокая рождаемость достигала 900 и более человек в год.

Светлана Федоровна регулярно проводила в больнице беседы и лекции о материнстве и младенчестве, о здоровом образе жизни, об ответственности отцов и матерей за крепкую семью. С лекциями и беседами ее часто можно было видеть и в учебных заведениях, в организациях и на предприятиях города. Кстати, С.Ф.Самочернова была председателем первичной

организации общества «Знание» центральной городской больницы. И совсем не зря в ее домашнем архиве хранятся благодарственные грамоты Всесоюзного общества «Знание».

Она просвещала и учила других и много училась сама.

– В Советском Союзе нас очень хорошо обучали, – говорит Светлана Федоровна. – И я получила большую базу на всех кафедрах акушерства и гинекологии. У нас проходили Всероссийские съезды и симпозиумы главных акушеров-гинекологов, курсы усовершенствования в Москве и Ленинграде, в Казани, Волгограде, Новокузнецке. Да и в Свердловске очень сильная база, и прежде всего научно-исследовательский институт охраны материнства и детства. Кстати, о здравоохранении Свердловской области я везде слышала только хорошие отзывы. А в области приятно было слышать добрые слова о медицине Качканара.

Вспоминая советское время, Светлана Федоровна говорит о том, как хорошо работала профсоюзная организация ЦГБ во главе с Эльвирой Васильевной Семушиной; как активно медики занимались физкультурой и как достойно сдавали нормы ГТО. Об этом напоминают и золотой значок ГТО, и Почетные грамоты, которыми ДСО «Спартак» награждал активиста физкультурного движения Светлану Самочернову за высокие показатели в лыжном кроссе. А еще есть Почетная грамота областного комитета общества Красного Креста, которую она получила за многолетнюю работу в обществе Красного Креста, за организацию и проведение соревнований санитарных дружин и санитарных постов.

Что касается наград, то надо назвать и юбилейную Ленинскую медаль и, конечно, орден «Знак Почета». А еще Знак «Совет да любовь», врученный супругам Самочерновым, которые прожили вместе уже пятьдесят лет, воспитали сына и дочь. Уже сорок лет они держат сад, в котором, по словам Светланы Федоровны, растет «всё, от лютиков до пионов».

Вот такая она многогранная, наша Светлана Федоровна – человек активной жизненной позиции, верный своему долгу врач высшей категории, отличник здравоохранения, который много лет возглавлял акушерско-гинекологическую службу города. Сколько молодых интернов рядом с ней стали хорошими профессионалами! Среди них и И. Молокова – нынешний главный врач акушер-гинеколог Качканара.

Почетный гражданин

А Светлана Федоровна осталась ординатором по акушерству и гинекологии. Она по-прежнему бодра и энергична, с изящной спортивной фигурой и легкой походкой, с хорошим чувством юмора, с прежней преданностью профессии. В работе ей по-прежнему помогают и зоркий глаз, и умные руки хирурга, и любящее сердце врача. И с прежним трепетом входит она в палату.

Тишина больничной палаты. Как она многозвучна! В ней тревоги и радости. В ней человеческие судьбы. Вот в этой тишине блеснул светлый лучик – это улыбается женщина, перенесшая сложную операцию. Вот тишину роддома прорезал звонкий крик младенца. Этот новый человек заявляет о себе миру. Все муки и тревоги позади – торжествует жизнь!

У истоков жизни в Качканаре

Столько лет Вы неустанно на посту.

Узнаёт Вас в городе любая мама,

Вы знакомы каждому отцу.

Так когда-то начал одно из юбилейных поздравлений доктор Лутфуллин. Дальше он зарифмовал славный подвижнический путь Светланы Федоровны, а закончил так:

Как же не завидовать той доле –

Знать и чувствовать чужую боль!

Да, чтобы это чувствовать, надо иметь большое, чуткое сердце, большую и верную любовь – к каждому новорожденному,

к каждой матери, ко всем пациентам. И каждая спасенная жизнь оставляет радостный след в ее сердце и серебристый – в ее волосах.

Полвека самоотверженно служит Светлана Федоровна медицине и уже десять лет является почетным гражданином Качканара. В подписи к ее портрету, что в здании городской администрации, есть и стихотворные строки Надежды Трушковой:

Как выразить признание человеку?

Как выразить признание костру,

Который не отдаст вас злему ветру,

За вашу жизнь готов вступить в борьбу?!

Так давайте поклонимся этой светлой женщине. Пускай по-прежнему в ее душе горит костер и греет человеческие жизни.

2016 год

Золотая династия

Светлой памяти

Галины Ивановны Лебедевой

Морозное утро. По-зимнему темно и неуютно. Лишь иногда выглянет из-за облаков луна и осветит заснеженную дорогу, по которой идет девочка-подросток. Шагает она бодро, чтобы не замерзнуть и побыстрее преодолеть этот путь длиною в семь километров. Уже далеко позади осталась родная деревня Потаничи, а до села Макарье еще не близко.

Временами слышится какой-то вой: то ли это ветер в верхушках деревьев, то ли волки в лесу. Жутковато. Но надо идти. В их деревне только начальная школа. В ближайшее село за знаниями ходили сначала дружной гурьбой, и было не так

страшно. Но многие ребята окончили только семь классов – и теперь она ходит одна. И о чем только не передумает за долгую дорогу. Конечно, трудно; и учиться, и жить трудно: время – послевоенное. Она вспоминает недавних попутчиков из бедных крестьянских семей. Вспомнила свою семью. Папа, Иван Егорович, был председателем колхоза, работал самоотверженно, буквально на износ – и умер от чахотки в первый год войны. Её пробрала дрожь, словно встречный ветер принес эти грустные мысли. Подумала о маме – и теплая волна хлынула в сердце. Анна Ивановна, простая колхозница, рано осталась без мужа, а на руках пять дочерей: старшей четырнадцать лет, младшей три года. Вспомнила, как росли в постоянном крестьянском труде, стараясь выбиться из нужды. Досыта не ели, но и голодными не были.

А время идет. И дорога идет – все вперед и вперед. И идет к цели наша девочка, упорная, умеющая преодолеть и страх, и расстояние, и трудности. Повзрослела, получила среднее образование – единственная из всех своих деревенских сверстников.

А нам, качканарцам, эта девочка знакома как Галина Ивановна Лебедева.

Я познакомилась с ней в 70-х годах прошлого века, когда Галина Ивановна была начальником следственного отделения Качканарского ОВД. А сегодня говорю о ней по нескольким поводам. В апреле работники следственного аппарата отмечают профессиональный праздник, учрежденный Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1963 году. В марте Галине Ивановне исполнилось бы 80 лет. А летом будет десять лет, как ее нет с нами... Так как же она, рожденная в Кировской области, оказалась в наших краях?

С аттестатом – в милицию

Восемнадцать лет, в руках аттестат о среднем образовании – и семейный совет решил отправить Галину к тетке, в город Асбест. Так дорога привела нашу упорную девочку на Урал – и сразу в милицию. Дело в том, что ее тетя работала в детской комнате милиции. И Галине предложили паспортный стол. Еще совсем юная, но очень серьезная, Галя работала усердно, с большой ответственностью – и вскоре ее направили в Нижнюю Туру, в адресный стол милиции. Важная веха на ее жизненном пути и памятная дата: 10 октября 1954 года.

И будет еще один знаменательный год – 1957-й.

Его хорошо помним мы, качканарцы. Галина Ивановна – тоже. Ведь в этом году в Нижнюю Туру приехал выпускник Ленинградской специальной школы милиции Рудольф Лебедев. И с 1957-го они пошли по жизни вместе. А зона обслуживания, которую определили оперуполномоченному Лебедеву, была такая: нижняя часть города Нижняя Тура, станции Выя и Платина,

деревни Елкино и Бушуевка, поселки Валериановск и Именновский и палаточный городок строителей Качканара. Так что Лебедев с Качканаром – с самого его рождения. В 1968 году, когда Качканар получил статус города, Рудольф Павлинович возглавил местную милицию, а Галина Ивановна занималась следственной работой..

В своей книге «Не запятнать честь мундира» Рудольф Павлинович пишет: «До 6 апреля 1963 года в органах милиции

следственных подразделений не существовало. По всем уголовным делам велось дознание. Нагрузка из года в год росла. Дознаватели с объемом работы не справлялись. Не хватало опыта, порой образованности. В связи с этим в органах внутренних дел были созданы следственные подразделения.

В 1963 году в Качканарском отделении милиции было всего три следователя. В 1969-м следователей выделили в самостоятельную следственную группу в количестве шести человек под руководством старшего следователя Лебедевой Галины Ивановны. В таком составе следователи работали до 1976 года.

В 1976 году в Качканарском ОВД было создано следственное отделение. Все годы его бессменным руководителем была моя жена, товарищ, соратник – Лебедева Галина Ивановна. 34 года жизни отдала она нелегкой следственной работе. Ее трудолюбие удивляли все. Когда бы ни пришел в милицию, она всегда на рабочем месте. Вместе с тем она успевала учиться, окончила среднюю школу милиции, Свердловский юридический институт, была матерью и хорошей хозяйкой. Но ни разу она не жаловалась и не плакалась. Как ей было трудно – знала только ее семья».

А что знали о ней сотрудники? Давайте послушаем людей, которым приходилось общаться с Галиной Ивановной.

Это было трудное и прекрасное время

Вот что говорит Галина Михайловна Андрианова:

– 19 февраля 1986 года я приехала в Качканар, куда была назначена прокурором города. И сразу познакомилась с Рудольфом Павлиновичем Лебедевым, возглавлявшим отдел внутренних дел, и с Галиной Ивановной.

По долгу службы я многие годы осуществляла надзор за следствием. Что я скажу об этой женщине? В своей работе я не новичок, и мне было с чем сравнивать. Меня поражала ее работоспособность. Создавалось впечатление, что эта женщина

не знает устали. Почему? Да не потому, что она семижильная, а потому, что очень любит свою работу, которая для нее и долг, и призвание. В любое время Галина Ивановна могла выехать на место происшествия, направить следствие по верному пути и оказать оперативникам практическую помощь. Ей помогали опыт и какая-то необыкновенная интуиция, а также умение прислушиваться к чужому мнению. Своим подчиненным она давала четкие указания и знала, за что спросить. При расследовании была внимательна и к потерпевшим, и к обвиняемым, старалась не навредить, не поломать судьбу человека. А вела она самые сложные дела и всегда тщательно изучала их, прежде чем отправить в прокуратуру.

Участливо относилась и к судьбе своих подчиненных, была требовательна и заботлива, не забывала поздравить с днем рождения или другим значимым событием, готовила и вручала красиво оформленные открытки.

Галина Ивановна успешно училась на заочном отделении юридического института: богатая следственная практика, соединенная с теорией, давала хорошие результаты. Она с удовольствием занималась садом, делилась секретами хороших урожаев, рассадой, рецептами и щедро дарила цветы. Она занималась семьей. При большой занятости, а зачастую неимоверной усталости – как удавалось ей оставаться всегда подтянутой, обаятельной женщиной? Мне порой казалось, что Галине Ивановне шла какая-то помощь свыше. Не потому ли, что рядом, на земле, был Рудольф Павлинович – заботливый, понимающий муж и единомышленник? У них была крепкая внутренняя связь: оба – патриоты города и своей нелегкой службы, ради которой всё личное уходило на задний план.

Прекрасные воспитатели, Лебедевы открыли широкую дорогу молодым и оставили добрые традиции в коллективе. Теперь их нет, но осталось то, что нас объединяет. Мы помним их даты и собираемся в эти дни вместе. Мы помним их как первых качканарских правозащитников и просто хороших людей.

А вот супруги Удовенко. Геннадий Васильевич двадцать лет проработал в уголовном розыске и восемь лет – в спецкомендатуре. Надежда Павловна много лет отдала работе с несовершеннолетними.

Вспоминая Галину Ивановну, они возвращаются в то время, которое называют трудным и прекрасным. Прекрасным потому, что все трудности преодолевали единым коллективом. Главным для всех было дело, которому они служили. Лебедевы создали и поддерживали в отделе деловую и дружескую обстановку.

– Рудольф Павлинович и Галина Ивановна – настоящие профессионалы. Они умели и строго потребовать, и защитить, поддержать и помочь, – говорит Надежда Павловна.

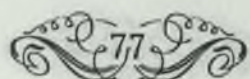
«Один – за всех, и все – за одного» – это о них, о тех людях и том времени. Вместе работали, вместе умели отдыхать.

– А для Галины Ивановны на первом месте была работа. Уходишь домой – она еще сидит в кабинете, приходишь на работу – она уже на своем месте. А ведь у неё семья, сад – и когда она всё успевала? – удивляется Надежда Павловна. – Конечно, рядом Рудольф Павлинович. Они были единым целым. С любой бедой мы – к ним. Переживали они за каждого подчиненного и за весь город, безраздельно отдавались работе. Вот сердце-то и не выдержало, – вздыхает моя собеседница.

А еще супруги Удовенко рассказывают о том, как кропотливо работала Галина Ивановна с молодыми сотрудниками: сначала научит – потом спросит. Многие ее ученики выросли в хороших руководителей органов внутренних дел различных уровней, о которых знают в Свердловской области.

Рядом с Галиной Ивановной выросла и **Галина Гавриловна Осипова.**

– Начинала я машинисткой, была секретарем у Рудольфа Павлиновича.

Потом окончила школу милиции, и меня пригласили в следствие. Галина Ивановна посадила меня в свой кабинет, помогала, поддерживала, учила, была очень доброжелательной и требовательной. И лишь когда я твердо встала на профессиональные ноги, у меня появился свой кабинет. Требовательная к подчиненным, она в первую очередь была требовательна к себе. Ежедневно контролировала абсолютно все уголовные дела, которые находились в производстве следственного отделения. Давала устные и письменные указания, если обнаруживала недостатки или ошибки в сборе доказательств, и оказывала помощь в раскрытии преступлений.

Самые трудные уголовные дела она принимала к своему производству. Нередко мы вместе с ней разрабатывали планы расследования по особо сложным делам. Часто засиживались далеко за полночь и уходили домой под утро. А к девяти часам снова шли на службу. Но, несмотря на это, мы с ней много лет по утрам бегали на стадионе или до «Зеленого мыса». И, насколько я помню, Галина Ивановна никогда полностью не использовала свой очередной отпуск. С удовольствием отмечаю, что под руководством Галины Ивановны Лебедевой следственное отделение Качканара занимало исключительно первые места в категории таких же городов Свердловской области. Настоящий профессионал, трудоголик и фанат, безгранично любящий работу, которой она посвятила всю свою жизнь, – вот такая наша Галина Ивановна.

Несмотря на огромную занятость на службе, она находила время, чтобы коллектив следователей мог отдохнуть на природе, выехать в лес за грибами или ягодами. Она знала даты рождения всех своих сотрудников и умела красиво поздравить. Свои дни рождения и профессиональные праздники отмечала с родным коллективом следствия – у себя дома или в саду. На садовом участке они с Рудольфом Павлиновичем выращивали хороший урожай. Самые первые огурчики и помидоры поспевали у наших Лебедевых.

Галина Гавриловна с удовольствием вспоминает то время, когда и следственное, и все другие отделения Качканарского ОВД были единым коллективом.

– Работали не за деньги, – говорит она. – Служили делу. И если дело требовало, отдавали ему круглые сутки... Время было другое.

Теперь мои собеседники – **Виталий Данилович Турков**, долгие годы возглавлявший Качканарскую ГАИ, и **Дмитрий Александрович Качан**, бывший сотрудник лицензионно-разрешительной системы качканарской милиции..

Вместе с ними я вновь побывала в нашей советской эпохе, в нашем Качканаре – молодом, растущем городе, где успешно работали строительный трест и радиозавод, птицефабрика и два завода ЖБИ; в городе, где спокойно трудились люди, уверенные в завтрашнем дне и безгранично доверявшие милиции. Вспомнили, каким авторитетом пользовался Рудольф Павлинович, каким хорошим был он мужем и отцом. А о Галине Ивановне сказали так: она горела на работе, она фанат своего дела, грамотный, принципиальный специалист. В милиции – строгий, требовательный начальник, дома – внимательная жена и хлебосольная хозяйка.

– Следователь – основная профессия в милиции, – говорит Дмитрий Александрович. – Сколько надо труда и терпения, а порою чутья и интуиции, чтобы достать улики, доказать виновность или невиновность подозреваемого! Следователи работали кропотливо и грамотно. И не случайно Качканарское следственное отделение занимало в соревновании первые места в области. Опыт Галины Ивановны и ее сотрудников высоко ценили. И вообще Качканар был кузницей кадров.

В нашем разговоре прозвучали знакомые фамилии: Абросимов, Филиппов, Касьянов, Минеев и другие. Эти люди работали в Качканаре в уголовном розыске и следствии, а потом

стали возглавлять отделы и управления внутренних дел, а Филиппов и Абросимов в разное время были заместителями начальника Главного управления внутренних дел Свердловской области – оба генералы. Кстати, Рудольф Павлинович радовался профессиональному росту сотрудников и не стремился удерживать их около себя.

Ныне начальником следственного отделения полиции является Александр Иванович Кукорцев, а его заместителем – Елена Валерьевна Коробейникова. Оба они тоже ученики Галины Ивановны.

Вот такой ее знали и такой ее помнят.

Крепкий орешек

Но мало кто знал, что Галина Ивановна перенесла тяжелую онкологическую операцию. А уж «как ей было трудно – знала только ее семья». Вот что рассказывает дочь **Татьяна Рудольфовна Селезнева**:

– После операции и лучевой терапии швы не заживали, выпадали волосы. Мама одна не могла ходить. Мы с папой вечерами выводили ее на улицу, гуляли с ней, держа под руки. Немало было и злых людей, которых маме пришлось привлекать к уголовной ответственности. И вот однажды, когда я с ней гуляла (папу вызвали на работу), сзади подошла какая-то женщина и с издевкой сказала: «Ну что? Гуляешь после рака? Помрешь!» После этого мама твердо решила выйти на работу, хотя врачи советовали выйти на пенсию по инвалидности. И еще тридцать лет после этого проработала она в милиции на благо Качканара и его жителей. Она всегда жалела людей, будь то потерпевший или обвиняемый: они были для нее прежде всего люди со своей непростой судьбой, за которых переживают их близкие.

Вот такая она, возмужавшая девочка-подросток, которая упорно и бесстрашно начинала свой жизненный путь. И, выбрав дело, ставшее призванием, осталась верной ему до конца.

– Однажды, – вспоминает Татьяна Рудольфовна, – мама сломала ногу, да так сильно, что ступня вывернулась в обратную сторону. Но ни одной слезинки я не увидела, ни одной жалобы не услышала. Три месяца мама была в гипсе и все это время работала на дому. Мой будущий муж Владимир Селезнев оборудовал комнату так, чтобы мама, не вставая, могла достать до телефона, до выключателя, до пишущей машинки. Мама печатала обвинительные заключения по уголовным делам, которые находились в производстве следователей, проверяла их уголовные дела, расписывала, что по ним необходимо делать. Была в курсе событий своего подразделения. В общем, делала всё, кроме следственных действий с людьми. Работала с утра до ночи. Работа спасала ее от всех бед и проблем. Мама не раскисала, а лечилась работой. И очень по ней скучала, когда ушла на пенсию. Провожая ее на заслуженный отдых, Тамара Николаевна Бакурова, работавшая в подчинении у мамы, сказала, что рядом с Галиной Ивановной было стыдно болеть и плохо работать.

Все коллеги говорят, что моя мама – из тех трудоголиков, на которых держится Россия. На первом месте у нее всегда была работа. Но когда появилась внучка, бабушка посвящала ей все свои немногочисленные дни отдыха и дни отпуска. До сих пор в кухне на холодильнике висит одна из записок, адресованных внучке: *«Леночка! Любимая! Я ушла в сад. Целую, люблю. Бабушка»*.

«Хочу достойно продолжать династию»

А вот и она, любимая внучка Леночка, ныне капитан полиции **Елена Владимировна Селезнева**.

– Когда я была маленькая, – вспоминает она, – мы с родителями жили в городе Лесном, и я часто приезжала в Качканар, к бабушке и дедушке. Помню, приехала в зимние каникулы (мне было лет восемь или девять), приехала вечером – и сразу попала в отдел милиции, так как бабушка, несмотря на позднее время, еще работала. Она печатала на машинке какой-то

текст (компьютеров тогда не было). На столе много бумаг. Мне тоже захотелось поработать. Бабушка дала мне ручку, бумагу и какие-то бланки, на которых большими печатными буквами было написано: «постановление».

С серьезным видом я что-то писала на этих бланках, которые, кстати, сохранились до настоящего времени. И всегда, когда я была на каникулах, меня, словно магнитом, тянуло в эти стены, стены милиции. Бабушка делала свою работу, а я – «свою». С умным видом и с ощущениями взрослого человека заполняла я бланки, и мне это очень нравилось. А еще мне нравилось смотреть и слушать, как бабушка разговаривает с людьми, которые заходили в ее кабинет.

Однажды в выходной день бабушка и все ее подчиненные были на работе: значит, того требовали обстоятельства. Помню, я надела бабушки туфли на каблуках и пошла по кабинетам. В одном из них сидели два молодых человека: Константин Махт и Сергей Саркисов. Они стали играть со мной в прятки. Когда меня искал Сергей, я нечаянно стукнула его дверью по лбу и очень испугалась, а он засмеялся. Позднее, когда я пришла на работу в милицию, мне довелось работать вместе с некоторыми учениками бабушки и с Сергеем Саркисовым, начальником ОБЭП. По сей день мы работаем вместе с ученицей моей бабушки Еленой Валерьевной Коробейниковой – заместителем начальника следственного отделения.

Я служу в милиции (сейчас полиция) с 2004 года. В мои восемнадцать лет меня привел сюда мой дедушка Лебедев

Рудольф Павлинович. Работа трудная, забирает много душевных сил и времени, но я ее люблю и не представляю себя на другом месте. Моя цель – помогать людям и делать добро. Ну, и, конечно, вырасти до подполковника, как моя бабушка Лебедева Галина Ивановна и как моя мама Селезнева Татьяна Рудольфовна.

В настоящее время внучка Леночка – капитан полиции Елена Владимировна Селезнева, отдавшая любимому делу уже более десяти лет.

– Отзывчивая, добрая. Серьезный и чуткий инспектор подразделения по делам несовершеннолетних, – говорит ее начальник Елена Эдуардовна Мерзагитова. – Позитивный человек. Чаще вижу ее с улыбкой. Прислушивается, умеет учиться.

– Хочется достойно продолжать династию Лебедевых-Селезневых, – говорит Лена. – Может, и мои дети пойдут по моим стопам. Но это решать им...

Заслуженные звания

Теперь о династии, к которой принадлежит Елена.

Дедушка. Полковник милиции Лебедев Рудольф Павлинович. Почетный гражданин города Качканара, кавалер ордена «Знак Почета». 43 года безупречной службы в милиции. Родоначальник династии Лебедевых-Селезневых.

Бабушка. Подполковник милиции Галина Ивановна Лебедева. Нагрудные Знаки «Отличник милиции», «За отличную службу в МВД», медали всех степеней «За безупречную службу», почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Этот Знак вручен ей в 1993 году одной из шести человек в Свердловской области. Портрет Г.И.Лебедевой до сих пор украшает Доску почета в УВД Свердловской области

Папа. Селезнев Владимир Юрьевич. Полковник полиции, как и Рудольф Павлинович. Начинал в милиции Качканара. Оперуполномоченный Уголовного розыска, он всю жизнь

посвятил оперативной работе, которая «опасна и трудна». Много знал и умел. В области его называли ходячей оперативной энциклопедией. Владимир Селезнев мог раскрыть любое, самое серьезное преступление.

Мама. Удостоверение члена оперативного комсомольского отряда при ОВД города Качканара – первый документ 19-летней Татьяны Лебедевой, обозначающий ее принадлежность к правоохранительным органам. Далее милицейская служба Татьяны и ее мужа Владимира Селезнева проходила в городе Лесном. Инспектор по делам несовершеннолетних, начальник кабинета профилактики, далее следственный отдел, штаб и, наконец, отделение организации деятельности участковых уполномоченных.

Сослуживцы о ней говорят:

– Возглавляя сугубо мужской коллектив, была и требовательным начальником, и заступником, и советчиком, и «жилеткой», и просто товарищем. Показатели ее отделения по раскрываемости преступлений всегда были выше, чем по Главку.

Около трех лет руководила она отделением. А уйдя в отставку, оставила в коллективе хорошую школу – «школу Селезневой».

Татьяна Селезнева, выйдя в отставку, была помощником мирового судьи в Лесном. Сейчас, уже более десяти лет, работает в Думе Качканарского городского округа.

Вот что говорит Татьяна Рудольфовна, подполковник милиции («как и мама») о своих родителях, общий стаж которых в правоохранительных органах – более 85 лет.

Жизнь – гражданский подвиг

– Нужно знать специфику этой службы, чтобы понять, что стоит за этой цифрой. Сколько бессонных ночей, сколько выходных дней и отпусков, проведенных на службе, сколько вызовов, ситуаций на грани срыва, сколько человеческих судеб! Зная милицейскую службу не понаслышке, могу сказать, что вся жизнь моих родителей – это гражданский подвиг. Жизнь на благо качканарцев, во имя спокойствия горожан. Служба в милиции была для них не работой, а образом жизни. В Качканарской милиции они стали единым целым, фундаментом коллектива, на котором выросли в профессионалов их соратники и ученики, разлетаясь по всей области, достигая еще больших вершин, чем их учителя.

Много лет назад на вопрос, что я хотела бы унаследовать от родителей, я ответила, что от отца хотела бы унаследовать умение слушать и слышать людей, быть дипломатом, а значит: наперекор чьему-то мнению твердо делать то, для чего ты предназначен; от мамы – терпение и трудолюбие, стойкость и выносливость. Именно эти качества помогли родителям и их коллегам создать один из лучших милицейских коллективов. Кстати, папа говорил, что главными для милиционера должны быть три качества: профессионализм, порядочность, простота. И коллектив всегда помнил эти «три П Лебедева». Об этом не забываю и я...

Так как же внучке Леночке не гордиться такой династией, которую она сама достойно продолжает в третьем поколении и тоже уже имеет медаль «За безупречную службу»!

Полицейские династии (их в Свердловской области более 500) – это гордость Главного управления внутренних дел. И недаром в 2013 году 27 самых первых династий были приглашены в Главное управление для вручения наград «Династии МВД России». Представителю каждого поколения вручали свой Знак отличия: золотой (зачинателям династии), смешанный (золото с серебром) – второму поколению и серебряный – третьему.

Лена испытывала гордость за дедушку и бабушку, получивши посмертно Золотой знак, и за родителей Татьяну Рудольфовну и Владимира Юрьевича Селезневых, которые получали знаки отличия, держа в руках портреты Рудольфа Павлиновича и Галины Ивановны Лебедевых. Елене Селезневой,

как представителю третьего поколения, вручили Серебряный знак. Она была горда.

А Татьяна Рудольфовна, получая награду, сказала:

– Это сейчас династиям – уважение и почет. А раньше это не приветствовалось и называлось семейственностью. Нам с мужем, чтобы не возникало никаких вопросов, даже пришлось переехать в Лесной. И мама уходила из милиции и полгода работала юристом в тресте «Качканаррудстрой». Но это была не ее стихия, поэтому мама написала обращение к министру внутренних дел, чтобы он разрешил ей вернуться в Качканарский отдел милиции.

Вот так. И «семейственность» продолжалась. Прекрасная, между прочим, семейственность. Ведь только в таких семьях вырастают настоящие полицейские, которые с самого детства видят, как опасна и трудна служба родителей, а вырастая, вполне осознанно выбирают их профессиональный путь.

Не сомневаюсь, что Елена Селезнева достигнет своей мечты и станет подполковником, как ее мама и бабушка. А ее сыновья вырастут и, быть может, выберут этот нелегкий путь и, преодолевая все трудности, пойдут к намеченной цели упорно, как шла когда-то бесстрашная девочка из Кировской области, их славная прабабушка Галина Ивановна Лебедева.

Разговор по душам

*Его ведет с читателями
Степан Иванович Питателев –
старейший «лукоморец» и самый старший
из ныне живущих в Качканаре ветеранов
Великой Отечественной войны.*

Моя первая встреча с этим человеком состоялась в начале 70-х в «Качканарском рабочем» – единственной тогда в городе газете. Он принес в редакцию свои стихи. Это были толстые, в крепких переплетах рукописные сборники, на обложках которых

значилось: «Том 1», «Том 2», «Том 3». Да, не с пустыми руками пришел Степан Иванович в литобъединение. Легкий на подъем, он приезжал на занятия из Валериановска, и нам приятно было общаться с ним, всегда бодрым, веселым, великим оптимистом. Конечно же, он мечтал о собственной книге. Мечта сбылась в 2004-м, когда нашему стихотворцу было 85 лет. Потом одна за другой вышли еще три книжки, такие же солнечные, с колосьями на обложке и с тем же названием **«Разговор по душам»**. Автор и впрямь ведет откровенный разговор о жизни, а лучше сказать – заново проживает свою жизнь, осмысливает ее с высоты прожитых лет, начиная с самого детства.

А его детство – это деревня Питателево Новолялинского района Свердловской области.

– И не зря она так зовется, – говорит Степан Иванович. – Шел как-то через те места военный отряд – поистрепались, оголодали и обессилели в дороге. А в деревушке, где пришлось остановиться, их обогрели и откормили. Отряд пошел дальше, и командир сказал: «Отныне эта деревня должна называться Питателева». Так и вышло.

Другая легенда гласит о человеке, поселившемся на тракте, по которому гнали в Сибирь осужденных. Этот человек подкармливал идущих по этапу и помогал беглым каторжникам. И прозвали его Питатель. Так и появилась Питателева деревня, в которой жили добрые, щедрые люди и почти все – по фамилии Питателевы.

Деревушка была невелика, дворов двадцать-тридцать. Природа там красивая, уральская. В округе три небольшие речушки: Лата, Крутая Лата (в каменистых крутых берегах) и Латушка. Все весело бежали в реку Лобву.

С Уральских гор берет начало
 Родная с детства мне река.
 На ней не строятся причалы,
 Не ходят катеры пока.
 Рекумы заперли в плотину,
 Чтоб воду сбросить в нужный час,
 Чтоб в сроки сплавить древесину –
 Осенне-зимний наш запас.
 Нам не страшна волна крутая,
 Она поможет снять затор.
 И бревна, на волне качаясь,
 Спешат умчаться на простор.
 Кипит задор, а волны круче.
 И в тихий, радужный закат
 Мы древесину лесосплава
 Сдадим сполна на комбинат.

Это стихотворение, написанное в 1966 году и отосланное в районную газету, было там напечатано – и Степан Питателев стал известен не только в своей деревне, но и в районе. С тех пор и началась его поэтическая биография. Но какая же биографии я без родителей? О них написано немало теплых стихотворных строк.

Иван Антонович и Алевтина Ивановна держали свое хозяйство, были добрыми, общительными, уважаемыми в деревне людьми. Иван Антонович хорошо играл на балалайке и знал много старинных песен, которые часто пели дружным семейным хором. У Питателевых было три сына и три дочери. Все рано научились работать на земле и любить её. «Моя земля, луга и пашни – дороже нет других земель», – говорит Степан Иванович в одном из стихотворений и горд тем, что эта земля – «России мать и колыбель». Он с детства видел, как преобразается земля. Вот в деревне появилось «чудо из чудес»

Первый трактор

Я помню с юности деревню
И тот ночной переполох,
Когда малец и старец древний
Бежали быстро, кто как мог.
Бежали мужики и бабы,
Бежали я и мой отец,
Бежали любопытства ради
Взглянуть на чудо из чудес.
А там, на Богословском тракте,
Грохочет и гудит земля:
Идет колесный новый трактор –
Такое позабыть нельзя.
И грохот гулко раздается,
Аж в окнах стекла дребезжат.
Народ, как на пожар, несется,
От страха все почти дрожат.
Уж ночь к концу, и звезды тают,
И брезжит розовый рассвет,
А бабий гвалт не утихает,
Как будто дома дела нет.
Крики и споры разгорались,
Уж появились «знатоки»,
К холодной стали прикасались
Рукой дрожащей мужики.
И тракторист дрожит... от храпа:
С дороги аппетитно спит,
Уверен: конь его от страха
Не вздрогнет и не убежит...
А после не одну неделю
Все вспоминали мужики,
Как ночью прыгали с постели,
Забыв штаны и башмаки.

Земля взрастила и воспитала Степана Питателева. В родном краю всё ему было близко и дорого, всё радовало его душу.

Я видел, как зреют поля.,

Как ярко сверкают зарницы.

Еще не проснулась земля,

А в поле уж шепчет пшеница.

С детства ему были понятны шепот зреющих хлебов и шелест молодой листвы, звон весеннего ручья и пение птиц. И никогда не думал он, что над его землей, над его страной будут полыхать не зарницы, а пламя войны.

Горело всё: цветы и клены,

Былинки не было живой.

Вокруг кустарник обожженный

Шуршал обугленной листвой.

Направо глянешь – даль степная,

Пшеница гибнет на корню.

Налево – нет конца и края

Просторам, отданным огню.

И встал Степан в солдатский строй, вместе с другими сынами Отчизны пошел спасать свое русское поле.

В армию он уходил из родной деревни в 1939 году, еще до войны. Сначала Челябинская область: Троицк. Чебаркуль, артиллерийский полк №389.

А в 1941-м – уже Белоруссия. Вот он, молодой Степан с друзьями на старой фотокарточке. На обороте написано: «БССР, Вилейская область, в/ч 2371. Фотографировался 2 мая 1941 г. Выслан 20 июня 1941 г.» Последний довоенный снимок.

А 22 июня их подняли по тревоге.

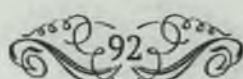
Нам выпало первым на Брестской земле

Стоять в сорок первом в котельном огне.

Всем было по двадцать: старшинам, бойцам.

Умели сражаться, назло всем врагам.

Свинцовые вихри – как дождик косил,

Но души стальные свинец не пробил.

Мы насмерть стояли в жестоком бою:

Стоять присягали за землю свою.

И шквалы огня не сломили бойца:

Знать, люди – из сплава, из кремня – сердца.

И шел он с этими бойцами-храбрецами по дорогам войны и, конечно же, не думал о стихах, даже не предполагал, что когда-нибудь весь его жизненный путь протянется по чистым бумажным листкам лирическими тропками-строчками, простыми, далекими от совершенства, но такими искренними и понятными. Не думал, что расскажет своим землякам о защитниках Родины и тяжелых фронтовых буднях, о солдатской дружбе и сестрах милосердия на полях сражений, об отважной русской душе. Не до стихов тогда было. Был враг, которого надо прогнать с родной земли; с потерями, смертями и ранениями – но надо идти вперед.

Первое ранение Степан получил при переправе через Днепр, во время бомбежки. До сих пор напоминает об этом осколок в ноге. Один вышел в семидесятых годах, а этот, упрямый, всё сидит и болит. После ранения были госпитали в Вязьме и Москве. Вот несколько строк из стихотворения «**На переправе**», адресованного фронтовому другу.

На рассвете уречки

Жесточайший был бой.

Нет ни хат, ни крылечка –

Только печи с трубой.

Ты ушел, не прощаясь,

Догонять свой отряд.

Я побрел, спотыкаясь,

В тыловой медсанбат.

Я полгода валялся

На харчах тыловых

И опять возвращался

*На своих – на двоих.
И судьба нас швыряла
По дорогам страстей,
Повидали немало
Мы потерь и смертей.*

После госпиталя «дороги потерь и страстей» начались в Коломне, откуда три минометных дивизии отправились в Карелию, в этот край озер и болот. Служил там Степан Иванович долго, до полного освобождения Карелии и всего советского Заполярья в 1944 году. И не зря уже после войны он получил Знак, «Ветеран Карельского фронта». Непросто было воевать в суровых северных широтах. Но через много лет он напишет об этом с легким чувством юмора.

Белое море

*Не был я на Черном море –
Я на Белом загорал,
Эти белые просторы
От врага оберегал.
Я три года закалялся
На морозе, под дождем,
То сияньем любовался,
То боролся с комаром.
Эх, ты, северное море,
Я тебя оберегал...
Сколько радости и горя,
И друзей на Белом море
В жарких битвах потерял.*

Затем переформирование. Заменяли минометы и всю технику, погрузили и по железной дороге – на запад: Будапешт, Дунай. Славно сражался их гвардейский Александра Невского минометный полк АРГК.

– Артиллерийский резерв Главного Командования – вот что значат эти заглавные буквы, – говорит Степан Иванович. – Куда

скомандуют, туда и отправляемся воевать.

Они освобождали Чехословакию, Венгрию, Австрию. О тех событиях тоже немало стихотворений. Вот одно из них.

Балатон

Для гражданских людей

Балатон – пляж, лечение.

Для военных людей

Балатон – бой, сражение.

Сотни юных солдат

Головы здесь сложили,

До победного дня

Не дошли, не дожили.

Я, участник боев

Балатонской блокады,

По венгерской земле

Шел не ради награды.

Шел, Европу спасая...

Он, советский солдат, спасал Европу от фашизма. Победную весну Степан Питаталев встретил в Австрии, в пригороде Вены. Но еще до зимы 1945-го служил в автомобильном батальоне.

– Мы возили в Вену (там наши стояли) разные грузы. А дальше маршрут Вена – Киев: вывозили машинами из концлагерей наших людей. Что мы думали, что чувствовали – словами не передать, – рассказывает ветеран. – И вот, наконец, родная земля. Рязанский лес, большая землянка... Старших по возрасту демобилизовали, а нас, 1919-1920-го годов рождения, оставили служить еще на год.

Я шинель не снимал восемь лет.

Мы дружбою с ней дорожили.

И в зной, и в ненастье, и в дождик, и в снег

Мы горе и радость делили.

Она постарела изрядно, как я,

Не раз автоматом прошита.

*Но в трудный момент согревала меня,
Пусть даже дырява, как сито.*

А еще на дорогах войны его согревала мысль об отчем доме,
о родной деревне и скромной русской березке.

Березка

Для меня березка – часть России.

Есть она, и будет, и была.

Вот березку росы оросили,

И стоит она белым-бела.

Ты, моя березонька, поведай

Эту быль подснежникам весны,

Как ждала меня, ждала с Победой

Сорок с лишним месяцев с войны...

Сколько раз осколки били каску,

Но живым я вышел из огня.

Верил я не в присказку, не в сказку,

А в березку, ждавшую меня.

Снова уродного перекрестка

Я стою, взволнованный, с утра.

Вот она, заветная березка,

Теплый образ света и добра.

Через всю войну пронес солдат этот светлый образ, который помогал переносить все фронтовые невзгоды, придавал силы. В боях с фашизмом он защищал белую березу, ставшую для него символом Родины. С думой о березе-Родине возвращался он с победой домой. С победой и наградами: медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

Домой!

Я всю войну мечтал о доме,

В тоске своей минуты ждал...

И вот уселись мы в вагоны,

И паровоз солдат помчал.

Мелькали станции, вокзалы,
 И проплывали города.
 И как родимого встречала
 Меня родимая земля.
 И вот Свердловск, моя столица,
 Тагил, и Лобва, дом родной.
 А мне на месте не сидится,
 Смотрю в окно, как часовой.
 Любимая меня любила,
 Своей любовью сберегла,
 И встречи наши торопила,
 И с нетерпением ждала.
 Я долго шел тропой суровой,
 И утопал, и замерзал.
 Ко всем лишениям готовый,
 Я нашей встречи ожидал.
 Издалека дорожка вьется –
 И вот гремит победный май!
 Звонок знакомый раздаётся –
 Ты удвери! Меня встречай!

Домой Степан Иванович вернулся 1 июня 1946 года. Немало стихов написано о радости возвращения, о счастье мирной жизни, о любви к земле-труженице и, конечно, о любимой девушке Рае, которая, как и березка, умела ждать. Послевоенная жизнь, самые лучшие и плодотворные годы Степана Ивановича связаны с Валериановском. В этом поселке они с Раисой Андреевной строили свое семейное счастье, растили детей (три дочери и сын), работали. На их глазах, с их участием в уральской тайге рождался юный город, поднимался и креп комбинат.

Я помню день веселый мая.
 Был брошен клич на всю страну.
 Друзей и братьев призывали
 На штурм тайги, как на войну.

По зову Родины шли строем
 Шахтер, монтажник и солдат.
 Мы знали: будет в срок построен
 И Качканар, и комбинат.
 Летели дни, недели, годы –
 И покорили мы тайгу,
 Домов и комбината своды
 Стоят на Выйском берегу.

Это строчки из стихотворения «На стройке Качканара». Данной теме посвящено немало стихов: «По комсомольской путевке», «Рабочий поселок», «Большая руда», «Качканарец» и другие.

Степан Иванович гордится, что он качканарец, что верно служил горно-обогатительному комбинату, где стал ветераном труда.

Четверть века за руду сражался,
 Не жалея времени и сил.
 Снова, как на фронте, не сдавался,
 Чтобы комбинат мужал и жил.

Ветеран труда, ветеран войны Степан Питателев, как и все валериановцы, свято хранит память о погибших односельчанах. В праздники и будни приходят они к скромному мемориалу, где с бетонных плит глядят на них фамилии героев-земляков, а рядом – гранитный солдат.

Солдаты в гранитных шинелях застыли,
 Суровые лица с укором глядят.
 Своими телами Россию прикрыли,
 Свойны на посту часовыми стоят.

И Степан Иванович тоже ощущает себя на посту, считая своим долгом работать с подрастающим поколением. Не раз бывал он в валериановской и качканарских школах, в детском доме и Доме пионеров, рассказывал детям о войне, о подвиге народа.

Его часто можно видеть в Совете ветеранов, на торжественных митингах в День Победы и, конечно же, в клубе «Ветеран», который уже четверть века активно работает в поселке. В этом клубе «лукоморцы» вместе с валериановцами не раз отмечали юбилейные даты Степана Ивановича, а 2006 году – 40-летие его творческой деятельности. И мы не переставали удивляться жизнелюбию этого человека: он пел, танцевал, читал стихи, шутил. А в ноябре 2014-го в кафе «Престиж» был красивый праздник по поводу 95-летия С.И.Питателева. Его дети, внуки, правнуки, вся большая родня, друзья, городская администрация, Совет ветеранов комбината, «лукоморцы» – все тепло поздравляли его, завидовали душевной молодости юбиляра, желали крепкого здоровья.

Недавно Степан Иванович отдыхал в профилактории «Зеленый мыс». Когда он возвращался домой, и когда вместе с дочерью Валентиной (у которой сейчас живет) они вышли из лифта на седьмом этаже, то на стене рядом с их дверью, почти во всю ее высоту, увидели яркий рисунок: букет тюльпанов, георгиевская лента и слова «Спасибо за Победу!». Ветеран был растроган до слез.

Почти целый век прожил этот удивительный человек, вместе со страной преодолел все превратности судьбы – но не замутился его взгляд, и с оптимизмом смотрит ветеран в своё «прекрасное далёко». А иначе и быть не могло. Ведь его жизненный путь начинался «от чистого истока». От этих светлых, манящих за собой речек. От этой щедрой земли, которая питала его живительными соками. От родной деревни с говорящим названием Питателево; деревни, взрастившей-воспитавшей сынов и дочерей, которые достойно несут по жизни звание русского человека.

Девочка из Сталинграда

*Её до сих пор
преследует эхо войны*

На гору Качканар они поднимались со стороны Косьи. Подъем был нелегкий, крутой. Но вот вся крутизна позади. А здесь такой простор, такая ширь! Здесь все другое: и трава какая-то необычная; и цветы, каких не встретишь на равнине; и белый ажурный мох на камнях. Могучие деревья, послушные ветру, шепчутся между собой и о чем-то беседуют с птицами или начинают громко шуметь, качая вершинами. Лишь скалы-великаны гордо молчат, храня вековые тайны.

Нина Павловна дышала полной грудью и была довольна, что в свои семьдесят четыре она преодолела высоту и оказалась в этом «Берендеевом царстве», у подножья которого раскинулся молодой современный город. Она внимала запахам и звукам, любовалась открывшейся панорамой – и была счастлива. А ведь могло случиться, что всей этой красоты она никогда бы не увидела. От этой мысли становилось страшно: ведь в детстве она едва не лишилась зрения и слуха и даже возможности ходить. Она

глубоко вздохнула и внимательно смотрела вдаль. А ее мысленный взор уже пересек линию горизонта, преодолел Уральские горы, приволжские степи и оказался в ее родном городе, в ее детстве, там, где было действительно очень страшно.

Детство

Нина родилась в Сталинграде в середине декабря 1940 года. Их дом стоял на улице Горького, а во втором подъезде, на третьем этаже – их тридцать первая квартира. Была зима, приближался новый год, с которым, как всегда, люди связывали свои лучшие надежды. А через полгода все надежды рухнули. Но маленькая Ниночка об этом не знала. Шли месяцы, складывались в годы – девочка подрастала, а ее советскую землю топтал фашистский кованый сапог. Об этом малышка тоже не знала. К тому времени, как девочка стала сознавать себя на свете, она увидела не квартиру, в которой родилась, а какую-то большую яму-блиндаж, где жили и прятались они с мамой и другие люди.

Когда я спрашиваю Нину Павловну о первых детских воспоминаниях, она говорит о люльке, старой полотняной люльке. Неизвестно, скольким поколениям она служила, пока не стала колыбелью для Ниночки. И не выдержало однажды дряхлое полотно – и малышка полетела вниз.

– Не знаю, бабушка или кто-то из взрослых успел подхватить меня, но этот ужас падения остался во мне надолго. А еще помню мамину грудь, потную, с неприятным запахом. Я хочу есть, мама дает мне грудь, а я отворачиваюсь, не беру – мама сердится, огорчается.

Однажды в их блиндаж зашел полицай. Постоял, осмотрелся.

– А куда все подевались? Где женщины? – подошел к Нине, улыбнулся, подал ей кусочек сахара: – Девочка, где твоя мама? Куда она ушла?

– Туда, – сказала Нина и показала в сторону высоких

камышей, где часто прятались женщины, опасаясь быть угнанными в Германию.

– Вот так я, двухлетний несмышлениш, предала свою маму, – с грустью говорит Нина Павловна. – Камыши в поймах Волги были высокие. Позднее немцы подожгли их – и полыхало большое зарево... Дважды предавала я свою маму. И просто чудо, что ее не угнали в фашистское рабство.

Мрачный, сотрясаемый взрывами блиндаж; девочка – полуголодная и напуганная. Но рядом мама. Это и впрямь было чудо.

Из авиационного патрона и фитиля был сооружен светильник, который временами освещал блиндаж. Однажды во время бомбежки светильник от взрывной волны упал – и огненный бензин потёк по ящичку, который служил столом. Потёк – и прямо на голую правую ножку Нины. Малышка громко кричала, а взрослые в темноте подумали, что она кричит от испуга. Илишь когда бомбежка закончилась и ребенка вынесли на свет – увидели, что мясо на ножке сторело до кости. А девочка была уже в шоке.

– Я не помню, что со мною тогда делали, как спасали. Да и как спасать, как лечить, когда идет война и гибнут люди? Проще ампутировать. Знаю, что ногу хотели отнять, это было страшно для меня и для мамы. Долго лечили сами, как могли. Помню капустный лист, такой приятный, прохладный... Это было в сорок втором, но до сих пор на сгибе стопы глубокий шрам, кожа там тонкая. Если нечаянно ударю или порежу, то очень больно и долго не заживает. Память о войне...

Ах, если бы эта память оставалась только на теле. А сколько покалечено детских душ! Сколько жизней и здоровья унесли одни только бомбежки. Нина Павловна до сих пор слышит устрашающий вой, который часто предшествовал бомбежкам. Немцы сбрасывали с самолетов пустые продырявленные бочки, и те при падении издавали этот страшный продолжительный вой.

Затем бомбежка – и все летит в воздух.

– Этот вой преследовал меня до пятнадцати лет, – рассказывает Нина Павловна. – А во сне за мной гналась огненная змея, каждую ночь один и тот же сон. Я боялась спать и рассказать об этом маме. Оказалось, и у других ребят такие же ночные кошмары. Впоследствии нас долго лечили.

Вот так, с физической и душевной болью, подрастали Нина и ее маленькие земляки. Бомбежки и смерть людей, постоянный страх, голод и холод, грязь и кровь – весь окружающий ужас они воспринимали как некую данность, которая навсегда. Они были еще слишком малы и не знали, что бывает другая жизнь. Но и в этой жизни они находили свои детские радости.

В 1944-м немцы откатились далеко от Волги, небо над Сталинградом стало спокойным и чистым. Ребятишки собирались стайками и играли, не опасаясь взрывов. Летом они собирали землянику. А осенью ходили в овраги-буераки, где росли яблоньки-дички, чьи мелкие плоды были лучшим лакомством. Однажды увидели, что один мальчик присел и пытается вытащить из земли что-то железное, ржавое.

– Не трогай, уходи! – предостерегают его старшие ребята. А он уже вытащил эту круглую железяку. – Бросай, бросай ее в овраг и убегай! Убегайте все! Ложитесь!.. Он швырнул – раздался взрыв, мы все попадали, и нас присыпало землей, – рассказывает Нина Павловна. – Это оказалась мина. Их много оставили отступающие фашисты...

Между тем война шла к концу. От Сталинграда до Берлина прошел папа, Дьяченко Павел Иванович, и с победой вернулся домой. Родился маленький братик. Но папа из семьи ушел, оставив жену с проблемами, с разочарованием. Сам из многодетной семьи, в девять лет оставшийся сиротой – как он мог бросить своих детей? Не укладывалось такое в голове жены. А дети слабенькие, больные...

– В 1945 году на меня напала золотуха, – вспоминает Нина

Павловна. – Вся я была в коростах, голова, лицо и даже глаза в коростах. Даже глаза. До шести лет я ничего не видела. Говорили, что могу остаться незрячей. Страшно даже сейчас, когда вспоминаю об этом. Но, слава Богу, вижу.

Много еще пришлось ей увидеть и пережить в первые послевоенные годы. Вот она видит, как они идут по узкоколейной железной дороге. На руках у мамы маленький Славик, Нина держится за мамину руку. Идут. А навстречу поезд. Но не сворачивает мама – шагает и шагает, словно не видит паровоза, не слышит его длинных гудков. Не могла тогда понять Нина, что мамой двигало отчаяние, бессилие и безнадежность.

А старый машинист понял – и остановил состав.

– Он привел нас в какую-то каморку, где мы стали жить. Мама пошла работать на шахту, банщицей. Из того времени запомнились картофельные очистки как основная наша пища и хлеб как великий деликатес, продаваемый по карточкам.

И вот однажды взяла Нина карточки и пошла за хлебом. К окошечку, из которого его продавали, длинная-предлинная очередь. Зима, очень холодно. А Нина в резиновых сапогах. Долго и терпеливо стояла она в очереди – и сапоги примерзли к ногам. Словно холодным острием врезались в икры..

– Сначала чувствовала, что ноги мерзнут, а потом уже ничего не чувствовала. И, видимо, потеряла сознание... Очнулась на какой-то кушетке. Мужчина в белом халате говорит: «Потерпи, не смотри сюда. Смотри в потолок». А медсестра подошла поближе, откинула полу халата повыше, чтобы загородить меня: «Вот видишь, какой халат я себе пошила». Я терпела. Особенно больно было обожженной ноге. Забинтовали ноги, и лежала я неделю.

Что делать? Ниночка больная, матери не помощница, а той работать надо, а на руках маленький братик. И отец забрал дочку к себе. Но, как только девочка встала на ноги, мачеха тут же ее выпроводила.

И опять с мамой, да на новом месте. Комнатка побольше и потеплей, а главное – с окном. Оказывается, какое это счастье, когда есть окно! Это вам не блиндаж и не темная каморка! Видишь свет, видишь солнышко – какая радость!

Радость оказалась недолгой. Заболели мама и братик – и Нина снова жила у отца. Тот, шофер, в долгих поездках. А мачеха наденет на девочку тонкий платок и выставит ее на улицу, сама уйдет на работу. И мерзнет Нина целыми днями. Иногда спасала соседка: «Иди ко мне. Она не скоро придет». Но морозные «процедуры» не прошли даром: Нина простыла и оглохла. А мачеха ее не лечила.

И, когда Нина вернулась к маме, та не сразу поняла, что дочка не слышит, и очень сердилась, видя, что она не реагирует на ее слова. И снова длительное домашнее лечение. Спасибо мамочке-страдалице! Спасибо бабушке-хлопотунье!

Долгое время Нина жила у бабушки в селе Николовка под Сталинградом.

В мае 1946-го готовились ко Дню Победы. Около сельсовета собрались фронтовики, вдовы, много людей.

– А мы пошли за тюльпанами, чтобы принести их к празднику, – вспоминает Нина Павловна. – Все поле, где недавно шли бои, усыпано тюльпанами. Огромные, красные. Только красные. Видимо, земля напоминала, сколько здесь пролито крови. Разбитая техника, какое-то военное оборудование, куски железа разной формы, осколки – и тюльпаны, много красных тюльпанов... Мы подошли к какой-то куче, не куча, а целая гора, покрытая травой и дерном. А из нее выставляется рука.

«А почему пальчик такой тонкий?» – только и успела спросить я, когда кто-то из старших ребят закричал: «Волки! Волки! Бежим скорее домой!» И мы рванули, забыв про тюльпаны. Старшие придумали этих «волков», чтобы нас, малышню, отвлечь от горы трупов, которые еще не успели убрать с поля недавней брани.

А еще она вспоминает Волгу весной, во время ледохода. Ребятишки любили наблюдать с высокого берега, как оживает река, как большие льдины, громоздясь друг на друга, плывут все дальше и дальше. Нередко на льдинах чернели трупы.

– Это кто там плывет? – спрашивали детишки.

– Да вроде на собачку походит, – отвечали взрослые. – А может, лисичка. Вот поднесет льдину поближе к берегу – и лисичка спасется.

Несмышлениши верили, а которые постарше уже всё понимали. Ах, если бы могучая Волга смыла и унесла с собой все их тревоги и страхи, всю эту ужасную войну, которая никак не покидала детские души.

В селе Николовка Нина Дьяченко пошла в первый класс. Школа – большая натянутая палатка без окон. Грубые, нестроганые доски, прибитые к вкопанным в землю столбикам, – это парты. Школьники – пятнадцать мальчиков и девочек разного возраста, от первого до пятого класса. В этой школе-палатке учились до ноября. Стало очень холодно – и переселились в наскоро построенный деревянный дом с печкой-буржуйкой. Хорошо! Окна дают свет, печка – тепло. Но в январе чернила все-таки замерзали.

– А летом нас лечили. Вывозили в лагерь, где очень нравилось. Платице, панамка – первая нормальная одежда. У всех единая форма, все острижены наголо. Надо было избавляться от грязи, вшей и болезней. Я впервые увидела, что такое чистая постель. Боялась лечь на белую простыню. И всю ночь плохо спала. С нами работали врачи и психологи. Проводили длительные беседы. Наверное, для того, чтобы дети, онемевшие от страха, снова научились говорить.

Вот так, то с мамой, то с папой или бабушкой, подрастала-взрослела моя сталинградская героиня.

Юность

– А исполнилось шестнадцать лет, получила я паспорт – и ушла на свои хлеба. Уехала в Таганрог, поступила в техническое училище при комбайновом заводе. На заводе мы делали картер руля для комбайнов.

Было непросто. Но училась девушка с желанием, интересом. Освоила все станки: токарный, фрезерный, сверлильный, шлифовальный. И тут ей помогло упорство, которого раньше Нина в себе не замечала.

Здесь же, в Таганроге, пришла в ДОСААФ. В этом добровольном обществе содействия армии, авиации и флоту она занялась парашютным спортом. Тоже с желанием, интересом и упорством. В первый сезон Нина выполнила 55 прыжков, а всего с 1959-го по 1963 год – 837. Зимние и летние, водные и ночные – разные были прыжки. Но особенно сложные – скоростные: когда самолет не сбрасывает скорость, и нужно прыгать на полном ходу.

– Два раза попадала я в штопор. Это опасно. Тут главное – не растеряться, потому что сложиться, остановить раскрутку и

выйти из штопора очень трудно. Справилась. Наверное, потому, что наша команда по сложности подготовки была самая трудная. Оказывается, так готовили дублеров для полетов в космос. Но об этом мы узнали только через 25 лет, на юбилее нашего начальника лётной службы. И стало понятно, почему на всех соревнованиях мы видели Валентину Терешкову. А выступали мы за Ростовскую область.

И вот однажды (это было в 1962 году) они возвращались на парусниках из Ейска, где участвовали в праздновании Дня Военно-Воздушного Флота. На паруснике вся команда: семь мужчин и одна девушка, Нина. Плыли через Таганрогский залив. А ночью начался шторм – и их унесло а открытое море. Парусник болтало, как щепку, и общими усилиями они с трудом удерживали его на плаву. Но стихия оказалась сильнее – парусник перевернулся вверх килем. Поплыли шахматы, аккордеон, спасательные круги и прочее – все поглотила морская пучина. Хорошо, что команда успела связать четыре весла, чтобы держаться за них всем вместе.

– Трое суток болтались мы в Азовском море. Сотовых телефонов тогда не было, связь потеряна. Мы обессилены, избиты волнами и дождем (вода бьет очень больно!). Держались изо всех сил, чтобы не погибнуть. Узнали, что такое девятый вал. Особенно страшно ночью, в кромешной темноте. Старший в команде Юра, жгучий брюнет-армянин, поседел на глазах. Нас искали долго. Но через три дня все-таки выловили. С самолета увидели и послали спасательный катер. Родители прорвались в порт, сметая все на своем пути. Мы живые. Но какие! К избитому телу больно прикоснуться. Лица, исхлестанные водой и сожженные солнцем, – сплошная рана. Думала, что навсегда останусь корявой и конопатой... Да и ногам моим (трое суток в воде) проблем добавилось. Долго лечились в больнице. О нас тогда писала «Таганрогская правда», и мы надолго стали героями.

Качканар

А дальше Нину, мастера парашютного спорта, отобрали в Саранскую лётную школу. Но она уже была замужем – и пришлось делать выбор. Нина выбрала семью. Поступила на вечернее отделение Таганрогского пединститута. Но учебе и работе стали мешать ее проблемные ноги. Долго лечили, не могли определить причину, пока один профессор не посоветовал сменить климат, жить там, где не жарко.

И вот позади три курса педагогического института, Московский техникум народного хозяйства, хорошая практика товароведа промышленных товаров. А когда мужу, специалисту по холодильным установкам, предложили направление в Нижнекамск, Оленегорск или Качканар – они выбрали Урал, который жил в детских мечтах Нины, как загадочный Бажовский сказ.

С 1970 года Нина Павловна в Качканаре. Много лет отдала торговле, заочно окончила УрГУ, получила высшее педагогическое образование, занималась профориентацией школьников, работала в торговом училище №21, в ППТУ №87 и

КЦО «Урал». В 1972-74 годах готовила призывников-десантников: теоретически – при военкомате и практически – в Нижнем Тагиле, где ребята, прежде чем идти в армию, делали по три прыжка с парашютами.

Сейчас Нина Павловна Воронкова работает в радиотехникуме им. Попова преподавателем спецдисциплин по предпринимательству. Она любит свою работу, любит ребят, которых учит не только специальным предметам, но и литературе, часто рассказывает им о нашей стране, о том, где она побывала и чего повидала.

А повидала немало. С 1957 года Нина Павловна путешествует, имеет разряд по туризму, не раз бывала в Крыму и на Кавказе. Сейчас с интересом изучает Урал: Аркаим в Челябинской области; Кунгур и Каменный город в Пермском крае; Бажовские места Свердловской области. Когда в Мурзинке группу туристов встретили хлебом-солью живые, в сказочных костюмах Данила-мастер и Медной горы Хозяйка да повели их в кладовые Хозяйки – Нина Павловна была в восторге от встречи со своей детской мечтой. Поселок Висим с Маминым-Сибиряком и зоофермой, поселок Ис с работающей драгой и многое другое влечет ее не ради созерцательного знакомства – Воронковой хочется все знать, докопаться до исторических корней. Недавно она совершила поездку в Египет – вернулась в полном восторге от этой древней земли, где ей хочется побывать снова: не всё, говорит, успела увидеть.

– Три года назад побывала я в Волгограде, – говорит Нина Павловна. – С трудом нашла нашу улицу. На месте, где стоял наш дом, теперь огромный торговый центр. Изучаю историю села Николовка. Все изменилось. Новое село, новый город на Волге... А совсем недавно я побывала на моей малой родине вместе с внучкой Я водила ее по местам моего детства и ничего не узнавала. Вот тут где-то была наша палаточная школа, а теперь здесь высятся двенадцатизэтажки. Красивый город с новым

именем. Его героическое прошлое хранят памятные места и краеведческий музей, где ярко показана панорама битвы за Сталинград. Пробитые пулями каски советских и немецких солдат, шинели и мундиры, бинокли, письма с фронта и другие экспонаты музея снова вернули меня в детство. Я думала о тысячах солдат, которые лежат в этой земле. Вечная память им, погибшим во имя жизни! Пусть же моя внучка и все наши дети не узнают ужасов войны. Пускай бережет их Родина-мать, чья величественная фигура возвышается над Волгоградом!

Далеко уже то время и тот город, где под страшный аккомпанемент войны начиналась жизнь маленькой Ниночки Дьяченко. Но эхо... А эхо не смолкает, катится и катится уже восьмой десяток лет.

– До сих пор боюсь громких звуков, – признается моя собеседница. – Люблю тишину. Боюсь открытого пространства. Иногда иду по Качканару – и вдруг хочется спрятаться под крышу, словно небо угрожает, как в детстве.

Она любит Качканар, этот юный город, построенный после войны. Она любит эти горы, куда влечет ее туристский задор. Вот стоит она на вершине, а мысленный взор уносит ее за Урал, за Волгу – на запад. А там снова беспокойно. В пожаре страшной и непонятной войны сгорели украинские города и села, погибли невинные дети.

И болью сжимается сердце сталинградской девочки.

2015 год

Неразорвавшийся снаряд

У Юрия Воронова, поэта, пережившего блокаду Ленинграда, есть такие строки:

*Блокады нет. Уже давно напрасно
Напоминает надписью стена
О том, что наиболее опасна
При артобстреле эта сторона.
Обстрел покоя больше не нарушит,
Сирены по ночам не голоса...
Блокады нет.
Но след блокадный в душах
Как тот неразорвавшийся снаряд.*

Он может никогда не разорваться,
 О нем на время можно позабыть.
 Но он – в тебе. И нет для ленинградцев
 Сапера, чтоб снаряд тот разрядить.

Эти строки относит к себе и Ада Степановна Кокшарова – дочь Степана Алексеевича Иванова.

Он, уроженец Ленинграда, был кадровым офицером, участвовал в финской войне, а в годы Великой Отечественной защищал блокадный Ленинград. Он храбро сражался на фронте, несколько раз был ранен, слал письма семье, которая была эвакуирована на Урал. Письма отца Ада Степановна бережно хранит и по сей день.

Из последнего письма родные узнали, что баян, с которым Степан Алексеевич шел по дорогам войны, он подарил солдату и отправился со своим батальоном освобождать от фашистов Прибалтику. Там и погиб. В похоронном извещении от 9 августа 1944 года сказано, что «командир стрелкового батальона майор Иванов Степан Алексеевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был ранен и умер от ран 1 августа 1944 года. Похоронен с воздаянием воинских почестей на кладбище Валковского уезда Латвийской ССР, индивидуальная могила № 1». Это извещение сразило семью, как тот снаряд, который унес жизнь майора Иванова.

Прошли годы. Выросли сын и дочь майора Иванова. Пять лет, с 1957-го по 1962-й, Ада Степановна с мужем Николаем Кокшаровым отдали строительству Качканара. Потом в их жизни были Север, Якутия и снова Качканар. Мечтавшая стать учителем, Ада окончила педагогическое училище и более сорока лет отдала работе с дошколятами. Но где бы она ни была, что бы ни делала – всегда хранила светлую память о родителях, об их трудовом и боевом подвиге.

Она любила военные песни и радиопередачи о поиске пропавших без вести солдат, а также неизвестных могил и захоронений. Тогда этот поиск шел очень активно. И однажды она тоже обратилась на Всесоюзное радио, чтобы уточнить, сохранилась ли индивидуальная могила №1, где был похоронен ее отец и за которой долгие годы ухаживал его брат, тоже фронтовик Николай Иванов, переехавший позднее в республику Коми. Юные следопыты сообщили ей, что могилы №1 уже нет, что ее отец перезахоронен. И тогда Ада Степановна обратилась в военный комиссариат города Валка Латвийской ССР, откуда в 1944 году пришло похоронное извещение. И в марте 1980 года получила ответ. Полковник В.Сорокин сообщал Аде, что ее отец перезахоронен на братском кладбище в Звартавском сельском Совете Валкского района.

С тех пор Ада Степановна знает, где похоронен ее героический отец. Но братское кладбище она видит только на фотокарточке, присланной полковником Сорокиным. А неразорвавшийся снаряд давит душу, путает мысли. Побывать бы на том кладбище, принести цветы, поклониться отцу и всем воинам.

Хотелось, очень хотелось побывать там в советские времена, а уж теперь в Латвию, эту независимую страну, где славят фашистов, попасть весьма проблематично.

И все же она посылает письмо в Латвию, в военкомат, и просит: если уж нельзя ей приехать, то хотя бы выслали фото, современный вид захоронения; ведь прошло так много лет.

– И пришел мне конверт с латвийскими знаками, а в нем мое письмо без ответа, – говорит Ада Степановна.

И снаряд в ее душе тревожно зашевелился, готовый взорваться в любую минуту.

– А однажды я услышала передачу, что существует поисковый отряд, который называется «Возвращение». С письмом обратилась в этот отряд. Надеялась и ждала.

И дождалась. Ей пришло сразу несколько документов.

В первом говорится, что на братском кладбище похоронено 914 воинов, погибших в 1944 году. На фотографии – стена с памятными плитами. На памятнике надпись:

*Вам слава, герои! И алое знамя
священною вашею кровью горит.
И шепчут березы вам вечную память,
и сердце народа ваш образ хранит.*

В документе описан подробный маршрут, каким можно от Риги добраться до воинского кладбища. И далее: «Состояние кладбища удовлетворительное. На кладбище устроен мемориал со стихами Юлия Петровича Ванагса на латышском и русском языках. Памятник нуждается в реставрации. В советское время шефами были Звартавский сельский Совет, колхоз «Гауя», Озолская восьмилетняя школа государства Латвия. Имя вашего отца занесено на одну из памятных плит.

*С уважением председатель ассоциации «Возвращение»
Е.Скуратова»*

Второй документ – это подробное описание последнего боя, который вел стрелковый батальон командира Иванова, защищая латышский народ от фашистов.

А третий документ приведем полностью.

*Приказ войскам 54-й армии
9 августа 1944 года, действующая армия.*

От имени Президиума Верховного Совета СССР

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество **НАГРАДИТЬ**

Орденом Александра Невского
майора Иванова Степана Алексеевича – командира стрелкового батальона. Умер от ран 1 августа 1944 г.

1906 г.р., член ВКП(б), в Красной Армии с 1933 года. Уроженец г. Ленинграда. Жена -Иванова Мария Васильевна.

Ада Степановна была благодарна ассоциации «Возвращение» за этот пакет с документами, который всколыхнул ее душу. Всколыхнул и поднял из самых тайников души давнюю мечту о Ленинграде. Невозможно поклониться могиле отца, так хотя бы побывать в городе, в котором он родился и который защищал в годы войны.

И Ада Степановны обращается в Качканарский городской совет ветеранов, затем в областной – долгими были ее старания, но оказались напрасными. Она понимала, конечно, что это непросто. Но неразорвавшийся снаряд не давал душе успокоиться. И женщина, дитя войны, решила обратиться в резиденцию президента Путина. В письме подробно рассказала о героическом папе, о маме, которая работала в блокадном Ленинграде, пока семью не эвакуировали в тыл; и, конечно, написала о своей заветной мечте. Не обольщалась, не тешила себя надеждой. Но однажды пришла весть, что есть надежда и есть даже спонсор, который поможет осуществить ее мечту. Этим спонсором оказался наш «Металлист» во главе с Гарифуллиным. И Ада Степановна с дочерью Еленой провели в Санкт-Петербурге чудесную майскую неделю.

Вот что рассказывает сама Ада Степановна.

– Ленинград встретил нас хорошей погодой. А еще нас встречал Игорь, бывший одноклассник Лены и ее хороший друг. Он, теперешний петербуржец, и был нашим гидом.

В одном из фронтовых писем отца был назван адрес: ул. Войнова, д.44, кв.11. Туда мы и отправились в первую очередь. Это здание старой постройки, на стенах мозаика; большой коридор, широкая винтовая лестница. В комнату войти нам не разрешили. Но мне было достаточно увидеть все это, прикоснуться к перилам, пройти по лестнице, по которой ходил папа, когда квартировал тут во время войны. Я сильно волновалась и не могла сдержать слез.

Побывали мы и на Черной речке, о которой я часто слышала в разговорах мамы.

На пересечении двух дорог: железной и шоссейной – мы увидели дот, в котором сохранилось все, как было и семьдесят лет назад. И табличка, подтверждающая, как мужественно сражалась эта долговре-

менная огневая точка, чтобы сохранить единственное железнодорожное сообщение от Ладоги до Ленинграда. И это тоже была дорога жизни, о чем напоминают белые столбики от дота до Ленинграда.

Два часа шли мы пешком по дороге, пока не увидели на лесной поляне памятник бойцам, погибшим в боях за Черную речку. Это тоже братский памятник. Посидели, положили хлеб как лучший цветок. Поклонились и ушли.

А 9 Мая с портретом отца мы пошли на демонстрацию. Впечатления трудно передать словами. Музыка, цветы и народ, народ... Как пробраться через это многолюдие? Но хочется отметить понимание ленинградцев. Стоило показать портрет отца – и перед нами расступались без всяких пререканий. Так мы смогли пройти и на Дворцовую площадь, куда без пропуска никто не мог пробиться. Площадь

ликовала, был всеобщий праздник со слезами на глазах. Душа моя наполнилась тем, чего я хотела все эти семьдесят лет.

Потом Пискаревское кладбище. Море цветов, море людей, каждый кланяется тому зеленому холму, тому году, в котором погиб и похоронен дорогой человек. А похоронены здесь воины и умершие в блокаду люди. Мы пришли к 1944 году, чтоб поклониться этой могиле. С краю на ней не было цветов. Не венки, не цветы – на могилу принесли хлеб: ленинградцы хорошо знают, как дорог во время блокады был каждый кусок.

У монументальной женской фигуры выступали школьники, читали стихи о войне, о погибших, о хлебе и пели песни. Было коллективное выступление, посвященное Тане Савичевой.

Мы долго сидели у могилы, где лежал хлеб, и вновь вспомнились мне стихи Юрия Воронова:

*Время – лекарь. И эту роль
Повторяет оно со всеми.
Но бывает людская боль,
Над которой не властно время...
Вот опять – через столько лет
Эта женщина в День Победы
Не венок, не цветы, а хлеб
Принесла на могилу деду.*

– Мы покидали Пискаревское кладбище, унося с собой эту всеобщую боль и священную память, – говорит моя собеседница.

В другие дни они с дочерью побывали в Петропавловской крепости, любовались Невой и кораблями; и просто гуляли по Ленинграду, восторгаясь его архитектурой, его мостами и каналами и идеальной чистотой этого города.

Не знаю, стала ли эта поездка, эта сбывшаяся мечта тем сапером, который разрядил неразорвавшийся снаряд в душе Ады Степановны. А может, и не надо нам его разряжать? Пусть он всегда будит наши мысли и чувства, нашу святую память и вдохновляет на добрые дела. Ведь не зря же Ада Степановна вот уже десять лет бывает в школах, рассказывает ребятам о своем отце, читает его письма, говорит о детях войны, о великом подвиге нашего народа в Великую Отечественную войну.

2015 год

«Папа, это – я!»

Чтобы сказать эти слова, 75-летняя дочь проехала тысячи километров на могилу отца, который при жизни не успел ее увидеть.

Павел Петрович Куваев и его жена Евдокия Егоровна жили в поселке Ново-Березовский, что под Свердловском, куда переехали из Камышловского района. Было у них две дочки: десятилетняя Александра и четырехлетняя Анфиса. Жили дружно. Папа работал мастером в шахте и начал строить новый дом.

Заканчивался 1939 год, в семье ждали пополнение. Но в середине декабря папу призвали в армию. Мама особенно не

тревожилась, думала, что просто на переподготовку: про финскую войну она не знала, да и Павлу было уже 34 года. Уехал. А в январе 1940 года Евдокия родила Аннушку. Вскоре получила письмо от мужа, правда, очень короткое: *«Идут бои. Пишу на березе. Сообщу, кто родился»*. И всё. Первое и последнее. Дальше была похоронка: *«Куваев Павел Петрович убит 4 марта 1940 года, пос. Калаярви, Финляндия»*.

– Мама очень страдала. Шли годы, а боль ее не уменьшалась, – говорит Анна Павловна Воронкина. – «Погиб на чужой сторонушке. Вы выросли, а съездить на могилку не можете», – упрекала нас мама. Она умерла в 82 года, так и не узнав, где похоронен ее муж. Нас тоже угнетала эта неизвестность. И я решила начать поиски.

Где ты, папа?

На это у Анны Павловны ушло два десятка лет. Писала в разные инстанции, но в 90-е годы это, видимо, было никому не нужно, и многие ее письма остались без ответа.

– И я решила написать в Финляндию. Обратилась в российское посольство в Хельсинки. Шло время, искали долго. И вдруг звонок из посольства. Так хорошо слышно, как будто собеседник рядом. Он говорит: «Вот ваше письмо, я занимаюсь этим. Но в списках убитых вашего отца нет. И такого захоронения тоже нет». Получается: всё оборвалось? Куда еще обратиться? Где искать?..

Анна Павловна всегда очень внимательно слушала радиопередачи «Одна на всех Победа», удивлялась и радовалась, как много могил и захоронений находят поисковые отряды. И решила она обратиться к Елене Большихиной, которая ведет эти передачи. Через какое-то время получила тоже неутешительный ответ: данных об ее отце нет. Опять идут годы. И вдруг Елена Большихина звонит:

– Ручку берите и пишите. Куваев Павел Петрович служил в 533 МСП 128 МСД.

– А это что? Что означают эти буквы?

– Не знаю. Ищите дальше.

Пошла Анна Павловна в военкомат, где ей расшифровали: мотострелковый полк и мотострелковая дивизия.

И с этими данными она делает запросы в Управление архивами Свердловской области и в Российский государственный военный архив. Из военного архива пришла более подробная архивная справка, в которой, в частности, говорится, что в «Поименной книге Памяти советских воинов, погибших, умерших и пропавших без вести в период советско-финляндской войны 1939-1940 г.г. значится младший командир 533-го мотострелкового полка 128-й мотострелковой дивизии Куваев Павел Петрович, 1905 года рождения. Призван Березовским РВК. Погиб в бою 4 марта 1940 года. Похоронен в братской могиле №1а в 12 километрах юго-западнее села Катаярви (Калаярви). Для дальнейшего установления места захоронения Куваева П.П. рекомендуем с копией нашей справки обратиться в Национальный архив Республики Карелия»

А из Российского Красного Креста написали: «По сообщению Финляндского Красного Креста, куда мы обращались по розыску Куваева Павла Петровича, 1905 г.р., установить место его захоронения не удалось. В Национальном архиве Финляндии сведений о Куваеве П.П. не имеется. Вероятно, его могила находится на территории РФ. По данному вопросу рекомендуем Вам обратиться в военный комиссариат Петрозаводска».

А по радио Анна Павловна узнала, что в Карелию едет поисковый отряд «Родина» из Кургана. И написала письмо главе города Кургана, поскольку адреса «Родины» не знала.

– Вот что значит человек не чиновник: и мне ответил, и ребятам из поискового отряда мое письмо передал, – говорит она.

Написала письмо и в военкомат Петрозаводска. После долгих ожиданий пришел ответ, что письмо рассмотрено и

передано в военкомат города Суоярви. В феврале 2015-го Анна Павловна уже знала, что 533-й мотострелковый полк вел бои вдоль железной дороги, и получила еще один адрес: Лоймольское сельское поселение, администрацию которого возглавляет Шимановская Елена Владимировна. Анна Павловна к ней: «Можно ли у вас побывать и как проехать?» В ответном письме Елена Владимировна подробно описала маршрут от Петрозаводска до Лоймалы, сообщила, что к 70-летию Победы мемориальный комплекс в Лоймале будет обновлен. А в телефонном разговоре сказала

– Только сейчас не вздумайте ехать: у нас всё завалено снегом.

А весной позвонила снова и сказала, что можно приехать.

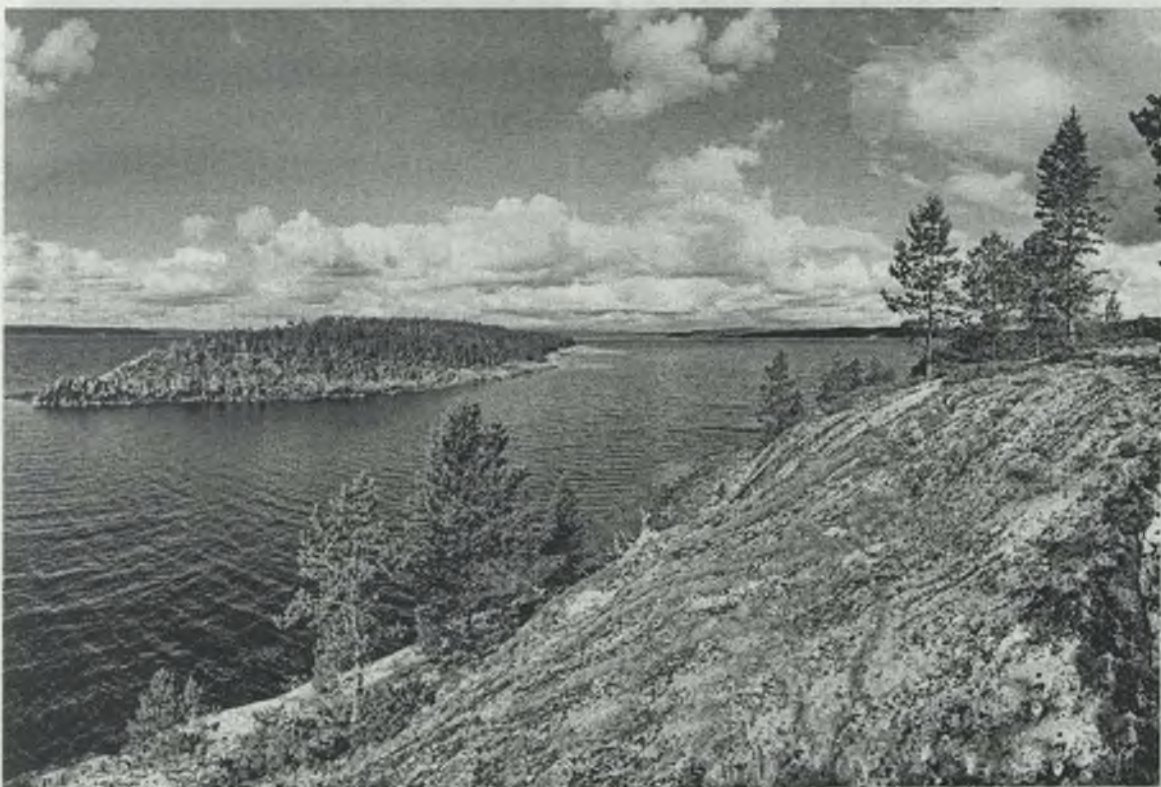
Папа, я еду!

– В Москве на всех вокзалах волонтеры. Встретили меня. А узнав, куда я еду да каков мой возраст, повели в медпункт – вежливо, но настойчиво. Там мне измерили пульс, давление, даже проверили кровь на сахар. Вроде успокоились. Посмотрели, сколько предстоит мне пересадок – проводили в комнату отдыха, предложили горячий чай. В билете время отправления посмотрели: «Не волнуйтесь, мы за вами в семь часов придем». Утром приходит девочка Леночка: «Пойдемте, вам нужно покушать. Сумку оставьте тут». Поднялись на второй этаж, в столовую. А когда вернулись обратно, мальчик подхватил мою сумку, и они с Леночкой проводили меня до вагона. Попрощались, пожелали мне удачной дороги.

Из Петрозаводска на автобусе доехала я до Суоярви. Села на такси – и сразу в военкомат. Но военкома не оказалось. Дежурная сказала: «Сумку оставьте здесь и поезжайте во Дворец культуры: военком там, на торжестве в честь Дня Победы». Это было 8 мая. Вызывают мне такси – и во Дворец. Волнуюсь и вроде бы робею. Но там меня встречают, как давно знакомую. Познакомилась с

военкомом и вместе со всеми посмотрела прекрасный сценарий. Перед зрителями прошли сцены довоенной жизни и выпускной бал. Потом начало войны – и мальчишки становятся солдатами. Потом почтальон и треугольные письма с фронта. А затем похоронки – слезы, горе. И вот Победа, салют! Столько сложных эмоций пережила я вместе с залом в течение двухчасового представления, подготовленного школьниками Суоярви! Насколько там патриотичны дети!

Гостиница в Суоярви более чем скромная. Но мне за половину стоимости выделили люкс со всеми удобствами: «Вы – наша гостья!» Я смогла принять душ и отдохнуть. А утром 9 мая звонит глава сельского поселения: «С прибытием! Будьте готовы, я за вами заеду в половине девятого. И она, Елена Шимановская, из поселка, где находится администрация, проехала 60 километров до Суоярви, чтобы познакомиться со мной лично. И мы поехали в Лоймалу, а это еще 40 километров.

А какая дорога! Ее строили финны 70 лет назад, но она до сих пор не требует ремонта. Едем. Справа – озёра, слева – болота. И между ними дорога. День хороший, солнечный, и сплошь – озёра. Впечатление – как в песне: «То ли небо в озёра упало, то ли озеро в небе плывет». Красота!..

А еще здесь сплошь захоронения и братские могилы. И все ухожены, за ними присматривают дети. Везде цветы. Видимо, здесь уделяют большое внимание патриотическому воспитанию. Денег в бюджете нет, а кругом порядок!

И чтут здесь солдат обеих войн. Вот памятник. Слева даты: 1939-1940, справа: 1941-1945.

Здравствуй, папа!

– В Лоймале торжественный митинг. У памятника почетный караул: дети сменяют друг друга. Возлагаются венки и цветы к мемориалу. Подводят меня к плите моего отца Кладу цветы, зажигаю свечу, сыплю горсть земли из Березовска. Здравствуй, папа! Это – я! Поклон тебе от земляков твоих! А еще я приехала в этот край, чтобы увидеть березы, на которых солдаты писали письма.

Выступая на митинге, я поблагодарила всех за организацию моей поездки. Прочитала стихи Людмилы Андреевой (она из качканарского литературного объединения «Лукоморье»):

Я родилась, когда ты бил врага,
 Когда снега вам души согревали.
 Ты не вернулся. Но прошли года –
 И Дни Победы без тебя встречали.
 Я этот день всю жизнь свою ждала,
 Чтоб прикоснуться к дорогой могиле,
 Сказать слезами, как тебя ждала,
 Как ты давал в нелегкой жизни силы.
 Мы память о тебе храним в сердцах.
 Ты, погибая, сохранял нам жизни.
 И не держал меня ты на руках.
 Зато сердцами вы спасли Отчизну!

Для музея я передала фото папы, где написано, что он погиб в бою за железную дорогу у пос. Лоймала. Привезла им также макет танка Т-34 и макет Храма на крови в Екатеринбурге. Повели меня в музей, поставили там мои экспонаты, сфотографировали меня.

А еще показали железную дорогу, за которую шли бои. Старая железнодорожная станция сохранилась. И колодец, который рыли финны. Весь он выложен таким материалом, который за долгие годы несколько не разрушился. Вода чистая-чистая.

Поехали в места других захоронений и братских могил. Председатель поисковых отрядов Карелии рассказал, как они работают, как находят останки под каждой

березой. Сколько захоронений! Сколько солдат погибло в этом озерно-болотистом краю!

Показали линию Маннергейма. Огромнейшие валуны на много километров. И на протяжении всей линии окопы и доты.

В гостиницу пришла – а там уже газетчики города Суоярви. Побеседовали, забрали они мое выступление. Расстались.

И вот что еще хочется сказать. Гостиница выходит на огромный мемориальный комплекс, где 9 Мая было торжество, долго гуляла молодежь. А ранним утром 10 мая у мемориала ни мусоринки, ни окурка, ни бутылки. Какая культура!

Я вышла из гостиницы. Мне предстоял обратный путь. До свидания, папа!

Обратно она возвращалась уже знакомой дорогой. И непривычные прежде названия карельских поселений теперь не удивляли. А Лоймала стала для Анны почти родной: здесь нашел вечный покой ее папа.

«Мамочка, это не чужая сторонushка, я побывала там, повстречалась с папой и поклонилась ему за всех», – думала Анна Павловна на обратном пути. Она ехала домой с просветленной душой и чувством исполненного долга.

Сердце, отданное детям

Долго думала, с чего начну рассказ о молодом учителе-логопедке качканарской коррекционной школы Екатерине Николаевне Филипповой. Решила начать с самого значительного периода в ее жизни – с декабря 2013 года.

3 декабря Катя успешно защитилась в Институте развития образования – и стала логопедом высшей категории. 5 декабря была участницей и героиней большого праздника в Свердловской филармонии, где по традиции чествовали Екатерину. А 18 декабря ей, победившей в конкурсе, вручили премию Губернатора Свердловской области. Конечно, мало звать Екатерину, чьи именины 7 декабря, – почести и признание надо заслужить.

– Нас было шестеро, – рассказывает Катя. – Все, кроме меня, из Екатеринбурга: заслуженная артистка ТюЗа, инженер Уралмашзавода с важным техническим изобретением,

заведующая детским садом, учитель, врач. Все такие скромные, все волнуются... Когда представляли меня, то назвали и педагогом, и медицинским работником. А владыка Викентий, вручая орден Великомученицы Екатерины, сказал: «Ведь вы не только учите детей, но еще и лечите их». Я была счастлива услышать эти слова. Ведь я начинала с медицины.

Начинала с медицины

Мама и бабушка Кати – педагоги, а она с детства мечтала стать врачом. В 1999 году окончила с отличием Свердловский областной медицинский колледж по специальности «Сестринское дело»: сестра, считает Катя, ближе к больному. Пять лет проработала медсестрой в центральной городской больнице. Работала тоже «с отличием»: помогали умные руки и доброе сердце Катерины. И, конечно, коллеги, которые видели ее старание и преданность делу. И когда в 2000 году проходил городской конкурс, посвященный Дню медицинского работника, то единодушно решили, что представлять гинекологическое отделение в этом конкурсе должна Екатерина. Она смущалась, робела, но выступила успешно и заняла второе место. А в 2003-м коллеги подвигли ее на участие в первом областном конкурсе «Милосердие», посвященном Международному Дню медицинской сестры. Катя очень боялась: ведь медсестра – профессия не для сцены. Но у нее оказалась сильная группа поддержки во главе с Татьяной Анатольевной Зелентиной – главной медсестрой ЦГБ. Вдохновила и Людмила Николаевна Андреева, которая из пациентки стационара с тех пор и навсегда стала ее творческим помощником.

– Спасибо им, что они толкнули меня на сцену. Я научилась чувствовать себя уверенно не только в больничной палате, но и перед большой публикой и поверила в свои силы, – говорит Катя.

Участие в конкурсах помогало ей расти профессионально – и однажды Екатерину Филиппову признали лучшей

медицинской сестрой Свердловской области.

– У меня выросли крылья за спиной, я поняла, что всё преодолимо.

Она самоотверженно работала и училась заочно в Уральском государственном педагогическом университете, который успешно окончила в 2005 году.

– И получилось, что «на пике славы» ты ушла из медицины?

– Нет, не ушла. Ведь в университете я получила квалификацию учителя-логопеда. Два в одном: и учить, и лечить... В палате новорожденных я видела деток с патологией. Очень их жаль! И им надо помочь.

Стала логопедом

И дрогнуло Катино сердце. Кстати, Екатерина (с греческого) – значит чистая, всегда чистая сердцем. И это сердце выбрало детей с двигательными, речевыми и другими проблемами в развитии.

Как логопед Екатерина Филиппова начинала в детском саду №30 «Журавлик», потом работала в детсаде №16 «Белочка». О трудностях и тонкостях работы знает только она. А я читаю благодарственное письмо от родительского комитета, который низко кланяется Кате «за профессионально чуткое отношение к нашим детям, за заботу и терпение в их воспитании». А вот благодарственное письмо Качканарского управления образования – «за большой вклад в педагогическое просвещение родителей и за активное участие в городской родительской конференции «Здоровый малыш». Она успешно защищает публичный доклад, участвует в выставке-галерее достижений работников педагогического труда – не перечислишь всего, что сделано за 2007-2009 годы, которые Екатерина считает счастливыми: она выросла как профессионал и получила общественное признание. А главное – уже не приходилось разрываться между работой и учебой в вузе и можно было

полностью отдаться детям.

И вдруг всё изменилось: начались массовые сокращения, многие люди потеряли работу. Стали сокращать и логопедические группы – и Катя оказалась на бирже труда.

– Самое страшное, – говорит она, – когда утром встаешь и никому не нужен. Предлагали только в дворники. Чтобы совсем не потерять себя, пошла уборщицей служебных помещений в «Чайке». Было больно.

Да, болело ее сердце, оторванное от детей, которым, несмотря ни на какие кризисы, нужна ежедневная помощь. Кате казалось, что она, как педагог, все забыла, что все потеряно...

И вдруг... Нет, конечно же, не вдруг, а по знакомству (благодаря светлой памяти мамы) Екатерину Филиппову приняли в коррекционную школу.

– Начинала с самых тяжелых, работала с ними на дому. Казалось, что это фильм ужасов: дети не двигались, не разговаривали, не могли обслуживать себя, не реагировали на учителя. Было очень трудно, и ничего у меня не получалось, – признается Катя.

Она расстраивалась, терялась, а сердце сжималось болью. Но оно же и придавало силы. А еще немецкий дефектолог Шуман, чьи слова для Кати как девиз: «Чем ниже уровень психического развития ребенка, тем выше должен быть уровень образованности педагога».

Признание

Она усиленно занялась самообразованием. Знакомилась с работой известных педагогов, дорабатывала их методики применительно к своим условиям. Посещала очные и заочные семинары и конференции, участвовала и побеждала во многих конкурсах. И занялась серьезной научно-исследовательской работой по проблеме речевых и двигательных расстройств у детей с ограниченными возможностями здоровья.

Теоретические исследования и практические результаты, полученные Екатериной Филипповой, обсуждались и получили одобрение на международных симпозиумах, образовательных форумах, научно-практических конференциях. Нашу Катю как педагога-новатора знают в Москве и Петербурге, Кирове и Самаре, Таганроге и Краснодаре, в Уфе и Калининграде, а также в Польше и Чехии, в Германии и Австрии, в Канаде и США. Грамоты, сертификаты, дипломы... А главное – пособия, изданные на основании ее исследований, оказывают практическую помощь другим логопедам. В сентябре 2013 года данная разработка прошла экспертизу – и Екатерина получила патент на педагогическое изобретение «Коррекционно-развивающая система формирования моторного праксиса».

Нет, не случайно декабрь 2013 года стал для Екатерины месяцем наград.

В том же 2013-м еще одна награда – национальная премия «Элита Российского образования»: Катя получила Диплом первой степени за лучшее научное исследование в области педагогики. «Профессионализм. Преданность профессии. Подвижничество. Созидание» – эти слова, написанные на Дипломе, четко отражают, во имя чего живет и трудится Екатерина Филиппова, награжденная тогда же золотой медалью Н.И. Пирогова.

Стала победителем

Новый, 2014 год – такой же плодотворный. Екатерина самоотверженно работает с детьми и продолжает учиться, участвует в конференциях, проводимых Центром научной мысли и издательством «Молодой ученый», пишет статьи.

Не знаю, можно ли назвать это вершиной, к которой стремилась наша Катерина. Но она не останавливается и принимает участие в V Всероссийском конкурсе «Учитель здоровья России-2014». Участвует и занимает первое место на региональном этапе этого конкурса.

Она в постоянном стремлении вперед – не ради наград и премий, а для самоутверждения и самовыражения, для новых знаний и опыта. Кстати, немалую часть губернаторской премии

Катя потратила на благотворительность, но афишировать это и «пиарить себя» не хочет. Соглашусь, но об одном все-таки расскажу. Молодой сельский учитель, чтобы пользоваться Интернетом, каждый раз ходил пешком из Верхнего Иса на Косью. Катерина подарила ему ноутбук.

Она в постоянном поиске не ради славы и наград, а ради детей, которых лечит и учит и у которых тоже учится – терпению, преодолению, умению радоваться. Ее воспитанники тоже участвуют в конкурсах рисунков, поделок, кроссвордов, социальной рекламы на уровне города, области, России и тоже становятся победителями, призерами, дипломантами. А главное – победителями своих недугов. И блестят их глаза, светлеют лица, раскрываются души.

На одной из грамот, врученных Кате, есть такие слова:

*Достучаться до каждого сердца
Тех, кого ты решился учить –
И откроется тайная дверца
К душам тех, кого смог полюбить.*

Она знает дорогу к детским душам. Она любит свою нелегкую работу. Любит детей, которым навсегда отдала свое чистое сердце.

Учитель здоровья России

Став победителем регионального этапа V Всероссийского конкурса «Учитель здоровья России- 2014», Екатерина Филиппова достойно представила Свердловскую область и на России.

Всероссийский конкурс «Учитель здоровья России» проводится с 2010 года, но Свердловская область решила заявить о себе только в 2013 году. Тогда учительница русского языка и литературы из Ирбита Ирина Анатольевна Наймушина стала абсолютным победителем.

– Скептики отговаривали меня: «Зря поедешь. Так не бывает, чтобы в каком-либо конкурсе два года подряд победу присуждали одному и тому же региону или участнику», – говорит Катя. – Доводы, конечно, убедительные.

– Но ты все-таки решилась?

– Знаете, я вспомнила Губернаторский конкурс. Члены жюри тогда сказали: «У вас такие хорошие, уже готовые материалы! А почему бы вам не поучаствовать в конкурсе «Учитель здоровья России»? Решайтесь!.. « Я сначала не придала значения этим словам, а потом стала морально готовиться. Вспомнила и владыку Викентия, который благословил меня, когда вручал медаль великомученицы Екатерины. Поддержала и вдохновила и Людмила Николаевна Андреева – мой постоянный творческий консультант.

Да, поддержка и помощь нужны всегда. Но в коррекционной школе, которая, казалось бы, должна гордиться, что у них есть такой учитель, – в коррекционной школе сказали: «Ты самовыдвиженка, и помогать тебе мы не обязаны». Не замечают почему-то педагога-новатора и в нашем управлении образования. А вот в Екатеринбурге думают иначе. Министерство образования Свердловской области и Институт развития образования, по достоинству оценившие нашу Екатерину, помогли ей подготовить все документы для отправки в Москву,

вдохновили конкурсантку, вселили веру в победу.

– Очень благодарна я Людмиле Вазгеновне Узловой из Института развития образования и Ирине Анатольевне Наймушиной, которая была экспертом моих работ на заочном этапе регионального конкурса. А еще я очень признательна Анне Павловне Черновской. Это бабушка моего воспитанника, выпускника нашей школы. Анна Павловна проводила меня до автовокзала, помогла нести тяжелые сумки с различными принадлежностями для участия в конкурсе. «Надо мной будут смеяться, если проиграю», – сказала я. – «Не дай им такого шанса», – поддержала меня Анна Павловна. – Все будет хорошо!»

И отправилась Екатерина в Екатеринбург, а дальше поездом – в Саранск. Обычно на конкурсы ездят целыми делегациями, с группами поддержки. Катя ехала одна... Но в дороге она неожиданно обрела «группу поддержки». Это были ее попутчики в купейном вагоне. Случайные, совершенно незнакомые люди, узнав, куда Катя направляется, искренне порадовались за нее и пожелали достойно представить наш Урал на российских соревнованиях.

В Саранске

И вот Саранск. Мордовский государственный педагогический университет, на базе которого и проходили конкурсные испытания с 3 по 5 декабря.

Первый день. С утра – установочный семинар. Ах, как много участников! От Калининграда и Карелии до Хакасии и Ямало-Ненецкого национального округа – около 50 конкурсантов. Разве можно всех победить? Замирает сердце, теряется уверенность. Волнуется, конечно, не одна Катерина. Но руководители семинара так тепло и хорошо рассказывают аудитории о каждом участнике, что на душе становится спокойней. А вечером того же дня – творческая презентация «Я – учитель здоровья».

– Участвовали двадцать два учителя физкультуры, тренеры,

преподаватели информатики, химии, иностранного языка, учителя начальных классов, был даже технолог по приготовлению пищи. Были два логопеда и два психолога, – рассказывает Екатерина.

А из коррекционной школы – она одна, единственная. Да и практика показала, что представители подобных школ не достигают больших высот в данном конкурсе. И Катя волновалась.

– По жеребьевке я была пятой. В жюри – профессора, доценты, кандидаты наук из Москвы и регионов России. За семь минут, отведенных на презентацию, надо доказать, что ты – учитель здоровья. Я начала со стихов (спасибо Людмиле Николаевне!), которые растрогали слушателей до слез, до бурных аплодисментов. Я боялась, что эти аплодисменты отнимут время – и я не уложусь в регламент. Но все прошло хорошо. Я наглядно показала, что моя работа – это кропотливый совместный труд с детьми, благодаря которым и появилась у меня «Комплексная система, направленная на коррекцию речевых и двигательных нарушений, на личностное развитие ребенка и укрепление психофизического, эмоционального, социального и соматического здоровья». Закончилась моя презентация опять аплодисментами и низким поклоном от всех членов жюри.

Катя с волнением вспоминает эти минуты и с восторгом говорит о Саранске. Участников конкурса познакомили со столицей Мордовии и со школами, где им предстояло показать открытые уроки. Екатерине Филипповой по жребию выпал лицей №26. Его директор Юрий Петрович Митрофанов – заслуженный работник образования Мордовии.

– Он напомнил мне лучших советских педагогов: Сухомлинского, Шацкого, Амонашвили, – говорит Екатерина. – Он ценит традиции советской школы и Царскосельского лицея. Здесь есть кадеты и лицеисты, есть класс благородных девиц; на переменах звучат мелодии и песни советского времени. Здесь

созданы все условия, способствующие становлению ученика как личности творческой, гуманной, как гражданина, патриота, труженика. «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» – эти слова Пушкина являются девизом лица №26. И мне посчастливилось провести урок в этом учебном заведении.

Открытый урок Екатерины Николаевны во 2-а классе получил высокую оценку жюри. Это было во второй день. Тогда же прошел форум «Здоровьесберегающее образование: опыт, проблемы, перспективы развития». А вечером огласили результаты первого тура: десять участников стали лауреатами конкурса.

– Для всех остальных – экскурсия по городу, а для лауреатов – новое испытание, – говорит Катя.

Это была творческая импровизация на тему «Культура здоровья». Каждому давалась одна фраза, например: «От улыбки станет всем светлей», «Чтобы тело и душа были молоды»...

– А мне – «Не стреляйте в белых лебедей». По жеребьевке я оказалась первой. На подготовку давалось двадцать минут. За это время я собралась с мыслями и даже успела позвонить Людмиле Николаевне Андреевой, которая дала мне несколько стихотворных строк и, конечно, вдохновила. А импровизация зависела только от меня. И всё получилось.

Главная награда

Катерина была счастлива, потому что видела, как за нее радуются не только члены жюри, но и участники конкурса. «Девочка из Качканара!», «Девочка из Качканара – лучше всех!» – только и слышалось в разговорах.

Это подтвердилось и на церемонии награждения. Лауреатам конкурса вручили Кубки. А Екатерине Николаевне Филипповой, как абсолютному победителю, – Диплом Общероссийской общественной организации содействия укреплению здоровья в системе образования и Благодарность комитета Государственной думы по образованию. Главная же награда – бронзовый Скакун как символ конкурса, олицетворяющий красоту, грациозность, жизненную силу, мудрость, стремление к новым высотам, быстроту и преданность. Это символ неукротимой свободы, бесстрашия, великодушия, верности и трудолюбия.

«А что тебе будет в случае победы? Деньги будут? И зачем тебе это надо?» – спрашивали скептики. «Да ей просто повезло», – говорят теперь качканарские завистники. И не хотят понять: то, что в течение уже многих лет делает Катерина, – это огромный труд, умственный и душевный, это

бескорыстное служение детям.

Да, на конкурс Катя уезжала без оркестра. Все фанфары прозвучали там, в Саранске. «Катенька, я так рад за вас!» – сказал летчик-космонавт Сергей Авдеев. Другие члены жюри предлагали ей писать диссертацию, вручали свои визитки. С девочкой из Качканара хотели сфотографироваться, просили ее автограф. Екатерину приглашают в Читу на международный симпозиум по коррекционной педагогике, а далее – в Китай, где (все уверены) она будет достойно представлять Россию. Столько добра, столько положительных эмоций, какой заряд на будущее!

– Я вернулась такая богатая! – улыбается Катя. – И очень приятно было слышать: «Какой могучий Урал! Свердловская область второй раз участвует в конкурсе – и оба раза уверенно побеждает!»

Катенька, девочка из Качканара! Пусть твой Скакун несет тебя к высотам! И никому не позволяй вышибить тебя из седла!

И школа стала её судьбой

Первого сентября 2016 года я побывала в школе имени К.Н.Новикова. Это моя родная школа. Здесь когда-то работала я, здесь учились мои внуки. В 1997 году сюда пришел Рома и успешно постигал начальную грамоту с Альфией Асхатовной Габдулихсановой. А с пятого класса и до выпускного он учился под руководством Натальи Николаевны Цветковой. Через десять лет, в 2007-м, первоклассника Сашу тоже встретила Альфия Асхатовна, а через четыре года опять передала свой класс Наталье Николаевне. Я счастлива, что у моих внуков были такие прекрасные «семейные» учителя. Низко кланяюсь вам, дорогие мои!

В День знаний

Он начался на школьном дворе, где была проведена торжественная линейка – с поздравлениями, цветами и шарами. А потом все пошли в свои классы.

И вот мы входим в знакомый кабинет на первом этаже. Двери и стены приветствуют: «Здравствуй, школа!», «С новым учебным годом!» Парты образовали четыре больших квадратных стола, за которые усаживаются дети. Родители располагаются вдоль стен. Альфия Асхатовна приветствует всех и поздравляет с праздником.

– А какой сегодня праздник? Как он называется?

– День знаний! День учебы! – дружно отвечают ребята.

– Да, начался новый учебный год, и вы уже второклассники!

И сегодня наш первый урок в нашем втором классе.

И начинается урок. Урок Мира. Учитель говорит о том, как важен мир на земле.

– К сожалению, не все дети на планете могли сегодня сесть за парты. А почему?

И восьмилетние граждане планеты говорят о войне, а самые «просвещенные» называют Сирию, Украину, Донбасс, где никак не наступит мир, где гибнут взрослые и дети. А что нужно, чтобы всегда был мир? И приходят к выводу: нужна дружба между народами. А что значит дружба? Вот как об этом написано в словаре Ожегова. Дети тоже находят свои слова, рассуждают, объясняют.

Потом становятся парами в круг (в классе 13 мальчиков и 13 девочек), двигаются под музыку и декламируют: «Мы теперь с тобой друзья, обними скорей меня».

Это был удивительный урок. Ребята вспоминали песни, пословицы и поговорки о дружбе, участвовали в конкурсах, пользовались ножницами и клеем. Каждый стол должен был склеить «рассыпанную» пословицу о дружбе и объяснить ее значение. Задание было дано и родителям. Все работали ответственно, увлеченно.

А главное – на уроке дети вырастили сад мира и дружбы. Может ли в саду расти только одно дерево? Нет, это уже не сад. И вот на доске при активном участии детей появляется много деревьев. Здесь улыбки и доброта, добрые слова и дела, дерево мудрости, дерево друзей, копилка добрых поступков. А какие добрые дела мы можем сделать для класса, школы, города? Размышлениями и предложениями на эту тему заканчивается урок. В завершение родители вручают ребятам подарки: светоотражающие ленты на куртки и сумки и, конечно, комплект учебников. А вот и расписание уроков на завтра: пора начинать серьезную работу. Радостные, в нарядных школьных формах ребята шагают в новый учебный год, с его трудностями, открытиями и находками.

А Альфия Асхатовна 1 сентября 2016 года начала свой двадцать девятый учебный год. Большой путь в постоянном творческом поиске уже пройден этой энергичной женщиной с длинной и загадочной для меня фамилией. И я решила обратиться к ее истокам.

Истоки

– А загадочного ничего нет, – говорит Альфия Асхатовна. – У нашего народа издавна имя отца давало детям фамилию. Без отчества. У моего папы было два деда: Габдул и Ихсан (по отцу и матери). Отсюда фамилия – Габдулихсанов. Требуется отчество? Значит, Габдулихсанович.

С теплотой и нежностью рассказывает дочь о своих родителях.

Оба они родом из Башкирии: папа, Асхат Габдулихсанович, – из деревни Ново-Тимкино, а мама, Роза Лугмановна, – из Старо-Тимкино. Папа – ветеран тыла. Когда началась война, Асхату было десять лет. Пас коров, работал много – учился мало, окончил только начальную школу. Позднее получил права водителя, был первоклассным шофером и трактористом. Мама получила

семилетнее образование. Оба работали в колхозе.

– Никогда они не жили бедно, – говорит Альфия Асхатовна, – потому что держали корову.

Были молоды, работы не боялись. А в 1957 году их рабочие руки потребовались Качканару. И два брата, Асхат и Агзам, стали первостроителями города юности. Работали плотниками; строили первую школу, делали там полы и рамы для окон. Вскоре перевезли в Качканар и свои семьи. Жили во временке и в свободное от работы время строили свое жилье. И в 1964 году на улице Горной (в Татарском поселке) выросли два одинаковых добротных дома.

Жили дружно, создавали уют. Разрабатывали огород, а это непросто: грунт здесь скальный – корчевали пни, землю носили из леса. Кстати, на одном из участков до сих пор живет-поживает пень, внушительный, но уже состарившийся. И кто-то из родственников однажды предложил его убрать, но Альфия Асхатовна резко возразила. Ведь этот пень – из славного прошлого, когда ее родители были молодыми. Пускай же потомки видят, какие толстые деревья приходилось пилить вручную и как непросто было начинать жизнь в уральской тайге. Но Габдулихсановы, как и все первостроители, верили в завтрашний день и ради этого много трудились.

И всё у них получилось: огород давал урожай, завели корову.

– Еще с войны родители понимали: есть корова – значит, семья сыта, – говорит Альфия Асхатовна. – На Именновском мы заготавливали сено. Работать приходилось много: и дома, и в огороде, и на покосе... Вот я своего сына каждый год вожу на море, а меня возили на поле.

Нет, это не упрек, а благодарность родителям, которые растили детей в труде и строгости и сами много работали. Мама, Роза Лугмановна, двадцать лет была маляром, а в 1980-м перешла на радиозавод, в охрану, откуда и вышла на заслуженный отдых. Теперь родителей уж нет в живых, но нравственным ориентиром

всегда остаются эти светлые люди, которые не имели возможности много учиться, но всем своим детям дали высшее образование. А детей у них трое, это дочери. Старшие, Альфира и Римма, окончили горный институт, а Альфия стала учителем.

Учитель

Вышло случайно? Или это был осознанный выбор? Об этом я не задумываюсь, ибо убеждена: это – судьба; девочке свыше было уготовано стать педагогом.

А получилось так. В 1976 году Альфия поступила в восьмилетнюю школу №5. Любознательная и трудолюбивая, она училась отлично, особенно любила математику и уверенно побеждала в олимпиадах по этому предмету. Общительная и активная пионерка, она три года была председателем совета дружины. Ей нравилось чувствовать ответственность за сверстников и вместе с дружиной делать добрые дела. Альфия успешно окончила восемь классов и была награждена путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Орленок».

Там, на берегу Черного моря, она обрела много новых друзей, вместе с которыми активно участвовала в общественно полезной работе. Они трудились и отдыхали, мечтали, строили планы на будущее.

– Я буду учителем начальных классов, – сказала Светлана из Лесного, которой мама сообщала, что отдала ее документы в Нижнетагильское педагогическое училище.

И Альфия решила последовать за подругой. Вернувшись в Качканар, она пришла в школу №4, куда были переданы ее документы из пятой школы. Сказала, что не будет учиться в девятом классе, и забрала свои документы. Тогда девочка еще не знала, что вернется в эту школу; вернется не ученицей, а учителем.

А пока Нижнетагильское педучилище, о котором Альфия Асхатовна вспоминает с большой благодарностью.

– С нами работали прекрасные педагоги. Они нас учили учить. Учить детей – непростая наука, овладеть ею надо ежечасно, постоянно, всю жизнь. Мы изучали педагогику, методику, дидактику, готовили и проводили первые в жизни уроки. Наставники давали нам глубокие знания и учили главному – уважению к личности ребенка. Приведу такой пример. Я читала книгу о войне. Очень интересный, захватывающий сюжет. Дочитать осталось немного, и я взяла книгу с собой: уж очень хотелось узнать, чем всё закончится и что будет с главным героем. И вот на занятиях, положив руки на парту, а книгу на колени, я потихоньку читала и почти не слушала, о чем говорил у доски преподаватель. А через некоторое время преподаватель (это была женщина) подошла и вежливо спросила: «Очень интересная книга?» Я кивнула. «Положи ее на парту и спокойно дочитывай. И не волнуйся. Все равно ничего не слушаешь. Потом наверстаешь». Я достала книгу и дочитала последние страницы. Наставница не накричала на меня, не унизила перед всей группой, она понимала мое состояние. Это был прекрасный урок для меня и для всех нас, готовящихся работать с детьми.

Педучилище Альфия Габдулиханова окончила с красным дипломом и пришла в школу №4. 1 сентября 1988 года 19-летняя учительница приняла свой первый класс. И полетели дни – трудные, насыщенные, прекрасные. Но три раза в течение года она писала заявление об уходе из школы.

– Мне казалось, что я не соответствую. Столько готовилась к уроку, всё по методичке. А в урок не уложилась. Не умею, не получается. Не хочу и не буду портить детей!.. Спасибо завучу Екатерине Дмитриевне Гужавиной: каждый раз она воспитывала и переубеждала меня.

И Альфия Асхатовна продолжала работать – с высокими требованиями к себе и с чувством большой ответственности за детей. Она учила их и сама училась. Заочно окончила Нижнетагильский педагогический институт и в 1993 году

получила диплом о высшем образовании.

В школе почти три десятка лет, сделано уже восемь выпусков, а она по-прежнему энергичная и активная, веселая и серьезная. Была секретарем учительской комсомольской организации. Вместе с Нонной Викторовной Качановой – главные затейницы в КВН. Уже пять лет работает Альфия Асхатовна в пункте проведения ЕГЭ – помощником, потом руководителем пункта. Это пристальное внимание к документам, это ответственность за каждого выпускника. Всю жизнь занимается спортом. Волейбол, баскетбол, лыжи, коньки – играла за пятую школу, за педучилище, за учителей. Признается: «Только с плаванием проблемы: боюсь глубины». Зато тринадцатилетний сын Ильяс (любимец Бога) крепко дружит с бассейном.

На сына порой не хватает времени. Зато с классом – на природе и на футболе, на горе Качканар и в окрестностях города, на экскурсиях в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге, в Невьянске и Кунгуре. А летом Ильяс бывает на море с мамой, которая считает: ребенок должен отдыхать. Первый раз он увидел море в три года.

Сейчас мальчик учится в шестом классе, где уроки математики ведет его мама. Непросто ей: и дорогие второклашки, и математика в шестом. Но ведь это с детства любимый предмет! Не приближается ли Альфия Асхатовна к своей новой мечте?

В 2015 году Альфия Асхатовна Габдулиханова стала учителем высшей категории. Ее сердце отдано школе. А руки нужны дому и огороду, особенно весной, летом и осенью. Нынче собрала 12 ведер клубники, закатала 60 банок компота, 50 банок огурцов, да еще лечо и прочая мелочь. А земля без любви и заботы тоже ничего не родит. Вот и старается наша неутомимая труженица.

Ее занятость – необыкновенная. Я с трудом выбрала время для встречи.

– Нет, до выборов никак не получится, – говорила Альфия Асхатовна

Дело в том, что уже 18 лет она работает в участковой избирательной комиссии и 16 лет является ее секретарем, а это документы, документы, документы, требующие особого внимания, это кропотливая и утомительная работа. А еще уроки, тетради, педсоветы и прочие школьные дела – как мне пробиться к моей героине?

И все-таки у меня получилось. И сегодня не без удовольствия я рассказываю о ней, чтобы еще раз низко поклониться всем учителям.

2016 год

Иду по осени – такое время жизни...

*Листья желтые клена
на сером асфальте...
Их бы в золото рам,
их бы в звуки Вивальди.
Беззащитно лежащие,
грациозно упавшие только...
Громко дворник сказал:
«Боже, мусора сколько!»*

Какие все-таки разные люди! И дворники, вероятно, тоже. Иной, сметая с асфальта осеннее разноцветье, может быть, загрустит об отлетевшей красоте. Этот же видит только мусор. А Нина Савельева увядание природы готова вставить в дорожную оправу. И она делает это.

Давайте зайдем в ее квартиру. Здесь очень много живых цветов. А стены украшает «золото рам». Засушенные осенние листья смотрят из-за стекол, как живые. Они поселились тут, чтобы радовать. Мы разглядываем яркие композиции – и удивляемся мастерству художника, создавшего эти необычные картины, которые готовы поспорить с другими творениями нашей гостеприимной хозяйки.

Другие творения – это фотоснимки, на которых природа живая: нежно пробуждающаяся и буйно расцветающая, пышно увядающая и белоснежно отдыхающая. Любое время года зовет и манит – и Нина спешит: пешком, на велосипеде или на лыжах, с рюкзачком, с туристским посошком, с корзинкой или лукошком. Но всегда – с фотоаппаратом. Она и в поле иль на море, во саду иль в огороде, на улицах города, на горе Качканар или просто в лесу.

– Ах, какие красавцы! – по-детски восторгается и тут же настраивает объектив. Стоя во весь рост или на коленях, или лежа, выбирает удачный ракурс, щёлкает, ещё, ещё и ещё – поднимается и идет дальше: – Ах, какие красавцы!

Потом эти восторги выльются на бумагу

Красноголовик

*Уж полна корзина с шиповником,
А поляна красным-красна...
Но вот встречи с красноголовиком
Нынче я еще не ждала.
Вот он, милый! Даже не прячется
Ни в траве, ни под старой листвой.
Под осинкой стоит, дурачится
С непокрытою головой.*

*Завсегдатаи леса уверили,
 Что грибов совсем еще нет!
 Мой любимец, годами проверенный,
 Первый вестник грибных побед!*

Срезать грибы, конечно, забыла: главное – чтобы попали в объектив эти толстячки-боровички или красноголовики, нежные подснежники или желтоокие ромашки, трухлявый, но очень выразительный пенёк или похожая на сказочного полоза коряга. А вот юркий бурундучок на кусте с волчьими ягодами; ловко орудует лапками и аппетитно уплетает эту ярко-красную снедь. Никого не боится или не замечает? А, может, позирует? И Нина успеваешь запечатлеть его в нескольких «позах». Запечатлеть – это главное. Очевидно, в такие моменты она, подобно Фаусту, восклицает: «Остановись, мгновение: ты – прекрасно!» Сколько этих прекрасных мгновений! Не десятки, а сотни – в стопках фотокарточек, в альбомах, на электронных носителях, в Интернете... И, конечно, на стенах ее квартиры. Мы смотрим на удивительные пейзажи и понимаем: это сделал фотохудожник.

А вот совсем другие картины. Тут уже работал не объектив, а умелые руки. Мы рассматриваем вставленные в рамы вышивки крестиком и гладью и восхищаемся мастерством Нины-искусницы.

А это еще что? Уж не осенний ли листопад украсил уютный диван? Разноцветные листочки превратились в квадраты, выстроились плотными рядами – и стали большим лоскутным одеялом, ярким и очень нарядным. Вот вам еще одно увлечение этой мастерицы. Откуда оно? Оказывается, из детства.

– Моя бабушка, – вспоминает Нина Степановна, – всю жизнь шила лоскутные одеяла. Не потому, что очень уж любила это занятие – нужда заставляла. Шила она из поношенных вещей, поэтому служили одеяла недолго. Но некоторые хранились долго. «Выбросить рука не подымается, – говорила бабушка. – Вот этот квадратик от Веруниного платья, она замуж в нем выходила. А

этот лоскуток от кофточки Клавы. Как я эту кофточку ей сшила, так и влюбился в Клаву Василий». Раскрыв рот, слушала я подробности жизни своих родных, удивляясь тому, что старые изношенные одеяла подвигли мою бабушку на светлые и долгие воспоминания.

Теперь уж нет бабушкиных одеял. Я храню мамино. В минуты грусти достаю его, тоже изрядно потертое и выцветшее, и начинается экскурсия в прошлое. Мама моя собирала его, выйдя на пенсию, отдыхая от тяжелого учительского труда. Не от нужды, как бывало, просто ей нравилось это занятие. Я, тоже теперь пенсионерка, имею хобби (родные мои слова этого не знали), называемое пэчворком. Так тянут меня к себе эти незатейливые лоскутки тканей, уводя далеко-далеко, в глубины памяти нашей.

Сколько увлечений, сколько прекрасных изделий! И каждому отдано время, в каждое вложена душа. О душе Нины Савельевой надо сказать особо. Эта душа, чуткая, нежная, сострадательная, привела ее когда-то в медицину и сделала детским доктором. Эта душа заставила покинуть Пермский край и приехать в Качканар, где у Нины Степановны живет больная сестра, которой нужны внимание и уход.

Да что говорить о сестре? Видите этих пушистых шустриков? Серый, задумчивый философ Бусик, ласковый рыже-оранжевый Персик и отчаянный скалолаз Симон, абсолютно белый, как снег на вершинах гор. Взирает на нас Симон с высоты антресолей, давая понять, что он тут самый главный. Не знаю, короткая ли у котов память, но вряд ли этот забыл, как его, одинокого, всеми покинутого, принесла из четырнадцатого сада и пригрела хозяйка этой квартиры. По-разному складываются судьбы таких вот преданных людьми беспризорников. И хорошо, если их заметит добрый человек. Нина Степановна знает все недуги своих пушистиком, страдает, когда они болеют, лечит их сама, а в трудных случаях спешит к ветеринарам.

Да, может, хватит про котов? Давайте вернемся к осенним

листьям на сером асфальте, которые достойны звуков Вивальди, и поговорим о музыке в жизни Нины Савельевой. А лучше послушаем, что говорит о музыке она сама.

– Рахманинов, Шопен, Чайковский, Свиридов – любимые мои композиторы. Ощущения, которые возникают, когда слушаешь музыку, передать трудно, да и не берусь. Не так давно (это сейчас, с высоты прожитых лет) обнаружила, что каждый отрезок моей жизни сопровождается какая-то музыка. И любой эпизод имеет свою музыкальную окраску. Думаю, так и у каждого человека. Вехи у всех нас одни: рождение, детство, юность, зрелость, старость, финал. Но все жизни не похожи друг на друга, все они протекают под разную музыку. У кого-то преобладают марши, вальсы, у других – пронзительной грусти мелодии и реквиемы... А характер человека? Это тоже концерт, симфония! У кого-то больше минора, а у кого-то сплошной мажор. Судьба ли тут является дирижером или сам человек задает свою музыку?! Судьба ли завладела палочкой или сам человек держит ее в своей руке?

Нина Степановна давно уж пытается отнять у судьбы и взять в свои руки дирижерскую палочку. Немало было утрат, после которых, казалось, невозможно устоять на ногах. Она потеряла сына – и долго жила под звуки реквиема. Как удержать эту волшебную палочку и какой сделать взмах, чтобы зазвучала, наконец, иная музыка? Нина справилась. Есть дочка, но она уже двенадцатый год живет в Испании – тут для матери и мажор, и минор; чаще, пожалуй, минор...

Все звуки и краски жизни Нина Савельева воспринимает как художник. И как поэт, тонко чувствующий музыку слова. Давайте почитаем хотя бы несколько ее поэтических строк.

«Художница Осень умеет расписывать леса холсты!»
Читаю эти слова – и думаю о художнице Нине и её удивительных «холстах». *«Всю ночь по карнизу танцует капель...»*. Для кого-то дождь – помеха, а для Нины – танец. *«Я недавно отмечала*

праздник слияния с природой и дождем». Находиться под дождем – это поэзия. *«А проза – видеть дождик из окна»*. Вот она *«за облачком танцующих снежинок наблюдает в свете фонаря»* и воспринимает их как *«счастья несколько крупинок»*. Вот видит, как *«запуталась луна в березовых ветках»*.

Зорко видит, тонко чувствует, живет с природой как ее часть, ее дитя, беседует на равных со всеми временами года. *«Я раздвинула шторы – май идет по двору»*. А в другом стихотворении: *«Иду по лету. Из-за леса солнце брызжет. Я разноцветью радуюсь, теплу. Иду по осени – такое время жизни...»*. Да, возраст Нины Степановны уже «осенний», а в ее душе – весна. Нина по-юношески восторгается и по-детски удивляется. Помните, в октябре, когда еще *«был залит солнцем мир»*, вдруг *«белая зима пришла внезапно»*? Разумеется, помните. А у Нины *«не обошлось, конечно, без пера! И удивленье превратилось в строки»*. Она любит жизнь во всем ее многообразии, слышит настроение, запахи и звуки природы. *«Звучит любви симфония! Под ветром пенится волна. Хожу с рассвета дотемна, любовью переполнена»*. Любовь разнолика, многогранна, и строки о ней – нежные, проникновенные, даже (в нашем-то возрасте) философские: ведь *«старость от любви не защищает, но любовь – от старости защита»*.

Думаю, поэтическая душа этой женщины никогда не состарится. Общается ли Нина с друзьями, природой, присутствует ли на музыкальном или литературном вечере, читает ли книгу, смотрит телевизор, страдает по поводу братоубийственной войны и хрупкого, но такого огромного мира – её *«свежие мысли, как стая грачей, летают, галдят и сбиваются в стих!»*.

Всю сложную гамму мыслей и чувств Нина Савельева «выплескивает в строки» и в одном из стихотворений говорит: *«Я сердцем, не пером пишу. Душа – редактор мой надежный. Стихами мыслю и дышу»*. А кто может мыслить и дышать

стихами? Только тот, кто родился поэтом. *«Стихами еще в детстве заболел, Жизнь провожу в хроническом недуге. Везде я слышу тихий их напев... Всю жизнь они за мной идут-бегут; Не видя даже, я шаги их слышу»...*

И, наверное, не всякий поймет эту душу, это сердце. *«Меня порою упрекают, что я витаю в облаках, что жизни до сих пор не знаю и прячусь от нее в стихах».* Нет, Нина не прячется от жизни – она живет. Требовательная к себе и снисходительная к слабостям других, она всегда готова помочь. Она не пасует перед трудностями, потому что воспринимает жизнь как постоянный поиск, как преодоление высоты, как постоянный подъем в гору.

О поэтическом творчестве Нины Савельевой можно говорить и писать много. А лучше давайте прочитаем ее стихотворение, которое родилось нынешним летом во время похода с друзьями из «Лукоморья» на гору Качканар. Давайте задумаемся в каждое слово, чтобы понять мысли и чувства автора. А какие поэтические образы!

Я рукой дотянулась до неба!
 На плечах его подержала.
 Справа скалы, и скалы слева
 Нежно-нежно тайга обнимала.
 С высоты посмотрела на дали -
 Сотни в них улеглось километров...
 И со всех сторон обласкали
 Невесомые руки ветра.
 И, как будто игрушечный, город -
 Островок любви и надежды -
 С высоты был особенно дорог,
 Я такого не знала прежде...
 Свысока на заботы взглянула
 И на мелочные обиды.
 А хворобам своим шепнула:
 «На меня не имейте виды!»
 О, какое ж волшебное средство
 От невзгод, от тоски и от лени
 Нам века оставляют в наследство -
 Горы! В счастье крутые ступени!

Сейчас Нина Степановна «идет по осени: такое время жизни». В январе у неё – юбилей. Немало крутых ступеней преодолела эта женщина на пути к славной жизненной дате. А впереди – долгая дорога. Я знаю: еще не раз поднимется Нина по скалам, чтобы найти свою душу, которую однажды оставила на горе Качканар. Поднимется и, довольная, скажет: **«Мне снова покорились горы... И вновь ушли, сошли на нет сомнения, невзгоды, споры... Все это – суета сует»**. Я верю: горы дадут ей силы и мудрость, чтобы на все мелочи жизни смотреть **«свысока, с лазоревой небесной крыши»**, как смотрят на нас облака.

Родом из Синегорья

Ей семьдесят шесть лет. Невысокая, худощавая, она похожа на подростка. Ах, если бы не эти выдающиеся возраст натруженные руки! Да если бы не эти потерявшие блеск черные с проседью волосы. Когда-то кудрявые, теперь они легкой волной обрамляют ее смуглое лицо с карими, по-юношески озорными глазами, из которых льется добрый свет. Да еще морщинки... А что морщинки? Я давно заметила, что у добрых людей и морщинки добрые, улыбочивые и совсем не портят постаревшее лицо. Такое лицо и у моей новой знакомой Нины Чистяковой.

Мы познакомились в областной клинической больнице №1, в отделении офтальмологии, куда приехали, чтобы подремонтировать утомленные жизнью глаза. Большинство пациентов здесь

– люди пожилые, старые и совсем старые.

– В детстве я очень жалела старичков и старушек. Вот так бы взяла их на ручки и покачала, – говорит Нина. – А теперь и сама состарилась...

– И хочу, чтобы меня взяли на ручки и покачали, – то ли спрашивая, то ли утверждая, продолжила я ее мысль.

Нина не возразила, не согласилась – только рассмеялась, а ее добрые глаза затуманились.

В младенчестве и в детстве не пришлось ей вдоволь понежиться на материнских руках. Она вспоминает своих родителей (оба они были Александры), своих двух братьев и сестру; вспоминает дружную, работающую семью, в которой Нина была младшей. Ее любили. Это ощущение любви и заботы живет в ней и сейчас как что-то светлое, далекое и прекрасное. Она помнит всё, что могла сохранить память четырехлетнего ребенка.

– А в четыре года осталась я без мамы. Больное сердце – и наша мамочка умерла. В тридцать семь лет умерла... В сорок третьем военном году...

И были мачехи. Но ни одна не выдержала, не смогла, не сумела. Да и кому нужен вдовец с четырьмя детьми?..

Дети Александра Григорьевича подрастали, выросли. Старшая дочь уже выпорхнула из отцовского гнезда.

– И в одиннадцать лет осталась я одна с тремя мужиками, – говорит Нина Александровна. – Три мужика: отец и братья.

И маленькая хозяйюшка с большими заботами научилась поздно ложиться и рано вставать, управляться с домашним хозяйством. Не сразу и не все получалось – огорчалась, порою плакала, но не сдавалась. Жили они в Кушве. Папа работал в депо. Вся его рабочая одежда была пропитана маслом и еще чем-то черным и липким. Стирка такой одежды – длительный и трудоемкий процесс. Замочит ее маленькая прачка в холодной воде и отскребаёт ножом эти липкие пятна. А вода-то – в

глубоком-преглубоком колодце. А бадья на длинной цепи большая-пребольшая и тяжелая. И надо крутить, крутить и крутить, чтобы вытянуть эту бадью из темной и холодной глубины. И снова вниз, и снова вверх – крутить, крутить, крутить! А силенки тают... Ничего более тяжелого не знала Нина в своем детстве. Зато папина роба снова чистая, а домашняя кадушка наполнена холодной водой. И маленькая хозяйюшка довольна.

– А в школе я училась плохо, – с грустной улыбкой говорит Нина Александровна. – Не хватало времени, не успевала – вот и была неуспевающей.

Помолчала немного, глубоко вздохнула и с каким-то облегчением добавила:

– А с четырнадцати лет живу я в Баранче, куда мы переехали из Кушвы.

Закончилось детство. Впереди были отрочество и юность, впереди была целая жизнь. Забегая вперед, скажу, что здесь, в поселке Баранчинском, Нина училась в вечерней школе и в электромеханическом техникуме, работала и санитаркой в больнице, и завхозом в школе, и шлифовальщицей на

электромеханическом заводе. Родила двух дочерей, похоронила двух мужей.

О своем поселке Нина говорит с восторгом.

– У нас красиво! Горы и лес, много воздуха и света. В горах бежит-журчит веселый Актай, а в поселке – спокойная речка Баранча и большой пруд. Утром солнце поднимается и постепенно освещает весь поселок. А вечером уходит спать за Синюю гору. Очень красивые места! Недаром у нас бывает много туристов. Да и сами мы часто бываем на Сине́й горе. Какие там причудливые скалы и какие диковинные цветы! Сердце радуется, и силы прибавляются!

Я хорошо понимала Нину. В студенческие годы мы не раз путешествовали в окрестностях Нижнего Тагила, бывали на Медведь-камне, речке Серебрянке и, конечно, на Сине́й горе, которая длинной грядой тянется по правому берегу реки Актай. Там есть чему удивляться. Ведь гора Синяя – одна из красивых на Урале. Лесистая, плоская на север и на восток вершина горы обрывается несколькими рядами каменных уступов. Эти нагромождения причудливых скал напоминают то башни, которые высятся над гущей древесных крон, то нависающие балконы, то отвесные стены, то развалины зданий. Прекрасны и величавы скальные обнажения на Сине́й горе, рядом с ретранслятором.

А поднимаешься наверх – весь поселок как на ладони и видно далеко-далеко. Но не охватить глазом всё Синегорье, которое и в Европе, и в Азии... Я разделяла восторг Нины, чей рассказ с интересом слушала вся палата.

Самой старшей в нашей палате была 92-летняя татарочка Фарида Кашапова. Удивительная бабушка! Родила десять детей. Прожила 64 года с мужем, который умер, когда ему было 103 года. У Фариды ясный ум, отличный слух, уверенная походка. И добрый нрав.

– Татары – очень хорошие люди: дружные, работающие, – говорит Нина. – После войны у нас в поселке было много евреев и крымских. Да и сейчас в Баранче целый татарский аул... А знаете, я в молодости замуж за татарина собиралась, – и Нина засмеялась.

И стала рассказывать, как она, боевая, озорная, дружила с татарскими мальчишками.

– Они меня, черноволосую да кудрявую, вообще своей считали и учили татарскому языку. Запоминала я плохо, путалась, сбивалась – так смешно! И все смеялись. А Миша-татарин влюбился в меня, замуж звал, долго ухаживал, пока Валерка не сделал ему серьезное внушение.

Сказала про Валерку – и глаза нашей рассказчицы потухли.

С Валерием Нина прожила сорок счастливых лет. Держали хозяйство: коровы, телки, куры, гуси. «Жили хорошо, не жадничали, никому не завидовали». Но страшная болезнь (рак горла) забрала мужа.

– Боже, как он страдал! Какие адские боли! Как тяжело терять родного человека! – она откинулась на подушку и надолго замолчала.

Потом наш разговор пошел «о самом главном» – о предстоящей операции.

– Не волнуйтесь, не переживайте: все будет хорошо, – успокаивала нас Нина. – Я операции не боюсь: уж пять раз была резана хирургами – всё вынесла! Я вообще выносливая. Большие бочки для воды сама перетаскиваю, копаю и сажу в огороде, рублю дрова – сильная я!

– А знаете, Нина, один мужик с оперированным глазом как

замахнулся топором да как ударил по чурке – хрусталик-то вставленный и вылетел! – сказал кто-то.

– Нет! Я уж всё заготовила. И дров наколола, и помельче – для растопки. И картошку выкопала, все в огороде убрала, одни цветы там остались. И на кухню принесла все необходимое, чтобы после операции тяжести не таскать... Все будет хорошо – и вернемся мы домой зрячими! Не переживайте!

О доме, где уже восемь лет живет она одна, Нина говорит с большой теплотой. Дом деревянный, одноэтажный, но очень просторный.

– Окна у меня широкие. Глянешь из окна – а там Урал: речки, лес и сказочная Синяя гора. Такая природа!

Да и сама она – дитя природы. Не пришлось Нине понежиться на маминых руках. Ее качали военные и послевоенные ветры; песни ей пели лесные птицы, радовало и согревало солнце, а уральская земля давала силы. И выросла девочка солнечной, светлой, готовой обогреть и приласкать всех.

Ее дом и огород утопают в цветах. А из живности теперь – только собака, кот да кошка. Но часто в этом просторном доме звенят детские голоса. Обе дочери Нины живут в Баранче.

– У меня три внука и внучка, три правнука и правнучка – сколько радости! – говорит Нина. – Сколько радости!

С камерой и аппаратом

Был летний день

Погода испортилась, стал накрапывать дождь – и мальчишка-подросток заторопился домой. Вдруг увидел: по дороге идет человек. Незнакомый, с какими-то тяжелыми ящиками. Шагает и шагает, не обращая внимания на дождь и грязь под ногами. Кто такой? Поравнялись. Молодой солдат.

– Мне нужно на сорок пятый, – говорит.

– А это и есть сорок пятый, наша Зенковка, в сорока пяти километрах от Алапаевска.

– Значит, добрался. Я здесь в первый раз. Мне в клуб надо. Я вам кино привез.

– Кино? – глаза мальчишки засияли. – Настоящее кино?..

Давай помогу! До клуба далеко, под крышу надо: дождик ведь.

Стали пережидать. Видит парнишка: знакомый водовоз едет.

– Подвезешь до клуба?

– Как я повезу? Бочка всю телегу занимает – куда ящики поставлю?

Снова ждут. Опять телега. Извозчик хмурый, как погода.

– Кино? Ты говоришь: в этих ящиках кино? – лицо просветлело, сам засуетился: – Давай грузись! Поехали!

И они поехали в клуб. Возница и парнишка были

в полном восторге.

Ах, как я их понимаю! Вспоминаю сельский клуб моего детства. Очаг культуры. Это был действительно очаг, очень теплый очаг, где согревались сердца, просветлялись души. Помню, какую магическую силу имело короткое слово «кино». В кино люди шли, как на праздник. В клуб приходили пораньше, чтобы пообщаться. Говорили о работе в колхозе, домашних делах, о весточках с фронта (война еще не закончилась), делились радостью и горем. Вот уж заняли все скамейки. Сидят, беседуют. Мне нравилось слушать этот спокойный гул. И вдруг кто-нибудь запевал, его подхватывал другой, третий – и вот уже поет весь зал. Поют так красиво, так слаженно, словно хор после многих репетиций. Да и зачем репетиции, если люди поют сердцем, выливая в песню свою усталость и терпение, общее горе и общую надежду. Моя душа замирает. Порою хочется плакать. Но я сдерживаюсь. Мне хорошо оттого, что рядом со мной эти сильные люди, которые всё преодолеют и всегда защитят меня: ведь мы – одна семья. И вместе с другими ребятами я начинаю подпевать взрослым... До сих пор живет во мне это чувство семьи единой, какую в годы войны было наше село.

Кинемеханик, готовый начать сеанс, видимо, тоже во власти песни. Вот она закончилась – засветился экран. И наши зрители

забыли о себе и своих проблемах. Они были там, рядом с героями. Вместе с ними страдали и радовались. И очень искренне, с какой-то детской непосредственностью выражали свои эмоции. Но вот промелькнули последние кадры, титры сказали: «Конец фильма», а зрители не спешат подняться: они еще в той жизни, которую отделил от них экран, снова немой и белый. Потом, словно единым вздохом, поднялись и направились к выходу из клуба. Этот очаг опять согрел их, заставил уверенней биться сердца, чтобы быть уверенней в жизни, в которую вновь ступили люди прямо с порога клуба.

А между тем знакомая нам киноповозка уже доехала до клуба в Зенковке. Вчерашний солдат, а ныне киномеханик, по имени Анатолий, и вчерашний семиклассник, по имени Витя, сняли с телеги ящики с аппаратурой и занесли в помещение.

– Давай к коменданту тебя отведу, и он тебя устроит, – предложил Витя.

– Ты молодец! – сказал Анатолий по дороге. – Спасибо за помощь! Ты заработал бесплатное кино. Приходи вечером в клуб.

И парнишка пришел, и прошел бесплатно на зависть ребятишкам, которые крутились около клуба: может, пустят?

– Понравилось? – спросил потом Анатолий.

– Конечно!

Фильм был интересный. Но с не меньшим интересом парнишка смотрел на Анатолия, который казался ему волшебником. Было непонятно:

как оживает экран?

Загадочная все-таки это штука – киноаппарат!.. Парнишка еще не знал, что этот киносеанс и встреча с Анатолием станут для него судьбоносными. У него вошло в привычку встречать Анатолия и помогать ему всякий раз: в дождик или без дождя, в любую погоду, в любое время года. А Анатолий с удовольствием знакомил со своим «загадочным» ремеслом этого любознатель-

ного юношу, который всё схватывал на лету и быстро подружился с киноаппаратом.

Под присмотром наставника он уже мог демонстрировать фильм. И очень старался: не хотел, чтобы его назвали «сапожником». Зрители ведь уже там, вместе с героями, переживают за них, следят за событиями. И вдруг лента обрывается, или на экране появляются слова: «Конец первой части» – киномеханик включает вторую часть, а зрители расстраиваются, возмущаются. Такого не должно быть. Он чувствовал свою ответственность перед зрителями, перед фильмом, который нельзя испортить плохим показом, и перед Анатолием, который со временем стал полностью доверять своему ученику. А Витя с большим желанием заменял его, когда тот, влюбившись в местную девушку, уходил к ней на краткое свидание.

– Учиться тебе надо, – сказал однажды наставник. – Практика у тебя уже есть. Давай садись за книги, штудируй специальную литературу и сдавай экзамены!

– Как сдавать? Когда сдавать?

– Экстерном сдать можно. Учись!

И Виктор сел за книги. Читал с интересом, всё больше и больше открывая загадки любимой профессии. Научился. Поехал в Свердловск. Сдал. Получил права демонстратора фильмов на узкоплечной аппаратуре. И стал работать. Обслуживал леспромхозы: Луковку, Северку, Мугай, Флюсовый рудник, родную Зенковку и другие. Покажет фильм в одном месте – передвигается в другой. Это так и называлось:

кинопередвижка.

А что делать, если кинотеатр был диковинкой, привилегией горожан, недоступной для жителей сельских районов. Да и невозможно было построить кинотеатр в каждом населенном пункте. Вот и придумали «Кинопередвижку». Это портативная

киноустановка для демонстрации в основном узкоплёночных фильмов в небольших зрительных залах. Появились автокино-передвижки – машины, которые в то время выпускались на многих специализированных предприятиях Госкино СССР. Прекрасные автомобили, оснащенные кинопроектором, усилителем звуковых частот, громкоговорящим устройством, автотрансформатором, сворачивающимся экраном, устройством для перемотки киноплёнки – всем необходимым. Для местностей, не имеющих электросети, в комплект входила и небольшая передвижная электростанция. Конечно, передвижка хороша. Если не было кинотеатра и телевидения, то демонстрация кинофильмов была одной из впечатляющих форм досуга. И не только. Ведь документальные киножурналы, предваряющие фильм, несли большую, разноплановую информацию о жизни страны и ее людях. «Кинопередвижка приехала!» – с восторгом кричали сельские ребяташки, радовались и взрослые.

Но мы-то уже знаем, что не везде кино доезжало до клуба на машине. Так было в Зенковке и других леспромхозах, где работал Виктор. Ему, как и Анатолию, помогали добрые люди: кто на лошади подвезет, кто на самосвале. «Кинопередвижку» и киномеханика все хорошо знали и всегда ждали кино. Как событие, как праздник в этом лесном краю. Виктор работал и продолжал самостоятельно учиться. Снова поехал в Свердловск и опять успешно сдал экзамены. Как он был благодарен своему первому учителю Анатолию Герасимовичу Марченко!

И вот в его руках удостоверение. Он читал и перечитывал заветные слова: «Министерство культуры РСФСР. Государственная квалификационная комиссия. Отдел кинофикации Свердловской области. Управление культуры. Чупраков Виктор Николаевич – киномеханик второй категории. 1961 год».

А в 1962 году он, киномеханик второй категории, был уже

в Качканаре.

Тоже тайга, как и в леспромхозах. Тайга, расступившаяся перед первыми улицами рабочего поселка и корпусами строящегося комбината.

– Работал клуб «Строитель» и был «Спутник» под куполом и с земляным полом, – рассказывает Виктор Николаевич. – В этом зале более 300 мест, тут же располагалась киноаппаратура. Зрителей всегда много – теснота, даже стоять негде. Условия походные, временные. Показ не особо качественный. И все-таки «Спутник» был приоритетным: ведь он открыт каждый день, как кинотеатр. Мы работали не в одну смену.

С наступлением зимы «Спутник» закрыли. Привезли чешскую аппаратуру. Это уже для «Юности» – настоящего кинотеатра с двумя зрительными залами. Строители там еще заканчивали работу, а мы уже готовились к открытию. Из областного отдела кинофикации приехал Штерн – очень

грамотный монтажник. Я помогал ему устанавливать аппаратуру. Прислали молодых киномехаников: девчонок и парней. Шелест Игорь Иванович был техническим руководителем, он отвечал за всю аппаратуру. Пузанов – старший киномеханик. Я был старшим киномехаником красного зала; в зеленом зале – Тамара.

Перед открытием они всё проверили, всё расписали, но все-таки очень волновались и старались поддерживать друг друга. Коллектив был дружный. Многие перешли в «Юность» из «Спутника» и доброжелательно встретили новичков. А душой коллектива была Мира Михайловна Мальцева, директор кинотеатра.

– Мира Михайловна пригласила меня, – продолжает Виктор Николаевич, – и говорит: «Витя, ты с новой аппаратурой уже познакомился – будешь показывать первый сеанс». Я растерялся: ведь это очень ответственно. В зале начальство качканарское сидит, а я вдруг «сапожником» окажусь. Еще раз всё проверили. «Чего струсил-то? – говорю я себе. – Возьми себя в руки! Ведь ты уже работал на многих киноаппаратах: первом звуковом «16 ЗП-1», «Украина», «КН-11», «КПТ-1». И вот мы с азербайджанцем Мишей Измайловым зарядили этот чешский «Меоптон» – начали! Главное – чтобы переходы между частями не смазать. Не дай бог концовки начнешь показывать. Были начеку весь сеанс. И вот конец фильма – ура!.. Стуча каблучками, бежит Мира Михайловна: «Молодцы! Спасибо!» Радовались все – от администрации до кассиров и контролеров. Этот фильм «Молодо – зелено» мы показывали недели полторы и в результате весь его изорвали.

С удовольствием вспоминает Виктор Чупраков это событие полувековой давности. Он с любовью говорит о профессии киномеханика, о великом волшебнике – кино. А я хочу добавить еще несколько строк

про «Юность».

Конечно, это – событие. Не в большом городе, а в рабочем поселке, в тайге – кинотеатр! Прекрасный, современный, с двумя

зрительными залами. Мечта первостроителей, которую они претворили в жизнь своими руками. Это досуг, общение, это «важнейшее из искусств» на службе культуры и воспитания.

Что касается воспитания, то нельзя не вспомнить «Чайку». Это тоже был кинотеатр. Только детский. А начинался он с детской комнаты при «Юности». Ребята постарше работали с малышами, заботясь о том, чтобы дошколята и ученики начальных классов не скучали, пока их родители смотрят фильм. Но время шло, двигались вперед и дела. «Чайка» проводила для школьников интересные киноутренники, снимала фильмы о жизни школы. И вот за работу с детьми, за пропаганду кинофильмов и другие добрые дела «Чайку» наградили поездкой в Москву.

Поездка состоялась в зимние каникулы 1966 года. Ребята посетили московские киностудии, присутствовали на съемках фильма «Расплюевские дни», на дубляже болгарского фильма «Тринадцать». На киностудии «Союзмультфильм» им рассказали, как создаются эти веселые фильмы – и ребята загорелись желанием снять мультфильм о Качканаре. Побывали и на новогодней Елке в Колонном заде Дома Союзов. Большое впечатление осталось от кинотеатра «Космос», где юные качканарцы познакомились с заслуженным артистом РСФСР Г.Ф.Милляром. Были на ВДНХ, на Ленинских горах и в других исторических местах Москвы.

«Шесть дней, проведенных в столице, пролетели быстро и интересно. Как они обогатили нас! Всё хорошее и полезное мы постараемся применить в своей «Чайке». Приступаем к новой работе» – так закончил свой рассказ о поездке директор «Чайки» Витя Ефремов, написавший заметку в газету «На стройке Качканара».

Качканарцы любили «Юность», которая была настоящим центром культуры. Демонстрировались художественные и документальные фильмы, в привычку вошли кино вечера на

различные темы и раз в месяц – кинопанорама. Зрителей встречали как дорогих гостей. Администратор Вера Антоновна Кошман перед сеансом спешила в зал, чтобы помочь контролерам рассадить зрителей. Она бывала на предприятиях, чтобы распространить билеты на лучшие советские фильмы. Она и Мира Михайловна были душой коллектива, который работал профессионально, ответственно, вдохновенно.

Вот так в начале 60-х «Чайка» отправилась в большой полет, а «Юность» – в большое плавание, не подозревая, что ветры перемен разобьют ее о подводные рифы.

А как же наш герой? Виктор Николаевич – истинный художник. Он навсегда остался кинооператором и фотографом. Как фотографа его знали еще в леспромхозах и клубах. Его знают и на Качканарском ГОКе. Работал на обогатительной фабрике – делал снимки для стенгазеты и съемки на субботах, митингах, городских праздниках. Стал пенсионером – перешел в фотолабораторию комбината. Фотографии и фоторепортажи Виктора Чупракова хорошо знакомы читателям городской газеты.

Свои первые снимки он послал в газету в 1970 году. Это были портреты передовиков производства обогатительной фабрики. С тех пор началась крепкая дружба с этим творческим человеком. Вспоминается день, когда я впервые побывала в семье Чупраковых. На шифоньере, на столах, на этажерке – везде, куда можно что-то положить, поставить – лежит кино- и фотооборудование. Увеличители и кинопроектор, фотоаппараты и штатив для освещения при киносъемках.

- Это еще не все, - говорит Зинаида, жена фотографа - Под кроватью чемоданы, набитые разной аппаратурой да книгами по кино и фотоделу. А сколько фотографий! Чтобы все посмотреть – дня не хватит.

Виктор Николаевич показывает книги, толстые тетради с конспектами по киносъемкам, рассказывает о преимуществах и

недостатках того или иного фотоаппарата, с радостью сообщает, что сумел приобрести редкий фотообъектив.

Потом мы смотрим кинофильм его производства. Пока он немой. Но у Виктора есть все, чтобы озвучить картину.

С тех пор прошло много лет. Чупраков по-прежнему дружит с газетчиками и по-прежнему увлечен любимым делом.

За долгие годы у него скопился огромный фото- и видеоархив.

– Сейчас у меня около шестидесяти цифровых видеокассет, – говорит Виктор Николаевич. – Сам удивился: откуда столько дисков, и фото, и видео?

Он приводит всё в систему и мечтает создать медиафильм о главных исторических моментах города и комбината, о людях Качканара.

Вот такие стихи посвятила ему местная поэтесса Клавдия Рублева

*С видеокамерой или фотоаппаратом
Виктор Николаевич – мгновений гений –
выискивает чутьем художника ракурс
в непрерывном мастерском движении.
Настраивает с затаенной улыбкой фокус;
вспышка – и кадр ускользнувшего времени
на память грядущим поколениям!
Светел Чупраков добротой сероглазой,
одарен воистину Божьим даром.
Отодвинув проблемы, забыв про усталость,
собирает по кадру историю Качканара.*

Поистине достоин поэтических строк этот творческий человек, который идет по жизни с кинокамерой и фотоаппаратом.

Снимается КИНО

Лесной. «Город, почти пятьдесят лет не имевший своего открытого названия и места на карте. Но город, чудо-город, зародившийся после войны в глухой северной тайге, жил все это время, работал, создавая вместе с городами-собратьями ядерный щит страны». Такими словами начинается книга «Лесной: история закрытого города».

Этот город, ближайший сосед Качканара, по-прежнему остается загадкой. Для нас приоткрыта лишь его литературная грань, поскольку в Лесном есть творческое объединение «Любители изящной словесности» («ЛИС»), с которым дружит «Лукоморье». Уже не раз поэты Лесного бывали у нас на фестивале «Качканарская осень». А 2 апреля и мы стали участниками большого поэтического праздника в городе Лесном.

В Положении о празднике говорилось: «Каждое литературное объединение строит свою программу так,

чтобы выступление проходило единым блоком, было органичным, соответствовало теме праздника». А тема – «Снимается кино». Учитывая, что 2016-й – год кино, тема не случайная, актуальная. И все же очень интересно, как поэты справятся с этим непривычным, киношным заданием.

Праздник проходил в похожей на дворец библиотеке имени П.П.Бажова. Прекрасный зал, сцена и, конечно же, экран. Директор библиотеки Е.Е.Алисова приветствует гостей. Бард из Лесного исполняет песню, в которой звучат имена известных режиссеров и артистов, поется о магии кино. И вот загорается экран: кадры и титры, титры и кадры – короткий, с чувством юмора фильм о том, как «любители изящной словесности» готовятся к празднику и как на кинофестиваль в Лесной спешат гости, которым с экрана хозяева желают успеха.

И состязание начинается.

– Киностудия «Исток», город Реж, – объявляет девушка в бейсболке, щелкая хлопушкой. – Кадр один, дубль один!

Один за другим выступают литературные объединения, ставшие в тот день киностудиями: «Вдохновение» из Красноуральска, «Родники Синегорья» из поселка Баранчинского, «Серебряные струны» Верхней Туры... Свое кинотворчество показали Кушва и Верхотурье, Новоуральск и Качканар, сёла Петропавловское и Нижняя Синячиха, а также «Свободные художники» из Екатеринбурга. Каждый снимал фильм по-своему, у всех была своя «изюминка».

Мы, киностудия «Лукоморье», выступали седьмыми, и тема «Снимается кино» в нашем исполнении выглядела вот так.

*На праздник поэтический позвали,
И было нам задание дано...
Расскажем вам, как в нашем Качканаре
С повестки дня снимается кино.*

И во весь экран – последняя строка четверостишия, наша больная тема. А, чтобы донести ее до зрителей, мы обратились к нашему недалекому прошлому.

*Чтобы начать, вернуться будет надо
На шестьдесят примерно лет назад...
В лесу стояли белые палатки,
А рядом был и первый кинозал.
Ни стен и ни дверей в том зале не было,
Ни окон и, конечно же, ни рам.
Лишь потолок – темнеющее небо
Да меж деревьями натянутый экран.*

*И, как всегда, в назначенное время
Застрекотал старательный движок.
Сейчас начнется – заходи скорее,
Какой захочешь, занимай пенёк.*

Читаем, а на экране – палаточный городок перво-
строителей. Нам приятно напомнить залу первые страницы
славной качканарской истории.

*Всё это в нашей памяти осталось.
Недавно это было иль давно,
Но именно вот так и начиналось
Родное качканарское кино.*

Идем дальше, ведем зрителей на качканарскую землю,
где продолжается трудовой подвиг молодых энтузиастов.

*Трудились вдохновенно мы – и скор
В лесу уж улицы, дороги пролегли,
Рабочий выросал в тайге поселок,
Но юным городом его мы нарекли.
И, выполняя партии заданье,
Мы возвели крупнейший комбинат,
А для души – одно святое здание,
Свою мечту – большой кинотеатр.
Его мы тоже «Юностью» назвали,
Он наяву уже, а не в мечтах!
Два зрительных для нас просторных зала!
И в каждом зале был всегда аншлаги.*

И вот уже зрители видят это прекрасное здание-мечту. «Юность» улыбается всеми своими светлыми окнами и приветливо распахивает двери. А наши зрители, наверное, радуются вместе с первостроителями Качканара.

И вдруг – новый кадр. Да то ли это здание? Слепое, без окон, с рекламой всех мастей да жирными буквами на фасаде: «Кировский».

*Как всё изменилось! Подумать-то жутко!
Теперь уже в «Юность» никто не спешит.
Нет «Юности». В «Кировском» всё – для желудка.
Торговцы не знают запросов души.*

Тему продолжает **Надежда Трушкова**, которая в то славное время была школьницей.

*Город юности «Юность» построил
На поляне, среди берез.
Рядом школа. И стайкой веселой
Мы сбегали с уроков в кино.
Мы учились у наших героев:
Если любишь – люби до конца!
Если ты догоняешь вагоны –
Значит, манит тебя целина.*

Она вспоминает первые фильмы и прекрасных героев, на которых хотелось походить, у которых хотелось учиться. И с сожалением завершает:

*Всё прошло. Наша «Юность» сменилась
На продукты, конфеты, вино...
И скажите, друзья, мне на милость:
Кто же в «Кировский» ходит в кино?
Та же школа, и школьники те же,
Но про «Юность» не знает никто...
Среди старых берез, как и прежде,
Вижу юности нашей кино!*

А **Галина Трофимова** говорит о том, как изменилась жизнь, которая теперь пишет другие сценарии. Ее стихотворение заканчивается так:

*Иное видим мы кино...
Сменились кардинально нравы.
Мораль ушла на задний план.
Канканом полнится экран.
Нет спроса больше на талант!
А мы кричали: «Чарли, браво!» -
Кумиру детства моего...
Такое помним мы кино...*

Дальше в исполнении **Нины Савельевой** звучит стихотворение **Татьяны Семакиной**. И вот его последние строки:

*В кинотеатр вселился магазин,
Легко лишив народ духовной пищи.
Теперь царит он в здании один,
Активно зарабатывая тыщи.
С повестки дня снимается кино –
Досадой увлечение обернулось...
Когда бывает в городе темно,
На площади тихонько плачет «Юность».*

И, завершая выступление, мы дружно продекламировали:

*С повестки дня кино давно уж снято,
И ничего нам не поделатъ с этим.
Уходит всё, что дорого и свято...
Нет повести печальнее на свете...*

Вот такой наш кинодебют. А когда были показаны все работы, жюри объявило итоги конкурса. Каждому фильму оно присвоило категорию «Самый». Самый лирический, романтический, патриотический, исторический и так далее. Наш фильм почему-то назвали самым философским. Всем были вручены дипломы и подарены прекрасные книги. Это два солидных сборника «Антология поэзии закрытых городов Росатома», небольшой сборник «Полевая почта» (письма и фотографии погибших земляков), книга Александра Левина «Феномен» (штрихи к портрету Эдуарда Росселя) и, конечно, история закрытого города Лесного. А также каждый коллектив получил крылатого коня Пегаса.

И показ фильмов, и неформальное общение после кинопремьер вдохновило всех на дальнейшее творчество. «На чистый лист ложится мыслей ряд...» – есть такие слова в гимне «Любителей изящной словесности». И нет сомнения, что на чистых листах поэтов выстроятся в ряд новые их мысли и чувства.

Шла Танюша...

«Шла Танюша» – так назывался шуточный танец, который я увидела однажды на сцене клуба «Берегиня». С ведрами на коромысле шла Танюша за водой. За ней – парень молодой, который заигрывает, пытается добиться внимания красавицы. Та кокетничает, дразнит ухажера, увлекая за собой. А вот и колодец. Бравый кавалер достает воды – и с полными ведрами на коромысле направляется обратно, подхватив под руку эту лукавую девушку. Короткая танцевальная инсценировка, но как переданы характеры героев! И кто эта задорная Танюша в красивом русском наряде?

Оказывается, исполнительницу тоже зовут Танюшей. Это Седельникова Татьяна Александровна. В тот вечер она предстала перед зрителями и в этом искрометном русском танце, и в бальном падегресе – спокойном, величественном, где Татьяна была не дамой, а кавалером. Просто артистка! Впрочем, она в тот вечер исполнила песню о дружбе и друзьях (хороший, сильный

голос!) и пела в народном ансамбле «Здравица». Удивительные способности!

Так какими же дорогами шла Танюша к клубной сцене? Где истоки этой самодеятельной артистки? Истоки, конечно, надо искать в семье, в детстве.

Человек начинается с детства

А детство Танюши – это уральский город Чусовой, это реки Усьва, Вильва и красавица Чусовая. Семья – образованная, интеллигентная. Папа, Александр Федорович Дубинин, – участник финской и Великой Отечественной войн. По образованию – художник. Квартиру Татьяны Александровны до сих пор украшает огромная папина картина – репродукция «Утра в сосновом лесу» Шишкина. Александр Федорович окончил Нижнетагильское художественное училище, где и встретил свою будущую жену Нину Чайку. В Чусовом он работал школьным учителем рисования и черчения.

– Папа очень любил детей и свою работу, – говорит Татьяна Александровна. – А когда готовились к демонстрациям, он всегда оформлял праздничные колонны. Мне нравилось наблюдать, как лобзиком папа выпиливал фанерные буквы, шлифовал их, клеивал, покрывал краской и лаком. А еще он делал маски и прекрасные костюмы. Мне очень хотелось ему помочь...

И она помогала. Дубинины развивали интересы дочки и ее младшего брата Федора, подбадривали детей, учили преодолевать трудности. Родители поддерживали ранний интерес дочери к книге. Она еще до школы научилась читать – и вот уже шла Танюша в библиотеку, шла в школу. Училась с большим желанием, добросовестно выполняла все задания. Но особенно ей нравилась физкультура: нормы ГТО, спортивные соревнования, кроссы.

– А еще я любила уроки пения. И даже не предполагала, во что это со временем выльется. Никогда не думала, что буду петь

на сцене. Я вообще боялась сцены, была стеснительная и робкая, – признается Татьяна.

Она вспоминает, как однажды учительница попросила ее выучить стихотворение к праздничному концерту. Девочка не соглашалась, отказывалась, но учительница убедила: надо!

– Я стеснялась, на сцене не могла глаз поднять. Это было мое первое стихотворение, и называлось оно «Сорок». И всего там было по сорок: сорок пройденных дорог, сорок стоптанных сапог... Больше уже не знаю... Помню, как мы, четыре девочки, готовили танец колокольчиков и тоже боялись выйти на сцену. Мы все тогда были очень скромные. Как преодолеть робость? Теперь-то я понимаю: чтобы осилить дорогу, надо сделать первый шаг, надо идти.

Тогда Танюша не знала, сколько будет пройдено дорог, сколько стоптано сапог. Но она шагала, она шла...

Дорога привела к детям

И вот уж «десять классов пройдено». Куда дальше? Тане почему-то нравилось слово «товаровед».

Какой товаровед? Почему товаровед, если вся родня – педагоги? Папины братья Федор Федорович и Сергей Федорович – учителя физики и математики. Мамина племянница – учитель начальных классов. Мамина сестра – воспитатель в детском саду. А мамина мама – заведующая детским садом. Да самой судьбой обозначена Танина дорога! И поступила девушка в Нижнетагильский педагогический институт, на физико-математический факультет, и в 1974 году успешно его окончила.

И тут надо сказать еще об одной дороге на ее жизненном пути. Это был путь железнодорожный. Таня ехала из Нижнего Тагила к маме в Чусовой. На станции Гороблагодатской в купе вошел молодой человек, который ехал из Качканара в Кировскую область, тоже к родным. Это был Владислав Седельников. Так в жизнь Танюши вошел Качканар.

Начинал она в школе рабочей молодежи, потом работала в средней школе №2. А с 1977-го – с дошколятами, и это уже навсегда. Татьяне посчастливилось встретиться с Софьей Григорьевной Дольниковой. Эта женщина с большим жизненным и педагогическим опытом заведовала детским садом №16 «Белочка», где царил дух творчества и трепетной любви к малышам, перед которыми все чувствовали большую ответственность. Славные традиции Дольниковой продолжила Любовь Ивановна Хамитова.

– Тактичная, деликатная, она с уважением относилась к каждому сотруднику. Если появляется новый работник, она обязательно представит его всему коллективу, познакомит, найдет добрые слова. Любовь Ивановна не навязывала своей воли, умела похвалить работников и мудрым советом будила творческую активность коллектива. Мы работали дружно, вместе с музыкальным работником Светланой Александровной Воронковой составляли сценарии каждого праздника, репетировали сценки, песни, танцы, проводили разные конкурсы, вечера. Дружны и отзывчивы были и родители. Строили спортивную площадку, ремонтировали детсад – все вместе!

Очень тепло вспоминает Татьяна Александровна этот коллектив, с которым была связана почти два десятка лет.

Теперь она работает в детсаде №33 «Улыбка», коллектив которого также хранит славные традиции Булычевой Марии Алексеевны – строгой заведующей, которая умела постоять за воспитателя и требовала от каждого творческой работы с детьми. Творчески работают и сейчас во главе с Натальей Ивановной Куликовой. Моя собеседница не без гордости рассказывает об успехах в «Гранях таланта» и других достижениях коллектива. И буквально преображается, когда говорит о своих малышах: голос звучит нежной музыкой, из глаз льется чистый свет, и вся она излучает материнское тепло.

– Как хорошо, что сейчас работаешь с малышами не один, а два года. Раньше было как? Отревели – и их в старшую ясельную группу переводят. И не видишь результатов своего труда. А ведь это такое счастье – видеть, как на твоих глазах, с твоим участием ребенок растет, преобразается, делает первые открытия в этом мире. Пришел – не умел даже на горшке сидеть, а потом – такие достижения!

И она рассказывает, как вырабатываются у детей санитарно-гигиенические привычки, как малыши учатся кушать и вести себя за столом, засыпать, одеваться, как учатся говорить, играть, общаться со сверстниками. Не у всех и не всё получается – важно помочь, приободрить, похвалить, вселить уверенность.

– Некоторые ребятки долго не говорят, плохо двигаются, многие еще путают цвета. Но научатся! Всё у нас получится!

Она много делает для этого. И ей помогают игрушки: ведь главная деятельность ребенка – это игра.

– Бегаю по магазинам, покупаю игрушки. Сами готовим

пособия: пилим, режем, красим. Пригодился мне папин опыт. Недавно выпилила из фанеры два дерева, одно из них – ёлка. Надо покрасить и крючочки прикрепить, чтобы, например, к Новому году малыши могли украсить елку. Немало интересного можно придумать и с другим, лиственным деревом.

О малышах Татьяна Александровна может рассказывать бесконечно. Говорит и о том, как важен контакт с родителями. И, конечно, о своей дружной команде.

– Няня Маргарита Эмильевна Кралина – умница, молодец! Для неё не только кастрюли да тряпки – она очень любит детей и во многом мне помогает. У нас один подход к детям, одни требования, как и с молодой моей напарницей Дианой Вадимовной Кордюковой, которая учится заочно в Нижнетагильском педагогическом колледже. Впрочем, и я продолжаю учиться: время заставляет. И, конечно, дети. Да, дети тоже учат. Ведь не только они растут и преобразуются с твоей помощью – рядом с ними и сам преобразуешься и становишься богаче душой. А какое счастье – видеть глаза детей, которые верят тебе и всё принимают за чистую монету!

И тут я подумала: сколько раз ради детей преобразалась Татьяна Александровна! И в кого только она не преобразалась! А началось с детсада №16, когда готовились к одному яркому представлению и нужен был Мужик на ярмарке. И наша Танюша, которая всегда боялась сцены, вдруг преодолела робость и сыграла этого Мужика. Потом были Аист на крыше и другие образы. Было ли сорок пройденных дорог? Но сорок лет с детьми уже пройдено. И кем только она не была за эти годы. Листаем с Татьяной фотоальбомы. Вот они, ее герои. Снегурочка и Дед Мороз; Кот Леопольд и Кот Базилио; Пятачок и Карлсон, Гном и Колобок; Лесовик и Леший; Собака, Волк и Медведь; Папуас и Пират; Царь и Король; Черепаха Тортила и Мачеха в сказке «Морозко»; Клоун и Рассеянный с улицы Бассейной, и даже Инопланетянин! Спасибо вам, дети, за Танюшу-артистку!

Артистка

В начале 80-х пришла Танюша во Дворец культуры, в хор к Тамаре Корнаковой. Настоящий профессионал, сильный, скупой на похвалу руководитель, Тамара Васильевна подняла свой певческий коллектив до больших исполнительских высот. Он успешно участвовал в конкурсах художественной самодеятельности, выступал на агитплощадках, в праздничных концертах.

– Однажды мы готовились к Новому году, и мне предложили роль Емели па печи. А у меня в то время умер папа, и я была в трауре. Посоветовалась с мамой. Она сказала: «Папа не обидится, он бы одобрил». И я согласилась на Емелю.

Татьяна Александровна тепло вспоминает Тамару Корнакову, с благодарностью говорит о Татьяне Новгородовой, у которой занималась несколько лет. Но особый сказ – о Татьяне Циганковой – создателе и руководителе хора «Журавушка». Ансамбль «Здравица» –

тоже ее детище. Рядом с Циганковой наша Танюша совершенствовала свое певческое мастерство, вдохновилась и на сольное исполнение. При Циганковой появился в Качканаре и клуб «Берегиня», цель которого – сберечь, сохранить и донести до потомков фольклор наших предков. Клуб «Берегиня» – это своеобразный музей уральского быта. Татьяна Вениаминовна создала и студию исторического танца, в которой кропотливо занималась с детьми и взрослыми. Они выучили падеспань, полонез, два менуэта, польку, венский вальс, фигурный вальс, а

также кадрили. С большим желанием овладевала историческими танцами и Татьяна Седельникова.

Мы листаем ее фотоальбомы, которые рассказывают о том, как успешно выступали «Журавушка» и «Здравица» в фестивалях-конкурсах областного, регионального и международного уровней.

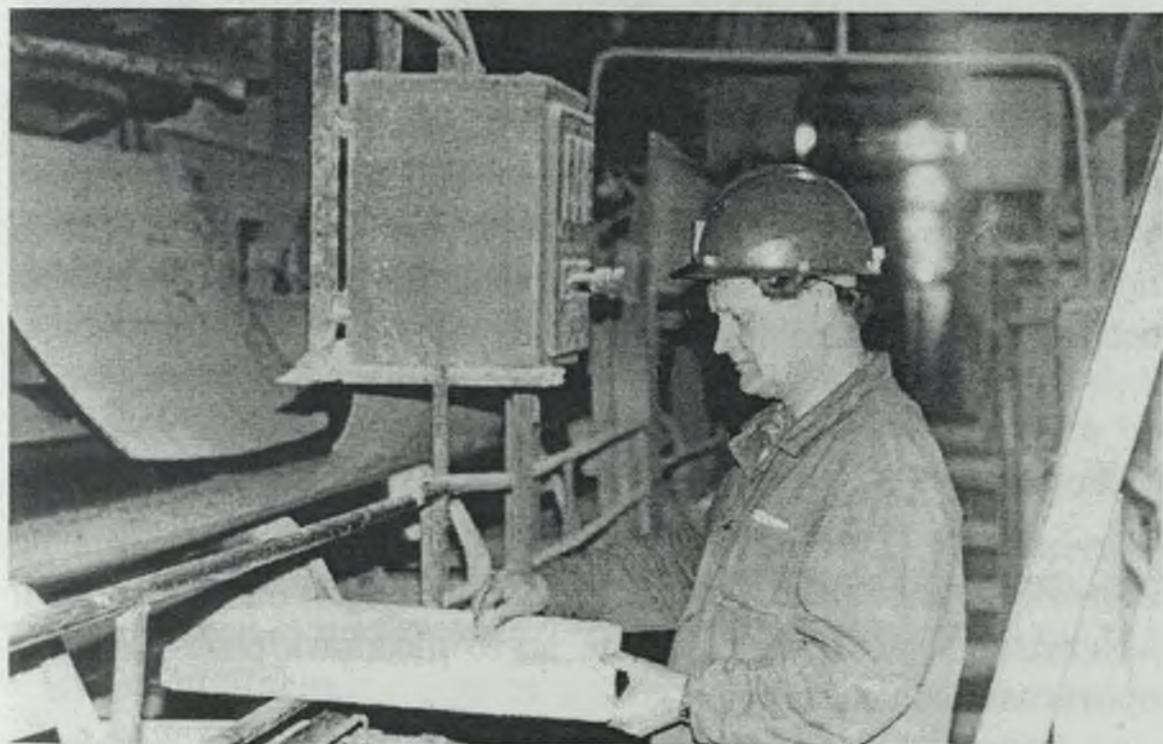
– За восемь лет с Циганковой где мы только не побывали! – комментирует Татьяна каждый снимок.

А вот праздники в «Берегине». В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Таня исполняет роль Чуба. Встречают год Овцы – она в роли Овцы. В других юмористических сценках представляет Людмилу Зыкину или Валерия Леонтьева, Балбеса Никулина, певучего Грузина или крутого Нового русского, Доктора или Дирижера – да обо всем и не скажешь и всего, наверное, не пересмотришь.

Альбомы бережно хранят память. Они наглядно рассказывают о том, как шла Танюша по жизни. Давние черно-белые снимки – город Чусовой, родители, детство. Дальше – плодотворный Качканар, семья. У Татьяны Александровны и Владислава Николаевича взрослые сын Александр и дочь Ирина, внучка Полина и внук Никита, оба школьники. Много снимков о путешествиях. Париж с Версалем, Эйфелевой башней и прогулкой по реке Сене; Берлин с рейхстагом и Трептов-парком; Брюссель, Амстердам., Люксембург, Варшава, Прага – впечатления и память... И вновь родной Качканар: работа и отдых, праздники и будни. И творчество.

Так сколько пройдено дорог? И сколько еще предстоит пройти? Жизнь продолжается, дорога зовет вперед.

И Танюша идет дальше...

Чувствовать, что ты нужен

Это важно в любом возрасте

Вот и сентябрь. Прекрасный осенний месяц – с урожаем и цветами, с белыми бантами и звонкими голосами, с ожившими классами и школьными коридорами, с Днем знаний. А за ним уж спешит октябрь со своими праздниками: Днем пожилого человека и Днем учителя. Осень. Над городом кружатся желтые листья, а меня одолевают осенние чувства и мысли.

А не написать ли о пожилом человеке? Сколько их у нас, простых и великих, которые принесли в уральскую тайгу свою юность, возвели здесь могучий комбинат, построили город и связали с ним свою жизнь! Достоинно жили и стали пожилыми. Да

и те, кто родился вместе с Качканаром, тоже уже не маленькие девочки и мальчики. Выбор у меня – большой.

А рассказать решила об одном Иване. Потому что на Иванах Русская земля держится. Потому что давно знаю этого удивительного человека. И потому, что он действительно пожилой: 13 сентября ему исполнился 81 год. Итак, слушайте, особенно – детки, школьники.

Ваня

Есть в Кировской области, на берегу реки Вятки, город Халтурин. Но в детстве Ваня не видел ни этого районного города, ни этой большой реки, потому что родился и рос он в маленькой деревушке Курицыно, где было всего двадцать семь домов и протекала небольшая речка.

Родители Вани: Василий Акимович и Лидия Алексеевна Ковязины – были колхозниками. Папа – работающий и строгий, справедливый и мудрый. Мама – добрая и щедрая, заботливая и терпеливая. Детей в семье – шестеро, Ваня – второй. Вместе с сестрой Фаиной заботился он о младших сестрах и брате, всегда чувствовал себя взрослым и хотел быть похожим на отца. Достаток семьи был небольшой, но на судьбу не жаловались, жили дружно и ждали лучшего.

А тут началась война. Почти все мужчины из деревни ушли на фронт. Василия Акимовича призвали в трудовую армию, и старшим мужичком в доме остался Ваня. Вместе с деревенскими ребятами он помогал колхозникам как мог и насколько хватало силенок. Вместе с взрослыми ждал известий с фронта. Война идет уже два года. А Ване в школу пора.

В поход за знаниями собирался охотно. Да сборы-то и невелики: старенькая, в заплатках, но чистая одежонка; на ногах лапти, а за плечами сшитая мамой холщовая сумка. Два километра до деревни Мокерово, где была школа, преодолевал без труда. Окончил два класса, а на третий год пошел в деревню

Шадричи, где жила бабушка. Деревня тоже небольшая, но начальная школа там была. Ведь в те нелегкие времена (в отличие от нынешних) даже мысли не возникало, чтобы закрыть, ликвидировать эти маленькие школы. Учебников не хватало, вместо тетрадей писали на старых книгах и брошюрах, на газетах – но учились охотно; старательно макали в чернила ручку с пером и постигали грамоту. Потом в школьной жизни Вани были сёла Криновица и Русаново, где он получил семилетнее и среднее образование. Зимой – в школе, а летом – в колхозе: пахал, боронил и сеял, косил траву, заготавливал сено – знал всю деревенскую работу. И делал всё по-крестьянски основательно.

Наконец, война закончилась. В 1947 году отец вернулся домой, и жизнь продолжалась, вся в трудах и заботах, в планах на завтрашний день.

Иван

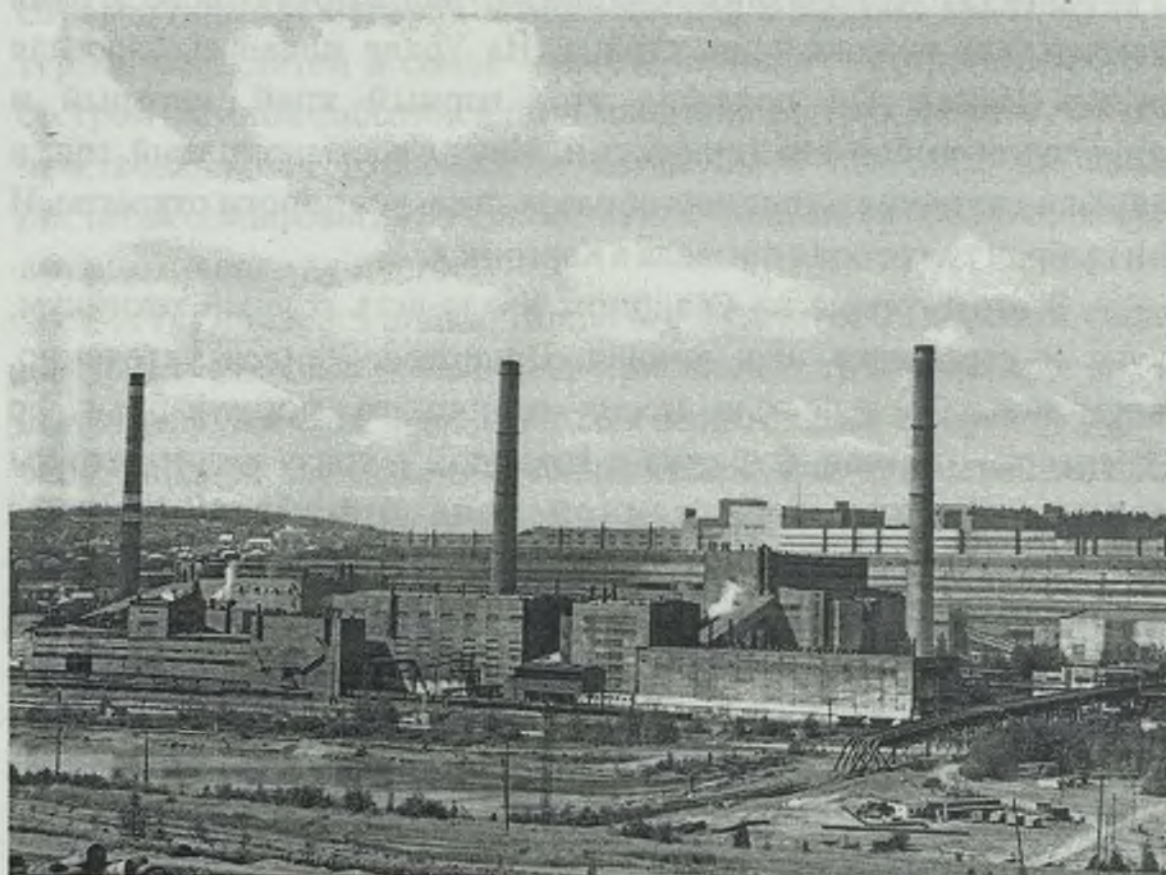
В 1953 году Ковязины поехали на Урал, в Новую Лялю. И Ваня увидел, как велика наша страна. На Урале началась взрослая жизнь Ивана. Он полюбил этот горный край, который и определил выбор его профессии. Ивану восемнадцатый год, в кармане аттестат о среднем образовании, все дороги открыты. И он выбрал ту, которая привела в Карпинск.

В этом городе на Северном Урале есть горный техникум, куда и стремился наш юноша. Поступил. Учился увлеченно, вдумчиво. С гордостью носил горняцкую форму: брюки с лампасами, китель, фуражка с кокардой – сразу видно, что ты горняк. За два с половиной года приобрел прочные теоретические знания и первые практические навыки, познал тяготы и радости студенческой жизни. Оба года: 1955-й и 1956-й – практику проходил в угольных карьерах Башкирии. На этом материале подготовил и успешно защитил диплом – и вот вам новоиспеченный горный техник угольной промышленности.

А дальше? А дальше – куда Родина пошлет. Хорошее было

время: Родина давала тебе образование и обеспечивала тебя работой. И ты отправлялся туда, где был нужен. Горный техник Иван Ковязин был направлен в Липецкую область, в Задонский район. Главная река там – Дон, с севера на юг течет она через всю область. И на самом берегу расположено большое село Донское. Иван, конечно, не знал, что в этом селе живет Аннушка Бушмина, статная красавица и мастерица, повар сельской столовой. Да и она не подозревала, что есть на свете Иван Ковязин. Но встретились однажды – и на всю жизнь. Стали жить-поживать да дочку-первенца поднимать.

А в это время на Урале поднимался горно-обогатительный комбинат и вырастал юный город Качканар, о котором уже знала вся Советская страна. И Иван с Анной решили отправиться в Качканар вместе с дочкой Ниной и 80-летней матерью. Поехал с ними и брат Ани – Алексей Бушмин. И вот снова Иван на Урале, в рабочем поселке строителей и горняков. Был 1963 год.

Иван Васильевич

– Пришли мы с Алексеем на аглофабрику, к начальнику Красноселову, – вспоминает Иван Васильевич. – Встретили нас хорошо, кадры комбинату были нужны. Алексея приняли машинистом охладителя, а я три месяца работал на погрузке. А уж потом – шихтоподготовка.

Шихтоподготовка. Об этом цехе он говорит с гордостью. Этот цех для него – главный. И с ним не поспоришь. Ведь от шихты зависит качество конечной продукции комбината: агломерата и окатышей. Это как у хорошей хозяйки: чтобы выпечка получилась удачной, надо сначала приготовить тесто, знать: что и в каких дозах туда положить. А шихту готовит дозировщик, смешивая в нужных пропорциях кокс, известняк и концентрат. И тут главное – знания и чутье.

Иван Васильевич, принятый старшим дозировщиком, быстро овладел этой «кухней»: помогли крестьянская основательность и глубокие профессиональные знания. Придя сюда единожды, он верно и преданно служил шихтоподготовке. За долгие годы сменился не один начальник цеха, а Ковязин по-прежнему на своем месте. Его уважали за трудолюбие и мастерство, за принципиальность и мудрость. И называли только по имени-отчеству.

Иван Васильевич любил этот коллектив, где было много молодежи, и он готов был помочь каждому. Вспоминаю Раису Муртазовну Искакову. Она с дипломом инженера-обогапителя пришла в цех в 1970 году и стала дозировщиком. Рядом с Иваном Васильевичем успешно освоила производство, стала старшим дозировщиком, через год – мастером, а еще через год – начальником смены. И это было уникально: никогда еще женщины не работали дозировщиками, а уж тем более начальниками смены. Искакова была первая, единственная, неповторимая. Иван Васильевич с гордостью вспоминает об этом.

А еще о том, что, когда в стране и на комбинате развернулось комсомольско-молодежное движение, то именно в цехе шихтоподготовки был создан комсомольско-молодежный коллектив, и это была бригада Искаковой.

На этом настоял начальник цеха Михаил Бабич, которого Раиса Муртазовна называет своим наставником.

Выбор начальника цеха был не случайным: большинство в смене Искаковой составляла молодежь. Бригада была сильна своей сплоченностью, жила и работала по принципу: один – за всех, все – за одного. А звание комсомольско-молодежного налагало на коллектив повышенную ответственность. И они старались, понимая, что от их труда зависит бесперебойное снабжение шихтой аглофабрики и фабрики окатышей. После рабочей недели часто ездили на субботники в подхоз Сигнальный, на Лайский свинооткормочный комплекс. Вечерами учились в школе рабочей молодежи. За учебой Раиса Муртазовна следила четко. Самым молодым уделяла особое внимание, как обычно и бывает в большой и дружной семье.

И главным советчиком был неугомонный Иван Васильевич Ковязин – лучший старший дозировщик во все времена, как о нем говорили.

Этот неугомонный труженик награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета». В 1995 году он достиг пенсионного возраста, но еще в течение семи лет продолжал работать как незаменимый и нужный производству человек.

– Это очень важно, – говорит он, – чувствовать, что ты нужен.

Неугомонный

Вы видели, как бодро шагает он по стадиону? Большими кругами, огибая трибуны, в хорошем темпе – пять, десять, двенадцать кругов и более. Зимой, чтобы не сбиться со счета, отпечатывает на снегу свои следы – и те ровной шеренгой

выстраиваются на сугробе. И так он шагает почти четыре десятка лет. Убежденно говорит: «Давно известно, что движение – это жизнь, это здоровье». А с чего началось?

Мы знаем, что в середине 70-х годов в Качканаре были построены Дворец спорта и стадион «Горняк».

– А наш высотный дом – рядом со стадионом, – рассказывает Иван Васильевич. – И окна моей квартиры (которую комбинат дал мне вне очереди) смотрят прямо на стадион. Я видел, как он строился, каким праздничным было его открытие. А потом заметил, что каждое утро спортсмены да и просто любители нарезают по стадиону круги – кто бегом, а кто шагом. И подумал: «А я чем хуже?»

Он оказался не хуже, а лучше тех, чей энтузиазм быстро угас. Иван Васильевич не бросает начатое, хотя и темп с годами поубавился, и приходится порой звать на помощь тросточку. Но он не сдаётся, оставаясь верным устоявшемуся ритму его пенсионной жизни.

– Встаю я рано, в полпятого или в пять. Сорок минут длится зарядка, тридцать раз отжимаюсь, делаю массаж. Передохнул – готовлю завтрак. С голодным желудком на стадион не хожу.

И дальше знакомый ему круговой маршрут – тело и душа готовы к дневным заботам, давление всегда в норме.

А вы видели, как Иван Васильевич шагает на улицу Пушкинскую, где у него дом с участком, который он зовет фазендой? Вы видели, как неутомимо трудится он на земле? Конечно, устает. Но усталость скрашивается богатым урожаем: картошка, огурцы и помидоры, клубника, смородина и малина, всякая зелень и прочее. И много цветов. И расставаться с «фазендой» не собирается: это не в его характере.

Он умеет хранить верность: Качканару, комбинату, цеху шихтоподготовки и, конечно же, своей избраннице Аннушке. Давно и дружно идут по жизни Анна Ивановна и Иван Васильевич, уж далеко позади их золотая свадьба. А в 2009 году,

когда супруге исполнилось 70 лет, Ковязины обвенчались. Простые, скромные люди, немало повидавшие на своем веку, они и в пожилом возрасте умеют радоваться жизни. У них взрослые дочери и взрослые внуки... И единственная пока правнучка Стефания, которая нынче пошла в первый класс. С ясным блеском в глазах и теплотой в голосе говорят о них Ковязины и счастливы, что нужны детям, а дети нужны им.

У Стефании всё впереди. Другой век, другая жизнь, прекрасные возможности. Пусть же будет счастливым ее путь к знаниям, к высоким целям! Главное – чтобы в жизнь девочки не ворвалась война, страшная, бесчеловечная война, омрачившая школьное детство Вани Ковязина.

2016 год

Простой счастливым человек

Человек необычайно скромный, он никак не хотел, чтобы я о нем писала. Но после долгих сомнений и раздумий согласился. И рассуждал так:

– Писать обо мне вроде бы и нечего. Я обычный, простой качканарец. Почти 55 лет отработал на производстве и ничего особенного не совершил. Я не собирал стадионы воздыхателей, не покупал дорогие особняки с золотыми стульчаками в туалете, не вел телепередачу «Дом-2»...

Четыре года строил я Качканарский ГОК, а потом более тридцати лет трудился на этом предприятии в качестве высококвалифицированного рабочего и руководителя среднего звена. Сейчас задумался. Так что же я наработал за тридцать три года на комбинате?.. Результаты меня удивили. За это время мой горно-обогатительный комбинат переработал не менее полутора миллиардов тонн руды. Путем несложных арифметических

действий получается, что из нашей продукции произведено не менее миллиона тонн высококачественной ванадиевой стали на каждого работника ГОКа. Сколько же машин и механизмов изготовлено из этой стали!.. Так что, думаю, мы для государства сделали не меньше, чем, к примеру, певцы и музыканты...

Вот так рассуждал этот простой человек, гордый своей принадлежностью к родному предприятию, городу и государству. А еще он причастен к нашему литературному объединению «Лукоморье» и уже более тридцати лет активно участвует в культурной жизни Качканара...

Так кто же он такой и откуда взялся?

О предках

Это Владислав Анатольевич Карманович. О своем генеалогическом древе он рассказал в одной из своих поэм. Поэма большая, как и сама жизнь с непростыми человеческими судьбами. Давайте прочитаем хотя бы несколько строк.

*После отмены крепостного права
Добрался мой прадед до Урала.
Здесь, на заимке возле Кушвы-речки,
Изготавливал он фосфорные спички...
Недоучёл. Ведь фосфор не забава.
Не уберёгся, как с ним ни лукавил –
Тридцать восьмой не дожил год,
Оставил четверых сирот.
А из сирот был старшим дед.
И вот с четырнадцати лет
Уж как заправский коногон
Руду возил на домну он.
При нэпе торговать прельстился –
Потом за это поплатился.
Другой мой прадед – белорус,
Переселенец... Как попал на Русь?*

*В начале века отруба давали –
Так появился прадед на Урале..
А сын его был красный партизан...*

Строчка за строчкой, строфа за строфой – пишет Владислав о своих предках, которые познали капитализм и власть Советов, радость победы и боль предательства, аресты и тюрьмы. С гордостью говорит он о бабушке (по материнской линии), которая была из семьи потомственных сталеваров города Кушвы.

Особый разговор в поэме – о Великой Отечественной войне, о героизме и потерях. Погиб дядя Степа, командир зенитной роты. Доброволец дядя Вася, которому не исполнилось и восемнадцать, «в Уральский танковый пошел в сорок втором – и похоронен под Орлом». А дядя Миша был «с границы раненым погружен в эшелон» и погиб вместе с эшелоном.

*Мой тесть – солдат саперной роты.
До свадьбы дочерей он тоже не дожил:
Он в сорок пятом на Зееловских высотах
Под танком голову сложил.*

Едва не сложил голову на войне и отец Владислава, Анатолий Петрович.

О родителях – особый сказ.

Мама Евгения Алексеевна, из семьи потомственных сталеваров, и папа Анатолий Петрович, из семьи белорусов-переселенцев, – оба стали учителями. Образованные, интеллигентные, они вырастили троих сыновей и дочь. Владислав, старший из детей, вспоминает, какой любовью сельских школьников пользовались его родители: деликатная, добрая и требовательная учительница начальных классов Евгения Алексеевна и строгий математик Анатолий Петрович, который почти каждое лето проводил с ребятами в пионерском лагере и очень любил шахматы.

– Да и дома у нас постоянно проходили баталии на шахматной доске. В шашках первенство держала мама, а в

шахматах трудно было тягаться с Евгением, – рассказывает Владислав Анатольевич.

С большой теплотой говорит он о родителях, о семье, в которой вырос. О себе же рассказ нередко ведет в критических тонах.

О себе

– Учился я не шатко и не валко. Мама и папа работали в сельской семилетке, а я жил у бабушки в Кушве и учился в средней школе. И вот без родительского присмотра заработал по химии на осень.

Дело в том, что мы с учительницей не нашли общего языка, и когда она вызывала меня отвечать, я просто молчал. И, конечно, за все четверти мне были поставлены «двойки». На осеннем экзамене я взял билет и сразу, без подготовки стал отвечать. До сих пор помню удивленные глаза учительницы. Не поверила она в мои отличные знания и предложила взять еще один билет.

И снова я ответил без подготовки. «Так что же ты весь год мне мозги компостировал?» – радостно возмутилась учительница и поставила «пятерку». Эта отметка и пошла в аттестат..

После школы я поступал в Свердловский горный институт, но не прошел по конкурсу. Приехал в Верхнюю Туру к родителям и устроился на завод (почтовый ящик №1) слесарем-лекальщиком. Эта специальность пригодились мне на всю жизнь. После двухлетнего трудового стажа поступить в институт (без конкурса) было легче. Но я сел в десятый класс вечерней школы, чтобы знания мои не заржавели. В 1956 году поступил в институт, набрав даже больше баллов, чем требовалось по конкурсу. Учился с интересом, занимался спортом. А в конце 1957 года заболел – пришлось взять академический отпуск.

Снова работал – мотористом, землекопом, бетонщиком. Вернулся в институт, на второй курс. Но умудрился завалить

теоретическую механику – остался без стипендии. Родители помогать мне не могли. У них, кроме меня, было еще трое детей. Последний братишка только что родился. Средний брат Евгений учился в Нижнетагильском горно-металлургическом техникуме и тоже в тот момент без стипендии, хотя в дальнейшем получал только повышенную.

В это время уже на всю страну гремела ударная комсомольская стройка. И по комсомольской путевке поехал я осваивать Качканар.

В Качканаре

Четыре года, как уже признался наш герой, он строил горно-обогатительный комбинат. Давайте вместе с ним вернемся ненадолго в те строительные годы, когда в его судьбу нередко вмешивался случай.

В мае 1959 года Владислава приняли в трест «Уралспецстрой» на строительство котлована под корпус крупного дробления. Правда, трест направлял его в механические мастерские на Валериановске. Начальник мастерских решил принять его бригадиром слесарей. Но в это время к нему зашел прораб с карьера корпуса крупного дробления.

– Выручай, – говорит. – Мне нужен толковый парень, который разбирается в электричестве. Надо обслуживать несколько прожекторов для освещения карьера. Да чтобы он еще разбирался в бензиновом движке, который крутит динамо, чтобы подавать ток в эти прожекторы...

После короткой беседы выяснилось, что новый молодой кадр как раз то, что было нужно прорабу.

– Спасибо, выручил! – сказал он начальнику мастерских. – Давай-ка оформим мы тебя по высокому, шестому разряду, – обратился он к Владиславу. – Не возражаешь?..

Владислав возражать не стал: работа была ему понятна и знакома. Работал он тут до глубокой осени. Потом карьер

перевели на стационарное освещение, а Владиславу предложили перейти в электрики.

Но опять вмешался случай в лице мастера бурового участка Володи. Смирнова.

– Мне нужен этот парень, – сказал он. – У меня нет помощника машиниста на буровом станке.

Помощником Владислав был недолго. Травмировался машинист бурстанка – и машинистом стал Карманович. А в помощники ему дали брата Евгения, который к тому времени окончил техникум. Работали дружно и слаженно, с присущим всем Кармановичам чувством ответственности.

А время шло, приближая новый поворот в трудовой биографии Владислава. Геодезисту бурового участка надо было ехать на защиту диплома. Кем заменить его? Ну, конечно же, безотказным Кармановичем. И, конечно же, Владислав не возражал, тем более что с геодезией он хорошо был знаком. Будучи студентом-очником, он с интересом изучал ее теоретически, а во время геодезической практики – основательно.

Он знал, что эта интересная работа очень ответственна, но даже не предполагал, сколько она потребует нервов и душевных страданий, Это он почувствовал в Качканаре. До сих пор не забыл Владислав Анатольевич, как прокладывали трубы под железнодорожные пути за плотиной и как вели водопровод от напорных баков к переулку Советскому. Как завершённую работу проверяла усомнившаяся комиссия из маркшейдерского отдела. Снова рыли, копали, делали съёмку – оказалось: все правильно.

– А какая трепка нервов! – вздыхает мой собеседник. – Все подозрения с меня были сняты. А какой осадок на душе!

Он утешал себя тем, что в каждой работе есть свои издержки. Он был благодарен его величеству Случаю, который дал ему возможность освоить многие профессии и сделал умелыми его рабочие руки.. И теперь, подчиняясь не случаю, а

собственной воле, Владислав поступил на курсы сепараторщиков: в ту пору уже готовили кадры для комбината. А на заочном отделении горного института он выбрал специальность технолога.

Курсы сепараторщиков он окончил в 1963 году – и с тех пор вся жизнь Владислава Анатольевича связана с Качканарским горно-обогатительным комбинатом, где он прошел путь от рабочего до руководителя среднего звена. Отлично знающий производство, Карманович был хорошим руководителем. Подробно об этом говорить не будем, а расскажем лучше о его партийной работе.

Партийный секретарь

– Избрали меня заместителем секретаря партийной организации обогатительной фабрики. На этой должности я ничего интересного не испытал, – признается Владислав Анатольевич. – Но совсем другое дело, когда мне пришлось стать секретарем парторганизации. Пришлось потому, что нашему бессменному секретарю Зикрачу была сделана серьезная операция и он надолго выбыл из строя. И вот тогда я понял, что такое партийная организация и как много от нее зависит: и настроение всего коллектива, и даже отношение руководства предприятия к своим обязанностям.

Начал Карманович с того, что регулярно бывал в бригадах, на раскомандировках, знакомился с рабочей обстановкой, с состоянием дел; спрашивал, что в данный момент беспокоит людей больше всего. Поначалу рабочие отшучивались, не воспринимая его визиты всерьез. Но когда заметили изменения к лучшему – поняли, что эти посещения не ради «галочки», и уже стали ждать очередного прихода партийного секретаря, высказывать претензии и предложения. Вот лишь два примера.

Чтобы уехать с обогатительной фабрики в город, нужно было спуститься к аглофабрике или окатышам. Автобусной

остановки у обогащения не было: сделать ее тут, как заявляла ГАИ, запрещают правила. Этот вопрос Карманович вынес на партийное собрание фабрики. В постановлении отразили просьбу трудящихся: если нельзя сделать остановку на основной дороге, то пусть автобусы заезжают к обогащению и останавливаются у столовой. С этим постановлением Владислав Анатольевич вышел на партийную оперативку комбината. Там ответили отказом, сославшись на ГАИ.

– На следующей оперативке я снова заявил, что трудящиеся, в том числе 104 коммуниста обогатительной фабрики, требуют исполнения постановления партийного собрания. Об этом же пришлось мне сообщить и в третий раз. И остановка для обогатителей появилась, и никуда автобусам не надо было заезжать. Эта остановка на основной дороге существует и сейчас.

Далее. Много рабочих фабрики жили на улице Октябрьской и на Первомайке. Ходить на работу им было удобнее и короче через низину, через гаражи. Правда, «удобней» – не то слово. Дорога там (а точнее – дорожка) была никудышная и неосвещенная – проблемная, особенно зимой и весной.

Узнав об этом от рабочих, Карманович вновь пустил в ход свой партийный локомотив. «Осветить дорогу, ведущую на фабрику с Первомайки» – это постановление он опять двигал в высшие партийные инстанции комбината, двигал до тех пор, пока голос рабочих не был услышан. ГОК заасфальтировал дорожку. А освещение пришлось делать силами обогатительной фабрики, что не очень-то понравилось ее начальнику. Но дело было сделано – и люди долго благодарили Владислава Анатольевича за его настойчивость.

Таков он всегда, добросовестный, ответственный, настойчивый. И в ранге пенсионера он еще много лет верно служил своему предприятию. Безотказный, как в молодости, шел туда, где был нужен: в насосное ли отделение, маслостанцию, в вакуум-насосную, в операторскую – хоть куда. Ему помогали

многолетний опыт и доскональное знание родной обогатительной фабрики.

А еще надежным помощником в жизни Владислава Анатольевича была его жена Зинаида Павловна Карманович

Жена

– Поженились мы в 1959 году, когда Зина училась на последнем курсе Верхнетуринского механического техникума. Поженились, и Зина отправилась на преддипломную практику на Уралмаш, а я ждать ее – в Качканар. Весной 1960-го сюда приехала и Зина: как замужняя – со свободным дипломом, без направления на конкретное предприятие, – рассказывает Владислав Анатольевич. – Я в то время работал в «Уралспецстрое» геодезистом – и Зину приняли на соседний участок, речницей к геодезисту Киму Мелехину. Уже тогда она удивляла всех своей феноменальной памятью: Зина знала наизусть шестизначные отметки всех реперов, которыми они пользовались.

В тайге вырастал рабочий поселок. Прорубленная в лесу тропинка, «визира», как ее называли, станет потом улицей Магистральной (Свердлова). А пока главной улицей была Октябрьская. И здесь, в доме №13, Кармановичи получили комнату – десять квадратных метров семейного счастья. А вскоре их счастье уже агукало, улыбалось и смотрело на мир пытливыми глазками первенца Маринки. Дочка подрастала и крепла.

Создавалась и крепла и ремонтная база горно-обогатительного комбината. В 1962 году Зина пошла работать в механические мастерские на Валериановске, которые и дали начало заводу по ремонту горного оборудования. Этому заводу, который потом назовут «Металлист», Зинаида Павловна отдала сорок лет плодотворного труда. Контролер ОТК, экономист цеха, мастер ремонтно-механического цеха, инженер планово-распределительного отдела, старший инженер производственного отдела – прошла все ступени. Все знала и все умела. Ее тоже

знали все и считали на заводе незаменимой.

Зинаида Павловна помогала решать не только производственные вопросы. К ней шли за советом и в сложных житейских ситуациях. Знали: терпеливая, доброжелательная, мудрая, она никому не откажет. А кто первым навестит больного? Зинаида Павловна. Недаром именно ее избрали страховым делегатом. Кто никогда не забудет поздравить с днем рождения или другим важным событием? Конечно, она. И для этого мало обладать феноменальной памятью – надо еще иметь чуткое сердце и большую, щедрую душу.

Ни души своей, ни времени не жалела она для людей и для общественной работы: была заместителем председателя цехкома, членом группы народного контроля управления. А если субботник или поездка в подхоз – и тут эта энергичная женщина была заводилой и запевалой.

Любили Зинаиду Павловну в трудовом коллективе, а муж ею очень гордился.

– Это ей дали однокомнатную квартиру, это ей дали и двухкомнатную. А трехкомнатную квартиру получал уже я, – рассказывает Владислав Анатольевич. – Все хорошо. У нас растут дочь и сын. Прекрасная, уважаемая всеми жена. Закончен горный институт. Семья твердо встала на ноги... Теперь можно позаботиться и о душе. А душа просит описать мир так, как она его чувствует...

Так у Кармановича появляются стихи – о жене и детях, о друзьях и знакомых, о природе и политике. Хорошая работа, хорошая семья, хорошие стихи. И это – надолго. В итоге – двое детей, восемь внуков, пять правнуков (поджидают шестого) и единственная на всю жизнь любимая женщина, вместе с которой уже шестой десяток лет.

– Все мы: три брата и сестра – имеем высшее образование; все, выпускники Свердловского горного института, много лет отдали Качканарскому ГОКу.

Владислав Анатольевич с гордостью говорит о своей большой родне, об отце и матери. О комбинате, Качканаре, России. О нашей большой и беспокойной планете. О дорогих ему нравственных ценностях и простом человеческом счастье.

Одно из стихотворений Владислава Анатольевича, написанное в 2006 году, так и называется – «Счастливым».

Вот чистый лист передо мною.

«Начни-ка, – шепчет, – тему предложи».

Лист ждет, что снова я занюю

И буду плакаться на жизнь.

Однако автор не плачется. Окинув взором всю свою жизнь, он признается, что в ней

Дни черные, бывает, попадают,

Но светлые преобладают –

И жизнь моя, выходит, неплохая.

Могу вам привести примеров кучу

И про плохое, и про лучшее.

К плохому он готов отнести лишь здоровье. А лучшее в жизни – это его большая родня и дружная семья.

Счастливым я своей семьей:

Ведь восемь внуков и двух правнуков имею –

Выходит, десять раз в году

На дни рождения иду.

И даже чаще! Не дадут соврать

Моих два брата и сестра.

У них частенько я бываю

И про своих детей не забываю.

А самые счастливые мгновенья –

У мамы побывать на дне рожденья.

Давно моя седая голова.

А маме... маме девяносто два!

И так бывает каждый год:

Меня с женою кто-то в гости ждет....

*Еще бывают у меня счастливые мгновенья,
 Когда я напишу стихотворенье.
 Выходит, жизнь моя чего-то стоит,
 И обижаться на нее не стоит.*

Свою жизнь он делал сам. Строить крупнейший в стране горно-обогатительный комбинат, потом работать на нем с полной отдачей знаний и сил; всегда быть в гуще событий и вместе с людьми; иметь любимую и любящую жену; вырастить достойных детей, радоваться внукам и правнукам – разве не в этом простое человеческое счастье?

А для человека вдохновенного оно дополняется еще и счастьем творить.

О творчестве

Выросший в интеллигентной семье, Владислав рано пристрастился к книгам. Читал он с удовольствием и много. И очень нравились ему стихи. Папа, Анатолий Петрович, тоже писал стихи и читал их детям. Вслед за отцом и сын занялся сочинительством. Было так интересно искать и находить удачную рифму и порою вступать в творческий спор с папой.

Юный автор даже послал свои стихи в «Пионерскую правду», откуда получил очень доброжелательный ответ: Владислава похвалили и покритиковали. Он понял, что стихи его еще не совершенны. Но творческого вдохновения не убавилось.

Очень рано обратился Владислав к русским и зарубежным классикам. Джек Лондон и Эмиль Золя, Анри Бейль (Стендаль) и Мопассан, Мольер и Шекспир стали его друзьями и собеседниками. Трудно было поверить, что мальчишка в состоянии осилить и понять крупные прозаические произведения. Однажды в селе Таборы, где после инвалидности работал отец (это его родина), Владислав принес сдавать в библиотеку очередную книгу из многотомной серии романов Эмиля Золя «Ругон-Маккары».

– Библиотекарша критически посмотрела на меня и попросила рассказать о содержании романа. Я с удовольствием стал рассказывать. После этого она без всяких вопросов выдавала мне любую книгу, – вспоминает Владислав Анатольевич свое славное детство.

А вот воспоминания из студенческой жизни. Майор, который вел занятия на военной кафедре в институте, предложил однажды студентам сделать очередной номер стенгазеты в стихах.

– На следующей неделе у нас полевые занятия, бег в противогазах. Тех, кто напишет хорошие стихи, от занятий освобождаю, – сказал майор. – Желающие «стихотворцы» есть?

Руки подняли пять человек. Карманович немного подумал и тоже поднял руку.

А через несколько дней, анализируя сочинения, майор сказал:

– Вот это именно то, о чем я мечтал, давая задание! – и похвалил стихи Владислава, которые оказались лучшими.

С тех пор наш стихотворец почти не расставался с сочинительством. Чуткий к слову, хорошо знающий людей, обладающий чувством юмора, он посвятил немало поэтических строк друзьям и знакомым, коллегам по обогатительной фабрике. Его стихи, добрые, порой шутливые о людях или сердитые, с перчиком о проблемах производства часто появлялись и в стенгазете фабрики.

Неравнодушный к проблемам города и его людям, Владислав Анатольевич внимательно читал газету «Качканарский рабочий», где, кстати, регулярно выходила литературная страница. Интерес к местным авторам, любовь к поэтическому слову привели его однажды в нашу творческую семью, имя которой – «Лукоморье».

И я рада представить читателям этого автора.

Из крупных поэтических форм хочется назвать поэму

«О поездке на целину» и поэму «Память», отрывки из которой публиковались на «лукоморской» странице. Владислав Анатольевич написал более тридцати басен (этот жанр он очень любит) и сотни стихотворений. Давайте почитаем некоторые из них. Вот воспоминания детства.

О войне

Не пели надо мной шрапнели
И мины никогда не выли.
Но ад войны мы, пацаны, понять сумели,
Хотя в тылу глубоком были.
Ходил я на работу к маме
В уральский госпиталь военный.
Меня встречали оживленно
Калеки с грустными глазами.
Истосковавшись по своим детишкам,
Они меня уж баловали слишком:
Кто даст сухарь, кто хлеба с маслом,
А кое-кто расскажет сказку...
А иногда за окнами звенели
И рвали душу звуки траурного марша,
И все туда попасть хотели:
Там хоронили умиравших.
И все ходячие больные
В халатах пестрых и кальсонах
Шагали в траурной колонне,
Как будто друга иль родного хоронили.
Я тоже с ними шел пешком
И без конца глотая в горле ком.
В пять лет я знал уже немало
Войну. В ней горе, ненависть и жалость.
Война – калеки, слезы жен и матерей.
Война – болезни, голод, обелиски,
Невозвратимая потеря близких...
Скорей бы кончилась! Скорей!

Немало строк написано В.Кармановичем о войне и ветеранах, о наших мальчиках, погибших в Афганистане и Чечне, о людских страданиях и потерях, о героизме и Победе.

В истории в любые времена

Безмерно горе от огня.

Так начинается стихотворение «Огонь», в котором автор вспоминает Чингисхана, Тамерлана и Гитлера, Вьетнам, Гернику и Хиросиму, горящие башни Нью-Йорка, Иран и Ирак, и даже пожары минувшего лета.

Но есть, друзья, другой огонь,

Я всей душою за него

(Пусть жгут его политики и дети) –

Огонь любви к родной планете.

Я рад тебе,

Огонь сердец влюбленных;

Тебе,

Который для озябших, утомленных;

Огонь Кремлевских звезд,

Огонь Олимпиады

И в память Неизвестному солдату!

Поэт против огня ненависти и злобы, от которого страдает наша планета Он за мирный, созидательный труд, за право человека быть счастливым. Так велит его поэтическое сердце. А разум подсказывает, что человек в ответе за тех, кто рядом. Вот так, очень коротко, пишет Владислав Анатольевич о смысле жизни:

Смысл жизни?

Каверзный вопрос.

Ты дышишь –

Значит, ты живешь.

И смысл всей жизни:

Не отравляй дыханье ближним.

Какое это счастье – просто дышать и чувствовать себя частью природы! Лирическая душа поэта чутко слышит дыханье

природы. Давайте вместе с автором войдем в апрельскую ночь и прислушаемся.

Сонет

*Ночь. Апрель. Такое с вами было?..
 Позабыв про все, покинешь дом;
 Ощущаешь, будто зацепила
 И тебя весна своим крылом.
 Бродишь ты, сливаясь с ночью поздней;
 Млечный Путь в бездонное уводит...
 Ты уже паришь, и весь ты – в звездах.
 Медленно скользя, звезда упала,
 Ветерок беспутный рядом бродит,
 Нежно его тело приласкало...
 Позабыв про ласки эти,,
 Упорхнул куда-то ветерок к рассвету
 И в ветвях прошелестел при этом:
 «Тише. Слышишь? Недалеко лето».*

Всем временам года находится место в сердце поэта и в его строчках. А строки и поэтические образы очень разные: лирические и сатирические, серьезные и шутливые, восторженные и грустные – и все они отражают мироощущение Кармановича, его богатый душевный мир и особый, порою ироничный взгляд на вещи. Вот, к примеру, его стихотворение

Она

*Она за ночь наморосилась,
 Была прозрачна и кругла слегка
 И отражала облака –
 Гордилась!
 Но тут проехало авто,
 Облив прохожему пальто –
 Смутилась.
 Вот, наконец, и солнца шар –
 Она была так хороша!
 Вся засияла, засветилась,*

Как будто в ней была душа...

И испарилась.

Я прочитал стихи жене –

О ужас!

Она сказала: «Это – о луне».

А я писал... о луже.

Жена – его друг, советчик и критик; их дети, внуки и правнуки – все это источник жизненной силы и творческого вдохновения Владислава Анатольевича, его большая любовь, делающая человека счастливым. В минуты откровения он признается чистому листу бумаги:

Бывает, сетую на жизнь я иногда:

В карьере, мол, вершины не добился,

С достатком маялся прошедшие года...

Но счастлив: вовремя влюбился –

И навсегда.

Через всю жизнь несет мой герой это великое чувство: к любимой женщине, к своей большой семье, к нашему маленькому уральскому городу, к нашей большой Родине.

Качканару, где прошли его самые плодотворные годы, Карманович посвятил немало поэтических строк. Вот одно из таких стихотворений.

Качканарский май

В шоколадной дымке горы;

От березок и осин

Опускается на город

Неба солнечная синь.

Ветерок, южанин резвый,

Шелестит среди берез,

Он купавок запах нежный

С Именновского принес.

Чист и вкусен сок березовый,

Тонок хвои аромат,

Ну, а зори нежно-розовые
Слиться так и нороят.
По дороге к комбинату
Вербы в праздничных нарядах,
И ольха, и липа вместе,
И черемуха-невеста –
Под ее фатою белой
Безмятежно, громко, смело,
Радуя сердца людей,
Распеваёт соловей.
Заворожен, словно сказкою,
Главной улицей идешь,
До утра здесь качканарская
Гуляет молодежь.
Лица всех от счастья светятся,
А в груди пылает жар...
Вот в таком прекрасном месяце
Иродился Качканар.

И вновь май. И нынче, в 2017-м, в этом прекрасном месяце Качканар встречает свое 60-летие. А Владислав Анатольевич встречает свою юбилейную весну: в апреле ему – восемьдесят!

Пожелаем Качканару побольше таких преданных людей-созидателей, как Владислав Карманович. А нашему юбиляру – физического и душевного здоровья, новых вдохновенных строк, семейного благополучия и прежней влюбленности в жизнь. Простого человеческого счастья!

Спасибо, жизнь, что ты была!

Евгения Федоровна Туманова. Поэт, прозаик, сказочник. Ей 84 года, она прикована к постели. А голос молодой, взгляд добрый, настроение бодрое, мысли ясные и оптимистичные. Решила я рассказать о ней. Но долго не знала, с чего начать. Читала ее стихи и рассказы, сказки и притчи, ее размышления о жизни и мире. И нашла строки, с которых, думаю, и должно начаться повествование. Вдумайтесь в них.

«Самое большое преступление перед обществом – небрежное отношение к своей собственной жизни: нераскрытые способности, нереализованные возможности, неразвившаяся душа... Всё твое – это и общее тоже». А вот из стихов:

*Божий мир. Он вечно молодой.
Старости мир Божий не приемлет,
Каждый день на прочность он проверит
Силу – волю красоты земной.*

С раннего детства судьба проверяла эту женщину на прочность. Но Евгения Федоровна не сдавалась и в упорной борьбе с недугом смогла реализовать данные ей возможности, развить свои способности – и открыть миру свою большую душу...

Давайте же обратимся к истокам этой сильной личности.

Жили-поживали Федор и Екатерина Парахины. Добрые, дружные, чадолюбивые. За долгую жизнь родили они девять детей. Федор Андрианович, как человек военный, мечтал о сыне. Но первенцами оказались три дочери: Клавдия, Евгения и Мария. Зато потом – один за другим три сына: Виталий, Владимир и Юрий. А дальше – Татьяна, Людмила и Сергей. Все под стать родителям: дружные, трудолюбивые, целеустремленные. Екатерина Сергеевна мужественно переносила кочевую жизнь с мужем-военным и отправлялась туда, куда его Родина пошлет.

В начале 30-х годов семья оказалась в деревне Меркушино. В этом богоугодном уголке 8 мая 1932 года и появилась на свет наша Евгения. Пройдут десятки лет – и она воспоеет этот уголок и всю Верхотурскую землю

Верхотурье мое, Верхотурье!

Дорогая, родная земля!

Пронеслась разрушительна буря –

Святость вновь осеняет тебя.

Люди, мне дорогие, здесь жили,

И когда-то по воле своей

Здесь тихонько, тайком окрестила

Меня бабушка в церкви твоей.

Бабушка действительно втайне от папы Федора окрестила в Верхотурье свою новорожденную внучку.

Девочка росла бодрая, энергичная, любознательная. А в шесть лет вдруг отказали ножки: ребенка сразил полиомиелит. В шесть лет кончилось безмятежное детство – началась упорная борьба с болезнью, которая лишила Женю возможности свободно

общаться с миром. Но не пропала в ней жажда жизни. Родители поддерживали дочку, вселяли веру – и у девочки прибавлялись силы. А сил надо много: ведь годы идут, вот уж и в школу пора.

– Однажды утром сестра Маша и ее подружки принесли меня в школу и посадили за парту. Так началась моя новая, прекрасная жизнь среди людей, – рассказывает Евгения Федоровна. – Подробностей не надо, но я никогда бы не училась, если бы не добрые люди. Как могли, они помогали мне. На санках, на коляске, просто на руках – и всегда это делали с радостью. И так было долго, так проходили годы.

Школьные ее годы прошли в селе Махнёво, куда к тому времени перевели папу. Как Женя училась – тут ни в сказке сказать, ни пером описать. Не берусь и описывать: нам все равно этого не представить. Как добиралась до школы; какими были уроки на дому; как занималась самоподготовкой; как она росла, отлично училась и активно участвовала в общественной жизни; как поддерживали и как уважали ее все школьники и учителя. Творческая, инициативная, Евгения Парахина была секретарем комсомольской организации школы.

Однажды в Махнево приехали с проверкой представители Свердловского обкома комсомола. Порадовались успехам школы. А Евгения, эта жизнерадостная, нестигаемая девушка, их просто поразила.

– Познакомились, и они предложили мне приехать в Свердловск, в институт восстановительной хирургии. Сказали, что там есть чудо-доктор, который обязательно поможет, – вспоминает Евгения Федоровна.

Потом рассказывает, что после окончания махневской средней школы она поступила в Свердловский юридический институт, где училась заочно в течение пяти лет. Училась, а также лечилась в институте восстановительной хирургии, знаменитом ВОСХИТО, у профессора Богданова, этого чудо-хирурга. Терпела

любую боль, мужественно переносила все испытания. А испытаний немало. Только в течение двух лет было сделано восемь костных операций. «Лишь бы встать, только бы подняться! Хотя бы на костыли!» – молила девушка и продолжала надеяться, не позволяя расслабиться, не делая себе никакой поблажки. Жила то в больнице, то в общежитии юридического института. Приходили преподаватели, внимательные, добрые, пораженные ее стремлением к жизни и знаниям. Помогала и поддерживала сестра Мария, студентка медицинского института.

Государственные экзамены Евгения сдавала в институте, на своих ногах. Конечно же, с костылями. Но какое это счастье – стоять на костылях! Стоять и сознавать, что ты, как и вполне здоровые люди, к 23-м годам получила высшее образование. А еще она получила возможность передвигаться с помощью костылей и потом всю жизнь преодолевать трудности, которые для других людей не существуют.

– Встала на костыли – и в Висим, – рассказывает Евгения Федоровна.

В Висиме, куда перевели папу, уже жила вся семья Парахиных. Какой это драгоценный бальзам – семья! Какое это непривычное и целебное ощущение: не на больничной койке, не в инвалидном кресле, не лежать, не сидеть, а стоять на своих ногах и видеть мир совсем по-другому. А костыли не мешают – они поддерживают как надежные и теперь уже вечные спутники, помогают двигаться и общаться с людьми. Можно работать и надо работать.

Ей предложили пройти стажировку и стать нотариусом. Но она не поехала, потому что младшие сестренки и брат были еще малы, и семья нуждалась в ее помощи. Жила домашними заботами, в окружении родных, а главное – в движении; с трудом, с болью, но в движении – непривычное и радостное ощущение. Евгения чувствовала, что родилась заново, что начинается новая жизнь.

В эту жизнь вскоре вошел и Василий Туманов, с которым вместе лечились в ВОСХИТО. Он приехал в Висим, чтобы остаться с Евгенией навсегда. Родилась новая семья. Им дали квартиру. Василий был заботливым и не мог сидеть без дела. Хромота у него, конечно, осталась, но это его не смущало и совсем ему не мешало.

– Он был столяр и плотник, рыбак и охотник, большой любитель природы и хороший фотограф, – вспоминает Евгения Федоровна. – Работящий был человек.

Да и сама Евгения Туманова не могла без работы. Она устроилась в детскую библиотеку и пять лет отдала просвещению и воспитанию маленьких висимцев. Учила их любить книгу и слово, была добрым советчиком и другом. Вместе с нею ребяташки увлеченно занимались в кукольном кружке и очень любили свою наставницу.

А ей понравилось работать с детьми, и в один из очередных отпусков она поехала в Нижний Тагил и поступила заочницей в пединститут, на филологический факультет. Знала, что будет

непросто, родные отговаривали. А папа гордился, что дочь получает второе высшее образование. Каждую сессию приезжала она в маленький домик на берегу пруда, где снимала уголок у бабы Саши. Пройдут годы – и Евгения напишет рассказ об этом домике и о бабе Саше, чей муж и два сына погибли на войне. До института недалеко, но добраться было проблемой: очень уставала, болели ноги. Но не сдавалась, хотя каждый раз во время сессии скучала по сыночку Диме, который оставался с папой.

Между тем должность библиотекаря сократили («Думаю, им нужны здоровые работники», – комментирует Евгения Федоровна). А в школе, что рядом с их домом и музеем Мамина-Сибиряка, открывались вечерние классы. И Евгении Федоровне предложили вести русский язык, литературу и историю. И следующую пятилетку отдала она вечерней школе.

А дальше на долгие годы в ее жизнь вошло село Новопаньшино.

– Как я могла? До сих пор поражаюсь. Есть квартира, есть работа – зачем куда-то ехать? Что это: авантюра или героический поступок? Может, вся жизнь моя – авантюра?.. Но ни разу не пожалела, что поехала в Новопаньшино, – говорит сейчас Евгения Федоровна.

А тогда, в 1968-м, она позвонила в Нижний Тагил, в отдел образования: «Прошу направить на работу». Потом был телефонный разговор с директором Новопаньшинской школы, который сказал, что им нужны историки. Она обрисовала свою непростую ситуацию, но это не смутило директора, он даже пообещал квартиру с паровым отоплением, что окончательно укрепило нашу «авантюристку» в принятом решении.

Сборы были недолги. Грузовая машина, кое-какой домашний скарб, четырехлетний сыночек Дима, муж Василий и охотничья собака. В качестве провожатых поехали брат Сергей и сестра Людмила, студентка Нижнетагильского пединститута.

– В Новопаньшино нас встретила стая птиц. Большие, говорливые, летают, будто приветствуют. Приветливо встретил и директор школы Александр Архипович Сиялов – молодой, современный. Очень я ему признательна – за понимание и помощь, за доброту. С благоустроенным жильем, конечно, пришлось повременить, пока не построили дома для учителей. А два двухэтажных дома с паровым отоплением действительно были, и до сих пор они стоят как памятники тогдашней глупости: отопление паровое, а удобства во дворе – проблема не только для таких жильцов, как я.

Она не жалуется. И вообще, когда Евгения Федоровна говорит об этом селе, она вся преображается, становится моложе. Вспоминает, как приехали они перед самым учебным годом, как хорошо ее встретили в школе, как сестра Люсенька 1 сентября проводила ее на первый урок и пожелала успешной работы.

Евгения Федоровна очень плавно влилась в новый коллектив, и все у нее ладилось: и с учителями, и с детьми. Уроки, классное руководство, комсомольская организация, внешкольная работа – и никаких скидок на инвалидность. Она, как всегда, не позволяла себе расслабиться. А люди удивлялись ее стойкости и очень уважали эту женщину.

– Жизнь и работа в Паньшино – самый светлый период в моей жизни, – говорит она. – Особенно первые десять лет. Потом было хуже: усилились боли, стало трудно ходить. Последние два года я работала практически на дому.

Всего этой школе Евгения Федоровна отдала пятнадцать лет, оставив о себе добрую память как о хорошем учителе, увлеченном организаторе и добром, душевном наставнике. Значок «Отличник просвещения» – официальное признание ее заслуг. А неофициальное – это букеты в День учителя, внимание людей не только в праздники, но и в будни, это добрые весточки, которые и по сей день приходят к ней из села..

Когда тело оказалось беспомощным, спасти его стали ум и сердце. Ей было уже за пятьдесят, когда Евгения Туманова занялась сочинительством.

*Что сочинительство? Потребность?
Иль роскошь сладкая души?
Труды ума? Привычке верность?
Иль вечной глупости мечты?*

Творчество стало и потребностью, и роскошью для души, которая не терпит лени и пустоты. Евгения Федоровна дружила с газетой, писала рассказы, детские сказки, затем сказки и притчи для взрослых, сценки для кукольного театра и самодеятельности и, наконец, стихи. В 2001 году вышла первая книжка – «60 человеческих лет»

*60 человеческих лет!
Это много, скажите, иль мало?
60 человеческих лет –
Это, может быть, жизни начало!*

Вторая небольшая книжечка «Наш друг Петрушка» – это сценки для кукольного театра. А в 2003 году издана солидная книга, посвященная «всем добрым людям земли Панышинской» и объединившая два сборника: «Испытание чудом» (сказки и притчи) и «Весь мир души» (стихи).

Ах, этот мир ее души! Как он богат! В нем и человек, с его радостями и бедами, и страна, с ее величием и нищетой, и планета Земля, с ее космическими и людскими проблемами; в нем – вся Вселенная.

– Сколько мыслей! Они теснятся и теснятся. Если бы я могла видеть! – сокрушается Евгения Федоровна.

Вот уже седьмой год у нее проблемы с глазами. Есть очки, но они почти не помогают, хотя телевизор стоит рядом с кроватью. Утром просыпается очень рано. Мысли теснятся и теснятся. Она берет большой блокнот, черный маркер – и мысли выстраиваются неровными стихотворными строчками. Как их снова разглядеть, если захочешь внести правку? Как много приходится запоминать наизусть! Проблемы, проблемы...

Справиться с ними помогают родные, верные добрым традициям семьи Парахиных. Уже пять лет Евгения Федоровна живет в Качканаре, в просторной квартире младшей сестры Люсенки и в постоянном окружении родственников. Не сетует, не жалуется. Она завидует лишь птицам, которые могут летать и видеть мир с высоты. А жалеет лишь о том, что никогда не видела моря.

Детская мечта не станет былью.

Если б только, если б я могла!..

Я бы шла, мешая травы с пылью,

И к тебе когда-нибудь пришла.

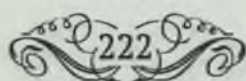
И стояла бы на камне голом,

И смотрела б в голубую даль...

Говорят, мы все оттуда родом,

Знали все девятый грозный вал.

Она хорошо знает этот грозный вал, с которым героически борется с раннего детства. Знакомлюсь с ее творчеством, читаю ее «Невысказанные мысли» – и понимаю: мыслит она глобально, всю жизнь ощущает себя частицей большого мира и считает, что каждый человек обязан совершенствоваться, ибо в этом его долг перед обществом. С этого начался мой рассказ о Евгении Тумановой. А в завершение приведу еще одну ее «невысказанную мысль»: «Нам недосуг задуматься над тем, что, воспитав одного хорошего человека – себя! – мы тем самым немножко совершенствуем мир, в котором живем».

Всем своим творчеством она воспевает этот мир и благодарит судьбу, которая дала ей такую возможность.

*Спасибо жизни за слова!
Я много радости узнала,
Когда мир этот величала...
Спасибо жизни за слова!
Спасибо, жизнь, что ты была,
Что этот мир мне подарила,
За то, что я его любила.
Спасибо, жизнь, что ты была!*

Спасибо вам, удивительная женщина, за ваш человеческий подвиг, за вашу влюбленность в жизнь.

2016 год

Содержание

В городке Нины Литвиненко.....	5
Солнцу и ветру навстречу.....	25
Видеть жизнь в новых красках и тонах.....	37
Верность.....	47
У истоков жизни.....	59
Золотая династия.....	71
Разговор по душам.....	87
Девочка из Сталинграда.....	99
Неразорвавшийся снаряд.....	111
Папа, это – я!.....	119
Сердце, отданное детям.....	127
И школа стала её судьбой.....	139
Иду по осени – такое время жизни.....	147
Родом из Синегорья.....	155
С камерой и аппаратом.....	161
Снимается кино.....	171
Шла Танюша.....	179
Чувствовать, что ты нужен.....	187
Простой счастливый человек.....	195
Спасибо, жизнь, что ты была!.....	213

Галина Краснопевцева

ПУТИ
и Судьбы
Очерки

Оригинал макет подготовили в ООО «Скиф»

Редактор-составитель: Г.П. КРАСНОПЕВЦЕВА

Формат 105x148,5. Тираж 100 экз. Заказ № 845

Отпечатано в типографии ООО «Скиф».

Свердловская область, г. Качканар, ул. Тургенева, 1, тел.: 6-18-91

